

ISSN 2219-6838



**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

6/2024



electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева** (Томск), д. ю. н., проф. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора), д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова** (Москва), д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская** (Москва), д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая** (Калининград), д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина** (Саратов), д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (Фехта), д. ю. н., проф. **И. А. Игнатьева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. В. Кодан** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова** (Москва), к. ю. н. **Я. Койстинен** (Хельсинки), д. ю. н., проф. **В. В. Комарова** (Москва), к. ю. н., доц. **Т. В. Кондрашова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **П. И. Кононов** (Киров), д. ю. н., проф. **Э. А. Кочкарова** (Бишкек), д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева** (Москва), д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова** (Пермь), д. ю. н., проф. **Е. В. Марковичева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин** (Тюмень), д. ю. н., доц. **М. В. Мещанова** (Минск), д. ю. н., проф. **С. П. Мороз** (Алматы), д. и. н., проф. **В. П. Мотревич** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **В. В. Никишин** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев** (Екатеринбург), проф. **П. Поликастро** (Щецин), д. ю. н., проф. **С. Б. Поляков** (Пермь), д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова** (Саратов), д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова** (Красноярск), д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин** (Тюмень), д. ю. н., проф. **А. И. Стахов** (Москва), д. ю. н., проф. **В. Л. Толстых** (Москва), д. ю. н., проф. **А. Трунк** (Киль), д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **С. Д. Хазанов** (Екатеринбург), проф. **Хуан Даосю** (Пекин), д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров** (Красноярск), проф. **П. Шокинс** (Лёвен)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk), **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Huang Daoxiu** (prof., Beijing), **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **E. Kochkarova** (doctor of legal sciences, prof., Bishkek), **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences, Helsinki), **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Kondrashova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof., Kirov), **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **A. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **T. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Perm), **E. Markovicheva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **M. Miashchanava** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Minsk), **S. Moroz** (doctor of legal sciences, prof., Almaty), **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **P. Policastro** (prof., Szczecin), **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, prof., Perm), **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg), **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof., Saratov), **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **O. Siegmunt** (doctor of philosophy, Vechta), **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof., Kiel), **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **P. Schoukens** (prof., Leuven), **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof., Kaliningrad), **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **T. Zametina** (doctor of legal sciences, prof., Saratov)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
редакция «Российского юридического журнала».
Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru.
electronic.ruzh.org.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

NOTITIA SCIENTIFICA

<i>Синякин И. И. (Москва)</i> Договор о запрещении ядерного оружия: введение в проблематику	5
---	---

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

<i>Толстых В. Л. (Москва)</i> Китай и международное право: от Периода Весен и Осеней до Синьхайской революции	13
---	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

<i>Рублев А. Г. (Симферополь)</i> Принцип соразмерности и ответственность за кражу денежных средств с банковского счета	38
---	----

ТРУДОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Жужгина А. А. (Тюмень)</i> Повышение эффективности мер поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с помощью искусственного интеллекта: правовой аспект	48
---	----

Трибуна молодого ученого

<i>Кочанов А. К. (Екатеринбург)</i> Принцип невмешательства во внутренние дела государств как норма <i>jus cogens</i> : оспоримость подхода А. Геррейро	57
---	----

<i>Кряжевских К. А. (Екатеринбург)</i> Цифровой нотариат в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ	67
--	----

<i>Хрущев С. В. (Екатеринбург)</i> Деятельность Комиссии составления законов по систематизации и интеграции положений церковного права в законодательную систему Российской империи (первая четверть XIX в.)	74
--	----

CONTENTS

NOTITIA SCIENTIFICA

<i>Sinyakin I. (Moscow)</i> Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: introduction to the problem.....	5
--	---

INTERNATIONAL LAW

<i>Tolstykh V. (Moscow)</i> China and international law: from the Spring and Autumn Period to the 1911 Revolution	13
---	----

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

<i>Rublev A. (Simferopol)</i> The principle of proportionality and liability for the commission of secret theft of funds from a bank account	38
--	----

LABOUR AND SOCIAL LAW

<i>Zhuzhgina A. (Tyumen)</i> Improving the effectiveness of support measures for orphans and children left without parental care using artificial intelligence: legal aspect	48
--	----

YOUNG SCIENTISTS' TRIBUNE

<i>Kochanov A. (Yekaterinburg)</i> The principle of non-intervention in the internal affairs of states as a jus cogens norm: the controversy of A. Guerreiro's approach	57
---	----

<i>Kryazhevskikh K. (Yekaterinburg)</i> Digital notary in Russia and other jurisdictions: comparative legal analysis	67
--	----

<i>Khrushchev S. (Yekaterinburg)</i> Activities of the Law Drafting Commission on the systematization and integration of church law provisions into the legislative system of the Russian Empire (first quarter of the XIX century)	74
---	----

ДОГОВОР О ЗАПРЕЩЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ: ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ

Синякин Иван Игоревич

Доцент кафедры международного права
Московского государственного института международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, кандидат юридических наук,
доцент (Москва), ORCID: 0000-0002-8899-4219, e-mail: ilc48@mail.ru.

В современном международном праве количество международных договоров, не только представляющих интерес и значимых для всего международного сообщества, но и предусматривающих основы мирового правопорядка и безопасности, незначительно. Среди них можно выделить Устав ООН 1945 г. и Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. Фундаментальный характер закрепляемых этими соглашениями положений обуславливает как гарантию стабильного функционирования международно-правового регулятора на универсальном уровне, так и высочайшие требования к любым изменениям данных основ и особенно их заменам. Вступивший в силу Договор о запрещении ядерного оружия 2017 г., призванный заменить Договор 1968 г., ставит массу вопросов о возможности считаться такой «надлежащей заменой». Договор 2017 г. анализируется в статье с разных позиций: потенциального вклада в международную безопасность, повышения эффективности предотвращения гипотетического ядерного конфликта, соотношения с положениями Договора 1968 г., основ права международных договоров. Подобный подход позволяет выявить слабые стороны предлагаемого режима, а главное – понять истинные намерения разработчиков Договора 2017 г., реальность их стремления к действительному всеобщему ядерному разоружению.

Ключевые слова: Договор о запрещении ядерного оружия, поддержание международного мира и безопасности, право международных договоров

Для цитирования: Синякин И. И. Договор о запрещении ядерного оружия: введение в проблематику // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 6. С. 5–12. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_5.

TREATY ON THE PROHIBITION OF NUCLEAR WEAPONS: INTRODUCTION TO THE PROBLEM

Sinyakin Ivan

Associate professor, Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, candidate of juridical sciences (Moscow),
ORCID: 0000-0002-8899-4219, e-mail: ilc48@mail.ru.

In contemporary international law the number of treaties that are not only of interest and significance to the entire international community but also provide the foundations for global legal order and security is limited. Among them – the UN Charter of 1945 and the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons of 1968. The fundamental nature of the provisions established by these agreements brings about both a guarantee of the stable functioning of the universal international legal regulator and the highest standards for any changes to these foundations, especially their replacements. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, which entered into force in 2021 and intended to replace the Treaty of 1968, raises numerous questions about its potential to be considered a «proper replacement». This article analyzes the Treaty of 2017 from various perspectives: its potential contribution to international security, its effectiveness in preventing a hypothetical nuclear conflict, its relationship

with the provisions of the Treaty of 1968, and the grounds of the law of treaties. Such an approach allows to identify the weaknesses of the proposed regime and, most importantly, to understand the true intentions of the developers of the Treaty of 2017 and the reality of their aspiration for genuine global nuclear disarmament.

Key words: Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, maintaining of international peace and security, law of treaties

*For citation: Sinyakin I. (2024) Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: introduction to the problem. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 5–12, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_5.*

Универсальные международные договоры, касающиеся оружия массового уничтожения, всегда имели особое значение для обеспечения международного мира и безопасности (особенно Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г.; далее – ДНЯО). Однако Договор о запрещении ядерного оружия 2017 г. не только рискует остаться неэффективным и неспособным достичь заложенной в него цели, но и может инициировать весьма порочную практику международного нормотворчества, подорвать веру в складывавшиеся десятилетиями механизмы глобального разоружения и даже подменить действительно необходимые шаги ко всеобщему миру имитацией попыток поиска путей решения.

Итак, 22 января 2021 г. вступил в силу Договор о запрещении ядерного оружия, принятый на Конференции ООН 7 июля 2017 г. (далее – ДЗЯО, Договор). На начало 2025 г. в нем участвует 73 государства и еще 21 продолжает процесс оформления своего участия. При этом в подготовке ДЗЯО не участвовала ни одна из пяти ядерных держав; ни одно государство-член НАТО (кроме Нидерландов), ни одна страна, имеющая соглашения о безопасности с США¹. Более того, Россия, США, Франция и Великобритания прямо заявили о своем нежелании становиться участниками, поскольку Договор не способен обеспечить безопасность какого-либо государства, международный мир и стабильность, а Китай обусловил ядерное разоружение обязательным участием в нем всех ядерных государств². Вдобавок в настоящее время отмечается сохранение интереса ядерных государств в продолжении ядерных испытаний и модернизации ядерных арсеналов³, высказывается мнение о том, что ядерные державы (*de facto*

¹ Договор о запрещении ядерного оружия: формирование нового режима? / под ред. Е. Б. Михайленко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 48–49.

² Володин Д. А. Правительство Дж. Трюдо и проблемы ядерного разоружения // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 5 (581). С. 44–45, 47; Михайленко Е. Б., Михайленко В. И. Подорывает ли Договор о запрещении ядерного оружия режим нераспространения? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2017. № 4 (170). С. 106–107; *Considine L. Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition // International Affairs*. 2019. Vol. 95 (5). P. 1081–1082; *Fleck D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security // Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 402–403; Ruff T. Negotiating the UN Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Role of ICAN // Global Change, Peace & Security*. 2018. Vol. 30 (2). P. 4. URL: <https://doi.org/10.1080/14781158.2018.1465908> (дата обращения: 10.01.2025); *Scheffran J. Verification and Security of Transformation to a Nuclear-Weapon-Free World: the Framework of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // Global Change, Peace & Security*. 2018. Vol. 30 (2). P. 2. URL: <https://doi.org/10.1080/14781158.2018.1472565> (дата обращения: 10.01.2025).

³ Бужинский Е. П., Веселов В. А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. № 3. С. 3–47; Гусейнов К. К. Почему невозможен французский «ядерный ноль»? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2019. № 3 (191). С. 185–193; Козин В. П. Возможно ли создать безъядерный мир к 2045 году? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 6 (582). С. 50–56; Круглов В. В., Шушлебин А. С. Анализ возможностей иностранных государств по скрытию ядерных испытаний // Военная мысль. 2018. № 2. С. 82–89; Муратшина К. Г., Пашкова Т. В. Китайская Народная Республика и Договор о запрещении ядерного оружия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 161–166; Шушлебин А. С., Кривоногов А. Н. Возможность зарубежных стран по испытанию ядерного оружия в рамках международного договора // *I-methods*. Т. 10. 2018. № 3. С. 50. При этом неверно было бы утверждать, что ядерные государства являются противниками ядерного разоружения. Так, ядерными державами и их союзниками предлагалось сохранить процесс ядерного разоружения согласно ДНЯО и в соответствии с решения-

и *de jure*) стремятся исключить любую возможность, чтобы положения ДЗЯО обрели силу норм обычного права¹. Кроме того, ДЗЯО не поддержали более 60 неядерных государств, имеющих с ядерными державами союзнические соглашения, в том числе предоставляющие право размещать на их территории ядерное оружие². Неучастие ядерных государств на всех стадиях заключения ДЗЯО подчеркивает отсутствие какой-либо основы для их потенциального волеизъявления в будущем, а также делает сомнительным значимость Договора для разоружения в целом и поставленной задачи – в частности³. Этот вывод дополняется и составом инициаторов и разработчиков текста ДЗЯО: неядерные государства, международные и внутригосударственные общественные движения (около 450 неправительственных организаций по всему миру), отдельные ученые и политики⁴. Перспективность подобных усилий весьма точно оценена премьер-министром Канады Дж. Трюдо: «Самые разные люди могут говорить о ядерном оружии, но если у них нет такого оружия, то это бессмысленное занятие»⁵.

Как политический шаг ДЗЯО имеет огромный потенциал независимо от конкретного содержания и состава участников. Но ДЗЯО как международный договор – это, прежде всего, источник прав и обязанностей государств, его настоящая действенность в первую очередь обусловлена юридической «полноценностью», отражающей соответствие общепризнанным принципам и нормам международного права, реалиям современной системы международной безопасности и действительному волеизъявлению всех заинтересованных сторон. А потому именно юридический анализ Договора способен наиболее объективно определить его «жизнеспособность».

ДЗЯО состоит из преамбулы, основных обязательств (ст. 1–9, 12) и заключительных положений (ст. 10–11, 13–20). В настоящем, вступительном исследовании проанализированы положения преамбулы (ст. 1, 3, 4, 6–8, 17, 18, 20 будут рассмотрены в последующем). Остальные статьи Договора либо содержат положения, вытекающие из основных обязательств⁶, либо носят «технический», процедурный характер⁷, а потому представляют второстепенный интерес для изучения.

Преамбула ДЗЯО содержательно состоит из целей, принципов и программных установок, заимствованных из преамбул целого ряда международных договоров⁸: обеспечение и сохранение международного мира и безопасности в соответствии с Уставом ООН; воздержание от угрозы силой или ее применения; предотвращение распространения ядерного оружия и полное его уничтожение под строгим и эффек-

ми, принятыми на обзорных конференциях его государств-участников (например, уничтожение ядерного оружия до его юридического запрещения). См.: *Володин Д. А.* Указ. соч. С. 37.

¹ *Tannenwald N.* The Humanitarian Initiative: A Critical Appreciation // *Non-Nuclear Peace. Beyond the Nuclear Ban Treaty* / ed. by T. Sauer, J. Kustermans, B. Segaert. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 126.

² *Марусин И. С.* Договор о запрещении ядерного оружия 2017 года и перспективы его применения // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 2018. № 1 (336). С. 26; *Михайленко Е. Б., Михайленко В. И.* Указ. соч. С. 106; *Трунов Ф. О.* Феномен державы без права на обладание ОМУ/ОМП: Германия и кризис контроля над вооружениями // *Актуальные проблемы Европы.* 2020. № 3 (107). С. 119–136.

³ *Lito M.* Introductory Note to Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // *International Legal Materials.* 2018. Vol. 57. P. 348–349.

⁴ *Козин В. П.* Указ. соч. С. 57; *Müller H.* The Future of the Non-proliferation Treaty // *International Cooperation for Enhancing Nuclear Safety, Security, Safeguards and Non-Proliferation – 60 Years of IAEA and EURATOM. Proceedings of the XX Edoardo Amaldi Conference, Accademia Nazionale dei Lincei, Rome, Italy, October 9–10, 2017* / ed. by L. Maiani, S. Abousahl, W. Plastino. Berlin: Springer, 2018. P. 152; *Ruff T.* Op. cit. P. 1–2; *Tannenwald N.* Op. cit. P. 119.

⁵ *Шушлебин А. С., Кривоногов А. Н.* Указ. соч. С. 46.

⁶ Статьи 2, 3, 5, 12.

⁷ Статьи 9–11, 13–16, 19.

⁸ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой от 5 августа 1963 г., Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 г., Договор о нераспространении ядерного оружия от 12 июня 1968 г., Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 5 декабря 1979 г., Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний от 10 сентября 1996 г., договоры о безъядерных зонах, конвенции о запрещении бактериологического и химического оружия и др. Кроме того, текст преамбулы ДЗЯО перекликается с Консультативным заключением Международного суда ООН от 8 июля 1996 г. См.: *Rietiker D.* The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law // *Nuclear Non-Proliferation in International Law.* Vol. IV. P. 332–336.

тивным международным контролем на благо всего человечества; содействие развитию мирной ядерной энергетики; подтверждение приверженности обязательствам по ранее заключенным универсальным международным договорам и т. д. Новыми для указанной группы международных договоров стали три положения преамбулы.

Первое касается попытки распространить на применение ядерного оружия основы международного гуманитарного права: запрещение нападений неизбирательно-го характера, соразмерность и предосторожность при нападении, запрет причинения чрезмерных повреждений и излишних страданий, несовместимость применения ядерного оружия с принципами гуманности и требованиями общественного сознания. С одной стороны, такие положения ранее не встречались в международных договорах, касающихся ядерного оружия, что обусловлено как юридическим закреплением в ДНЯО права постоянных членов Совета Безопасности ООН обладать таким оружием (ядерные государства *de jure*), фактическим обладанием ядерным оружием неучастниками ДНЯО¹ (ядерные государства *de facto*), так и отсутствием международно-правового запрета (договорного или обычного) применять ядерное оружие². С другой стороны, подобные нормы выступают частью общего международного права в отношении других классов оружия массового уничтожения: бактериологического и химического. Поскольку указанные нормы не являются общим международным правом в отношении ядерного оружия, рассматриваемое положение преамбулы представляет собой не подтверждение факта существования обязательства, не отражение складывающейся в международном праве тенденции, а лишь цель договорной регламентации, то, чем данные нормы могут стать, если в ДЗЯО будут участвовать все государства мира.

Вторым «новшеством» преамбулы стало признание равного, полного и эффективного участия как женщин, так и мужчин в качестве одного из факторов поощрения и обеспечения устойчивого мира и безопасности, а также заявление о приверженности поддержанию и укреплению эффективного участия женщин в ядерном разоружении³. В доктрине это объясняется более опасными (в сравнении с мужчинами) физиологическими и психологическими последствиями для здоровья, а также трудностями, с которыми женщины сталкиваются в случае неизбежной эвакуации и переселении после применения ядерного оружия, и даже тем, что женщины более миролюбивы, чем мужчины⁴. Формулировка Договора и приведенные обоснования ставят несколько вопросов. Прежде всего сомнение вызывает сам факт существования какой-либо дискриминации женщин в вопросе участия в ядерном разоружении. Ни один международный договор, касающийся оружия массового уничтожения, никогда не устанавливал, не поощрял и даже не затрагивал вопросы прав женщин, что само по себе в силу объекта и целей этих договоров не может рассматриваться в качестве их недостатков. По своей сути разоружение представляет собой многоплановый процесс, включающий в себя значительный комплекс мероприятий как на международном, так и на внутригосударственном уровне, требующих в первую очередь участия специалистов в определенных областях, а не паритета по половому признаку. Наконец, с точки зрения международного права основными участниками процесса и режима разоружения / нераспространения ядерного оружия и средств их доставки являются государства, чей статус установлен соответствующими международными договорами, в том числе и самим ДЗЯО. Статус мужчин и женщин в части ядерного разоружения нигде не предусмотрен и маловероятен как объект международно-правового регулирования. Несмотря на то что язык данного положения более характерен для соглашений в области прав человека⁵, следует отметить, что в рамках преамбулы ДЗЯО эта формулировка, как и доктринальные пояснения включения данных конструкций в текст, более близка к политическому заявлению, а использование подобных конструкций в международных договорах размывает юридическую

¹ Израиль, Индия, КНДР, Пакистан.

² Законность угрозы ядерным оружием или его применения. Консультативное заключение Международного суда ООН от 8 июля 1996 г. // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. Нью-Йорк: ООН, 1998. С. 107–118.

³ В тексте Договора аналогичные положения встречаются в ст. 6.

⁴ *Venturini G. Gender Perspective on Nuclear Weapons and Human Rights // Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. P. 104–105, 111.*

⁵ *Rietiker D. Op. cit. P. 349.*

ценность всего текста источника права, приближая его по языку к тексту деклараций или резолюций международных организаций.

Наконец, третьим пунктом стало признание важности образования по вопросам мира и разоружения во всех его аспектах и повышения осведомленности о рисках и последствиях применения ядерного оружия. Учитывая то, что первое применение ядерного оружия имело место в 1945 г., а последнее его испытание произошло в КНДР уже после подписания ДЗЯО (3 сентября 2017 г.), можно полагать, что к настоящему моменту международным сообществом накоплен значительный объем информации и по аспектам разоружения, и по аспектам последствий применения ядерного оружия. Иными словами, данная инициатива лишь подтверждает самоочевидные вещи.

Таким образом, формулировки преамбулы ДЗЯО, по сути, воспроизвели общеизвестные постулаты, на которых строятся отрасли права международной безопасности и институт разоружения. С одной стороны, обозначенная «общепризнанность» целей и значимость предмета могут привлечь к участию в ДЗЯО широкий круг государств, с другой стороны, очевидность повторяемых положений, являющихся в своем большинстве обязательствами *erga omnes*, делает бессмысленной всю вступительную часть ДЗЯО. Получается, что идентичные формулировки преамбул разных международных договоров предшествуют центральным частям, содержащим не совместимые между собой и даже отрицающие друг друга обязательства. Принимая во внимание одинаковую правомерность и действительность указанных договоров, государства, прежде всего ядерные державы *de jure*, встают не только перед политическим, но и перед юридическим выбором какого-то одного международного режима, однако при этом какая-либо «дополнительная», «новая» мотивировка предпочтения именно режима ДЗЯО отсутствует. Иными словами, преамбула ДЗЯО не обосновывает, почему обладание ядерным оружием *ipso facto* является противоправным. Тот факт, что данные формулировки использовались в конвенциях по запрещению биологического и химического оружия, не может считаться достаточным для аналогии, поскольку с точки зрения международного права, истории всеобщего разоружения и нераспространения, а также роли ядерного оружия в сдерживании и обеспечении международного мира и безопасности статус классов оружия массового уничтожения никогда не был одинаковым, а значит, и основания для его полного запрета должны быть совершенно другими.

Обратим также внимание, что постановку вопроса о «необходимости скорейшего и полного запрета ядерного оружия» не следует рассматривать в качестве новой или самостоятельной инициативы Коалиции «Новая повестка дня – НАС»¹. Впервые данный вопрос в аналогичной формулировке был поставлен еще 14 декабря 1946 г. перед наиболее широким на тот момент форумом государств – Генеральной Ассамблеей ООН². В п. 3 указанной резолюции говорится о существенном шаге «на пути к достижению неотложной цели запрещения и изъятия из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения». В дальнейшем вопрос запрещения ядерного оружия или его применения стал постоянным пунктом повестки дня Генеральной Ассамблеи ООН³. Свою актуальность данный вопрос не потерял

¹ Вербицкая Т. В. Соотношение Договора о запрещении ядерного оружия и международно-правового режима нераспространения ядерного оружия // Военное право. 2018. № 2 (48). С. 221; Михайленко Е. Б., Михайленко В. И. Указ. соч. С. 103–105; Нарышкина О. М. Тернистый путь к «глобальному нулю» // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 3. С. 69–83.

² Принципы, определяющие общее регулирование и сокращение вооружений (приняты резолюцией 41 (I) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1946 г.).

³ См., например: Запрещение атомного оружия и сокращение на одну треть вооружений и вооруженных сил постоянных членов Совета Безопасности (резолюция 192 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 19 ноября 1948 г.); Международный контроль над атомной энергией (резолюция 496 (V) Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 1950 г.); Регулирование, ограничение и соразмерное сокращение всех вооруженных сил и всех вооружений: доклад Комиссии по разоружению (резолюция 704 (VII) Генеральной Ассамблеи ООН от 8 апреля 1953 г.); Регулирование, ограничение и соразмерное сокращение всех вооруженных сил и всех вооружений; заключение международной конвенции (договора) о сокращении вооружений и запрещении атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения (резолюция 1148 (XII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 ноября 1957 г.); Вопрос о созыве конференции для подписания конвенции о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия (резолюция 1801 (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1962 г.) и т. д.

и в последнее десятилетие¹. Иными словами, указанная проблема в схожих формулировках обсуждается международным сообществом на протяжении почти 70 лет, и, несмотря на сохраняющуюся актуальность проблемы, каких-либо особых, «новых» оснований экстренной необходимости немедленного запрещения ядерного оружия в настоящее время не существует.

Цели нового международно-правового регулирования, обозначенные в преамбуле ДЗЯО, не прошли проверки временем. Кардинально изменившаяся с 2022 г. конфигурация международных отношений мгновенно выявила практическую «неживучесть» и полную неадаптивность предлагаемого договорного режима к новым политическим реалиям. В отличие от ДНЯО Договор 2017 г. сразу превратился в политическую декларацию слабых в военном отношении государств, не способных внести какой-либо вклад в устранение реальной угрозы новой мировой войны между ядерными державами.

Список литературы

Бужинский Е. П., Веселов В. А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. № 3. С. 3–47.

Вербицкая Т. В. Соотношение Договора о запрещении ядерного оружия и международно-правового режима нераспространения ядерного оружия // Военное право. 2018. № 2 (48). С. 221–225.

Володин Д. А. Правительство Дж. Трюдо и проблемы ядерного разоружения // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 5 (581). С. 35–51.

Гусейнов К. К. Почему невозможен французский «ядерный ноль»? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2019. № 3 (191). С. 185–193.

Договор о запрещении ядерного оружия: формирование нового режима? / под ред. Е. Б. Михайленко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 180 с.

Козин В. П. Возможно ли создать безъядерный мир к 2045 году? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 6 (582). С. 41–65.

Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. Нью-Йорк: ООН, 1998. 132 с.

Круглов В. В., Шушлебин А. С. Анализ возможностей иностранных государств по скрытию ядерных испытаний // Военная мысль. 2018. № 2. С. 82–89.

Марусин И. С. Договор о запрещении ядерного оружия 2017 года и перспективы его применения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2018. № 1 (336). С. 20–31.

Михайленко Е. Б., Михайленко В. И. Подрывает ли Договор о запрещении ядерного оружия режим нераспространения? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2017. № 4 (170). С. 100–111.

Муратшина К. Г., Пашкова Т. В. Китайская Народная Республика и Договор о запрещении ядерного оружия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 160–168.

Нарышкина О. М. Тернистый путь к «глобальному нулю» // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 3. С. 67–88.

Трунов Ф. О. Феномен державы без права на обладание ОМУ/ОМП: Германия и кризис контроля над вооружениями // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 3 (107). С. 118–143.

Шушлебин А. С., Кривоногов А. Н. Возможности зарубежных стран по испытанию ядерного оружия в рамках международного договора // I-methods. Т. 10. 2018. № 3. С. 48–55.

Considine L. Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition // International Affairs. 2019. Vol. 95 (5). P. 1075–1092.

Fleck D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security // Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 395–415.

Lito M. Introductory Note to Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // International Legal Materials. 2018. Vol. 57. P. 347–349.

Müller H. The Future of the Non-proliferation Treaty // International Cooperation for Enhancing Nuclear Safety, Security, Safeguards and Non-Proliferation – 60 Years of IAEA and EURATOM. Proceedings of the XX Edoardo Amaldi Conference, Accademia Nazionale dei Lincei, Rome, Italy, October 9–10, 2017 / ed. by L. Maiani, S. Abousahl, W. Plastino. Berlin: Springer, 2018. P. 139–147.

Rietiker D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law // Nuclear Non-Proliferation in International

¹ Резолюция 68/40, принятая 5 декабря 2013 г.; резолюция 70/48, принятая 7 декабря 2015 г.; резолюция 72/50, принятая 4 декабря 2017 г.; резолюция 74/46, принятая 12 декабря 2019 г., и др.

Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 325–353.

Ruff T. Negotiating the UN Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Role of ICAN // *Global Change, Peace & Security*. 2018. Vol. 30 (2). P. 233–241. URL: <https://doi.org/10.1080/14781158.2018.1465908> (дата обращения: 10.01.2025).

Scheffran J. Verification and Security of Transformation to a Nuclear-Weapon-Free World: the Framework of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // *Global Change, Peace & Security*. 2018. Vol. 30 (2). P. 143–162. URL: <https://doi.org/10.1080/14781158.2018.1472565> (дата обращения: 10.01.2025).

Tannenwald N. The Humanitarian Initiative: A Critical Appreciation // *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty* / ed. by T. Sauer, J. Kustermans, B. Segaert. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 115–129.

Venturini G. Gender Perspective on Nuclear Weapons and Human Rights // *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy* / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 99–115.

References

Buzhinskii E. P., Veselov V. A. (2018) Yadernaya politika SShA v XXI veke: preemstvennost' i razlichiya v podkhodakh administratsii Dzh. Busha-ml., B. Obamy i D. Trampa [Nuclear Policy of the USA in the XXI century: Succession and Differences of G. W. Bush', B. Obama' and D. Trump' Administrations]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, no. 3, pp. 3–47.

Considine L. (2019) Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition. In *International Affairs*, vol. 95, no. 5, pp. 1075–1092.

Fleck D. (2019) The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security. In Black-Branch J. L., Fleck D. (Eds.) *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy*. Berlin, Springer, pp. 395–415.

Guseinov K. K. (2019) Pochemu nevozmozhen frantsuzskii «yadernyi nol'»? [Why is the French «Nuclear Zero» Impossible?]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennye nauki*, no. 3 (191), pp. 185–193.

Lito M. (2018) Introductory Note to Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. In *International Legal Materials*, vol. 57, pp. 347–349.

Kozin V. P. (2018) Vozmozhno li sozdat' bez"yadernyi mir k 2045 godu? [Is it Possible to Have Non-Nuclear World in 2045?]. In *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 6 (582), pp. 41–65.

Kratkoe izlozhenie reshenii, konsul'tativnykh zaklyuchenii i postanovlenii Mezhdunarodnogo suda OON. 1992–1996 gody (1998) [Extracts of Judgements, Advisory Opinions and Orders of the ICJ. 1992–1996]. New-York, OON, 132 p.

Kruglov V. V., Shushlebin A. S. (2018) Analiz vozmozhnostei inostrannykh gosudarstv po skrytiyu yadernykh ispytaniy [Analysis of Possibilities of Foreign States to Hide Nuclear Tests]. In *Voennaya mysl'*, no. 2, pp. 82–89.

Marusin I. S. (2018) Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya 2017 goda i perspektivy ego primeneniya [Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and Perspectives of its Application]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, no. 1 (336), pp. 20–31.

Mikhailenko E. B., Mikhailenko V. I. (2017) Podryvaet li Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya rezhim nerasprostraneniya? [Does the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons Undermine the Non-Proliferation Regime?]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennye nauki*, no. 4 (170), pp. 100–111.

Mikhailenko E. B. (Ed.) *Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya: formirovanie novogo rezhima?* [Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: New Regime Formation?]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 180 p.

Muratshina K. G., Pashkova T. V. (2019) Kitaiskaya Narodnaya Respublika i Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya [The People's Republic of China and Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 441, pp. 160–168.

Müller H. (2018) The Future of the Non-proliferation Treaty. In Maiani L., Abousahl S., Plastino W. (Eds.) *International Cooperation for Enhancing Nuclear Safety, Security, Safeguards and Non-Proliferation – 60 Years of IAEA and EURATOM. Proceedings of the XX Edoardo Amaldi Conference, Accademia Nazionale dei Lincei, Rome, Italy, October 9–10, 2017*. Berlin, Springer, pp. 139–147.

Naryshkina O. M. (2017) Ternisty put' k «global'nomu nulyu» [The Thorny Path to «Global Zero»]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, no. 3, pp. 67–88.

Rietiker D. (2019) The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law. In Black-Branch J. L., Fleck D. (Eds.)

Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy. Berlin, Springer, pp. 325–353.

Ruff T. (2018) Negotiating the UN Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Role of ICAN. In *Global Change, Peace & Security*, vol. 30, no. 2, pp. 233–241, available at: <https://doi.org/10.1080/14781158.2018.1465908> (accessed: 10.01.2025).

Scheffran J. (2018) Verification and Security of Transformation to a Nuclear-Weapon-Free World: the Framework of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. In *Global Change, Peace & Security*, vol. 30, no. 2, pp. 143–162, available at: <https://doi.org/10.1080/14781158.2018.1472565> (accessed: 10.01.2025).

Shushlebin A. S., Krivonogov A. N. (2018) Vozmozhnosti zarubezhnykh stran po ispytaniyu yadernogo oruzhiya v ramkakh mezhdunarodnogo dogovora [Nuclear Test Possibilities of Foreign States according to the Treaty]. In *I-methods*, vol. 10, no. 3, pp. 48–55.

Tannenwald N. (2020) The Humanitarian Initiative: A Critical Appreciation. In Sauer T., Kustermans J., Segaert B. (Eds.) *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty.* Switzerland, Palgrave Macmillan, pp. 115–129.

Trunov F. O. (2020) Fenomen derzhavy bez prava na obladanie OМУ/OMP: Germaniya i krizis kontrolya nad vooruzheniyami [The Phenomenon of a No WMD State: Germany and the Crisis of Armaments Control]. In *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 3 (107), pp. 118–143.

Venturini G. (2019) Gender Perspective on Nuclear Weapons and Human Rights. In Black-Branch J. L., Fleck D. (Eds.) *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy.* Berlin, Springer, pp. 99–115.

Verbitskaya T. V. (2018) Sootnoshenie Dogovora o zapreshchenii yadernogo oruzhiya i mezhdunarodno-pravovogo rezhima nerasprostraneniya yadernogo oruzhiya [Correlation between Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and International Legal Regime of Non-Proliferation of Nuclear Weapons]. In *Voennoe pravo*, no. 2 (48), pp. 221–225.

Volodin D. A. (2018) Pravitel'stvo Dzh. Tryudo i problemy yadernogo razoruzheniya [The Administration of J. Trudeau and Problems of Nuclear Disarmament]. In *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 5 (581), pp. 35–51.

КИТАЙ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ОТ ПЕРИОДА ВЕСЕН И ОСЕНЕЙ ДО СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Толстых Владислав Леонидович

Доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения
Российской академии наук (Москва), ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

История международно-правовой политики Китая представляет интерес не только как оригинальный артефакт; она является важным фактором, определяющим восприятие Китаем современного международного права, и постоянным пунктом референции – своего рода мифом, встроенным в официальный дискурс, к которому постоянно обращаются как государственные лидеры, так и представители доктрины. В данной статье рассматриваются пять ключевых вопросов, касающихся взаимоотношений между Китаем и международным правом: 1) особенности международных отношений в Древнем Китае в период раздробленности; 2) особенности трибутарной системы, существовавшей в имперский период, и фундирующей ее концепции Тянься; 3) эволюция отношений между Китайской империей и Западом, итогом которой стала Синьхайская революция 1911 г. и создание республики; 4) правовой режим неравноправных договоров, заключенных между Китаем и западными державами в XIX в.; 5) правовые аспекты конфуцианства и других китайских традиционных идеологий. Применительно к каждому из этих вопросов приводятся оценки китайских и западных авторов и в некоторых случаях – позиция автора. В заключении автор делает выводы, касающиеся восприятия Китаем международного права: 1) оно рассматривается как инструмент, который был использован против Китая и в совокупности с другими инструментами причинил ему огромные страдания; 2) оно воспринимается относящимся к «царству морали», а не к «царству права», т. е. оценивается в первую очередь в системе морально-этических координат, а не в системе координат, используемых правовой наукой; 3) оно считается навязанным Китаю извне и чуждым его традиции; будучи некитайским, оно понимается как временное, необязательное и неинтересное; 4) история международного права начинается для Китая в XIX в., т. е. в момент его встречи с Западом; она начинается с порабощения Китая и должна закончиться его эмансипацией; 5) одним из результатов данной встречи стала утрата Китаем его территорий; восстановление прав на них – важная задача китайского правительства и китайской доктрины; 6) международное право рассматривается как ритуал, т. е. как жестко регламентированная совокупность формул и действий.

Ключевые слова: история международного права, Китай, трибутарная система, неравноправные договоры, экстерриториальная юрисдикция

Для цитирования: Толстых В. Л. Китай и международное право: от Периода Весен и Осеней до Синьхайской революции // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 6. С. 13–37. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_13.

CHINA AND INTERNATIONAL LAW: FROM THE SPRING AND AUTUMN PERIOD TO THE 1911 REVOLUTION

Tolstikh Vladislav

Doctor of juridical sciences, leading researcher, Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences (Moscow), ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

The history of China's international legal policy is not only of interest as an original artefact; it is also an important factor in determining China's perception of contemporary international law and a permanent point of reference – a kind of myth

embedded in official discourse and constantly referred to by state leaders and scholars alike. This article examines five key aspects of China's relationship with international law: 1) the peculiarities of international relations in ancient China during the period of fragmentation; 2) the peculiarities of the tributary system that existed in the imperial period and the Tianxia concept that underpinned it; 3) the evolution of relations between the Chinese empire and the West, culminating in the 1911 Revolution and the establishment of the Republic; 4) the legal regime of unequal treaties concluded between China and Western powers in the XIX century; 5) the legal aspects of Confucianism and other traditional Chinese ideologies. For each of these issues, the assessments of Chinese and Western authors and, in some cases, the author's own position are given. The author draws conclusions regarding China's perception of international law: 1) international law is seen as an instrument that has been used against China and, together with other instruments, has caused China great suffering; 2) it is seen as belonging to the «realm of moral» rather than the «realm of law», i. e. it is primarily evaluated in the system of moral and ethical coordinates rather than in the system of coordinates used by legal scholarship; 3) it is seen as imposed on China from the outside and as alien to its culture; being non-Chinese, it is perceived as temporary, non-binding and uninteresting; 4) for China, the history of international law begins in the XIX century, i. e. at the moment of its encounter with the West; it begins with the enslavement of China and should end with its emancipation; 5) one of the results of the encounter was the loss of China's territories; the restoration of titles to them is an important task of the Chinese government and Chinese doctrine; 6) international law is seen as a ritual, that is, as a rigidly regulated set of formulas and actions.

Key words: history of international law, China, tributary system, unequal treaties, extraterritorial jurisdiction

*For citation: Tolstykh V. (2024) China and international law: from the Spring and Autumn Period to the 1911 Revolution. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 13–37, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_13.*

Введение

История отношений Китая с международным правом долгое время не вызывала большого интереса: западные авторы были склонны рассматривать не только Китай, но и Азию в целом как периферийный и отсталый регион, а китайские авторы были преимущественно сосредоточены на внутренних проблемах. В последние годы ситуация резко изменилась, что может быть объяснено двумя обстоятельствами: во-первых, стремлением западной доктрины преодолеть европоцентризм¹; во-вторых, стремлением самого Китая занять более значимое место в мировом порядке – попытка реконструировать собственную историю направлена на придание этому стремлению большей легитимности.

До недавнего времени речь шла о встречном движении: несмотря на разные перспективы, и западные, и китайские авторы стремились доказать, что Китай был знаком с элементами международного права или, по меньшей мере, был готов к его рецепции, состоявшейся в XIX в. Включение китайской истории в общий нарратив придает этой истории *смысл*, позволяет снять посттравматический синдром, возникший в результате Опиумных войн, легитимирует политическую модель, созданную по западному образцу, и позволяет апроприировать ряд правовых категорий, таких как суверенитет, невмешательство и др.² Вместе с тем оно легитимирует само междуна-

¹ Примером использования этого подхода является авторитетное издание: Oxford Handbook of the History of International Law / ed. by A. B. Fassbender, A. Peters. Oxford: Oxford University Press, 2012. По мнению критиков, сторонники этого подхода пытаются обнаружить в незападном опыте категории европейского права; это сохраняет Европу в качестве главного исторического субъекта и места возникновения международного права, в то время как все иные истории выглядят лишь вариациями европейского гранд-нарратива. См.: Carrai M. A. Historiographies of International Law from a Chinese Perspective // *Clio@Themis*. 2020. № 18. URL: <http://journals.openedition.org/cliiothemis/302> (дата обращения: 30.10.2024).

² «Ведущие китайские профессора Ван Тейя, Сюэ Ханьцин и Цзя Бинбин придерживаются национальной или патриотической перспективы. Для них история международного права в Китае связана

родное право, которое предстает не как продукт локальной (европейской) культуры, но как общее достояние всего человечества.

На рубеже XX–XXI вв. наметилась другая тенденция: китайские авторы стали подчеркивать оригинальность древнекитайского порядка и регулирующих его норм, представляя их как альтернативу западным моделям. Более того, появились работы, доказывающие целесообразность реабилитации старых концепций, которые якобы позволяют вывести человечество из того кризиса, в котором оно оказалось. Такого рода исследования помогают Китаю преодолеть комплекс отсталости, объяснить свои отличия (например, в части прав человека) и одновременно реализовать внешнеполитическую повестку (организовать пространство «Один пояс, один путь», подкрепить претензии на спорные территории и др.). Общим фоном для них является *историзм* – подход, постулирующий отсутствие единой истории и наличие параллельных национальных историй¹.

В данной статье рассматриваются пять ключевых вопросов, касающихся взаимоотношений между Китаем и международным правом: 1) особенности международных отношений в Древнем Китае в период раздробленности; 2) особенности трибутарной системы, существовавшей в имперский период, и фундирующей ее концепции Тянься; 3) эволюция отношений между Китайской империей и Западом, итогом которой стала Синьхайская революция 1911 г. и создание республики; 4) правовой режим неравноправных договоров, заключенных между Китаем и западными державами в XIX в.; 5) правовые аспекты конфуцианства и других китайских традиционных идеологий. Применительно к каждому из этих вопросов приводятся оценки китайских и западных авторов и в некоторых случаях – позиция автора.

Период Весен и Осеней и Период Сражающихся царств

Идея о том, что уже в древности Китай использовал международное право, была выдвинута в XIX в. американским миссионером У. Мартином и поддержана многими китайскими учеными. Еще дальше идет С. Нефф, по мнению которого Древний Китай попытался сформировать свод принципов международного права, соответственно, сама дисциплина родилась именно здесь, а Греция и Рим лишь сделали «решающий шаг», разработав концепцию естественного права². Все эти авторы считают, что в периоды раздробленности в Китае складывалась множественность политических субъектов, которые были связаны общей культурой и руководствовались во внешних сношениях четкими правилами, имевшими обычно-правовой характер. Действительно, в Период Весен и Осеней (Чуньцю, 722–475 гг. до н. э.) княжества-гегемоны Ци, Цзинь, Чу, Цинь и Сун признавали сюзеренитет дома Чжоу, но обладали фактической независимостью, постоянно враждуя друг с другом и мелкими княжествами³. В Период Сражающихся царств (Чжаньго, 475–221 гг. до н. э.) дом Чжоу полностью утратил власть, а количество княжеств сократилось в 10 раз (со 170); семь правителей присвоили себе титул *вана* (царя) вместо титула *гуна* (князя). Этот период закончился объединением Китая под властью вана Цинь, принявшего титул *хуанди* (император). Похожие условия существовали в период Троецарствия (220–280 гг. н. э.) и период соперничества Сун, Ляо и Цзинь (907–1279 гг. н. э.).

У. Мартин обнаружил следующие свидетельства международного права в Период Весен и Осеней: регулярные политические и торговые отношения между государствами, обмен посольствами, заключение договоров, следование принципу политического равновесия, уважение прав нейтральных государств, существование специального класса дипломатов. Он также выделил следующие начала права войны:

с его становлением как суверенного государства, способного полностью утвердить свою новую международную субъектность и отменить неравноправные договоры. В этом великом нарративе Китай из жертвы превращается в создателя международного права; из аутсайдера в семье наций, колонизированного другими государствами, – в полноправного субъекта, не только вносящего вклад в создание международного права, но и защищающего высшую ценность суверенитета» (Carrai M. A. Op. cit.).

¹ Чакрабарти Д. Провинциализируя Европу / пер. П. Бавин, под ред. В. Морозова. М.: Гараж, 2021.

² Neff S. C. Justice among Nations: A History of International Law. Harvard: Harvard University Press, 2014. P. 7–8, 17.

³ «Анналы Весен и Осеней», приписываемые Конфуцию, упоминают 36 цареубийств, 52 случая ликвидации государств и 483 войны (Yongjin Zhang. The idea of order in ancient Chinese political thought: a Wightian exploration // International Affairs. 2014. Vol. 90. № 1. P. 172).

некомбатанты и нейтралы должны пользоваться уважением; перед битвой следует предупредить противника барабанным боем и дать ему время подготовиться; война может начинаться лишь при наличии уважительной причины, в том числе с целью сохранения равновесия; право крупных образований (вассалов трона) на существование является священным¹. Остановимся на этих манифестациях подробнее.

В Период Весен и Осеней было заключено более 140 договоров, оформлявших союзы или мирное урегулирование. Их сила определялась не только доброй волей сторон, но также специальными ритуалами и гарантиями. При их подписании закалывалось животное, кровью которого участники смазывали губы, и сжигался один из экземпляров (чтобы уведомить божественные силы). Гарантиями договоров выступали клятвы и обмен заложниками, часто сыновьями правителей. Договоры об учреждении союзов (*Meng*) содержали положения о совместных действиях против нарушителей, выдаче преступников, торговле, транспортном сообщении и культурных обменах. Ведущее государство союза (гегемон, *Va*) получало дань от других членов, определяло общую политику и рассматривало споры между остальными членами. Если стороной спора был сам гегемон, спор мог быть передан третьему государству. Члены союза проводили периодические встречи².

Договор между Чу и Цзинь 577 г. до н. э. гласил: «Чу и Цзинь не будут вести между собой войны, у них будут общие друзья и враги, они будут совместно сострадать правителям, находящимся в состоянии несчастья и опасности, и будут готовы оказать помощь тем, кто попал в несчастное положение. Цзинь нападет на всякого, кто нанесет ущерб Чу, и Чу нападет на всякого, кто нанесет ущерб Цзинь. Их дороги будут открыты для посланцев, желающих пройти по ним, с находящимися при них приношениями из одного (государства) в другое. Они будут принимать меры против всех настроенных враждебно»³. Договор между северными княжествами и Чжэн 562 г. до н. э. обязал стороны не накапливать излишков зерна, не мешать друг другу получать доходы, не покрывать преступников, помогать друг другу в беде и подавлении мятежей, иметь одних союзников и врагов и поддерживать вана; нарушителю грозила кара духов гор и рек, божественных предков и небес⁴. Договоры об окончании войны заключались на конференциях. Так, известная конференция 546 г. положила конец войне, длившейся более 20 лет⁵.

Особым видом договоров были *хэцинь* (*heqin*, договоры Мира и Родства), заключаемые с кочевниками. Первый такой договор был заключен в 197 г. до н. э. с шаньюем Модэ (правителем Хунну). В рамках *хэцинь* китайцы поставляли хунну фиксированные объемы шелка, вина и зерна и отдавали шаньюю в жены принцессу; Китай и Хунну признавались равными государствами, а Великая стена – границей между ними. Политика хунну, со своей стороны, включала три элемента: жестокие нападения с целью устрашения, чередование войны и мира, отказ от оккупации территории⁶. Китай воспринимал договоры *хэцинь* как унижительные и в конце концов наладил оборону границ (I в. до н. э.).

Китайские княжества не содержали постоянных посольств, но регулярно обменивались миссиями *ad hoc*. Их формами были *chao* – визиты правителей; *hui* – встречи чиновников или знати из разных царств; *pin* – поездки для выяснения какого-либо вопроса; *shi* – поездки миссионеров; *shou* – совместные охотничьи походы. Послы не обладали неприкосновенностью, но посягательство на них могло стать *casus belli*. В 636 г. до н. э. князь Чэн задержал посла Чоу, после чего Чоу направило военную экс-

¹ Martin W. Traces of International Law in Ancient China: Condensed Outline of a Paper Read before the Congress of Orientalists in Berlin, 13 September 1881. Цит. по: Wang Tiewa. International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives // Collected Courses of The Hague Academy of International Law. Vol. 221. 1990. P. 209.

² Neff S. С. Op. cit. P. 18–19; Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 2: Период Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.). М.: Восточная лит., 2000. С. 371.

³ Баскин Ю. А., Фельдман Д. И. История международного права. М.: Междунар. отношения, 1990. С. 47–48.

⁴ Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 2. С. 373.

⁵ Wang Tiewa. Op. cit. P. 211. Г. Воррен называет эту конференцию «Первой Лигой Наций» (Warren G. G. The First League of Nations // New China Review. 1919. Vol. I. P. 356–367).

⁶ Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.). СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2009. С. 47–51.

педицию. В 582 г. до н. э. в княжестве Чин был убит князь Чэн, в 580 г. до н. э. задержан князь Лу, в 519 г. до н. э. задержан посол этого же княжества. В 589 г. до н. э. Цзинь напало на Ци из-за того, что его посол, который был горбат или хром, был громко осмеян женщиной во дворце Ци (позже выяснилось, что это была мать князя)¹.

Войны допускались лишь при наличии уважительной причины и подчинялись правилам рыцарской морали (*li*). Запрещалось нападать на некомбатантов, бежавшего или беспомощного противника, страну, недавно лишившуюся правителя, и т. д. В 638 г. до н. э. произошла битва между Сун и Чу. Когда чуские войска переправлялись через реку и их порядки были расстроены, сунский советник призвал своего правителя воспользоваться этим, но этот совет был отклонен как недостойный. Когда чуские войска переправились, но еще не построились в боевые порядки, совет был повторен, но вновь отклонен. В итоге сунцы потерпели поражение, а их правитель получил тяжелую рану. В Период Сражающихся царств войны стали более жестокими. Циньский полководец Бай Ци широко практиковал обезглавливание солдат противника, а во время битвы при Чанпине (260 г. до н. э.) приказал закопать заживо 400 тыс. солдат армии Чжао, сдавших в плен под условием сохранения их жизни; 240 самых молодых были отпущены, чтобы сообщить страшную весть сородичам².

Китайские авторы не определяют эпоху раздробленности как политический идеал: не только потому, что ее главной характеристикой были постоянные и жестокие войны, но и потому, что она несовместима с централизованным порядком, пришедшим ей на смену. Вместо этого они делают акцент на отдельных элементах международной системы, существовавших в данную эпоху, которые, по их мнению, демонстрируют зрелость китайской традиции по сравнению с европейской или даже ее превосходство. Так, по мнению Ван Тейи, хотя китайские княжества не были суверенными государствами, а применяемые ими правила не были систематизированы, в данном случае можно говорить «о квазимеждународном или рудиментарном международном праве» (наподобие греческого права, регулирующего отношения между полисами)³. В. Хуэй Тинбор считает, что в Период Весен и Осеней центральные государства (*zhongguo*) были «суверенными и территориальными, поскольку претендовали на окончательную власть над четко разграниченными пространствами»⁴.

По мнению Юнцзинь Чжана, в Древнем Китае использовались конституционные принципы и практики, свойственные европейской системе; они, однако, были иначе концептуализированы. В отличие от греческой системы полисов, выросшей из варварства, китайская система возникла в самом сердце китайской цивилизации. Она опиралась на некое *jus gentium*, включавшее идеи суверенитета, дипломатии и баланса сил, а также ритуалы. Хотя понятие *суверенитета* отсутствовало, китайские царства имели исключительное право объявлять войну друг другу, обменивались территориями, предоставляли убежище и выдавали преступников. Дипломатические практики были разнообразными и регулярными. Идея *баланса сил* иллюстрируется понятиями *Ba* (гегемон), *Meng* (союз), *Hui* (конференция) и стратегиями *hezong* и *uanjiao jingong*, которых придерживалось Цинь. Первая предполагает заключение сепаратных союзов с участниками вертикального союза *lianheng*; вторая – заключение союзов с отдаленными государствами и нападение на близлежащие. Ритуалы (*li*), т. е. моральные правила, основанные на вере в иерархический порядок, определяли авторитет и легитимность правителя; их нарушение могло спровоцировать войну⁵.

Основная проблема данной оценки – ее избирательность. Хотя китайские авторы хорошо видят недостатки древнекитайской системы и противоречие между реальностью и гуманными идеями Конфуция, они проводят неверные параллели между этой системой и системой греческих полисов. Действительно, в отличие от китайских княжеств, стремившихся уничтожить и поглотить друг друга, греческие полисы обротовывали *устойчивый союз*, способный не только к мирному сосуществованию, но

¹ Wang Tiejia. Op. cit. P. 210; Neff S. C. Op. cit. P. 20; Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 2. С. 109–113.

² Фицджеральд Ч. П. История Китая. М.: Центрполиграф, 2004. С. 60; Neff S. C. Op. cit. P. 20–21; Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 2. С. 369; Т. 3: Период Чжаньго (V–III вв. до н. э.). М., 2006. С. 65–67, 37.

³ Wang Tiejia. Op. cit. P. 213.

⁴ Tin-bor Hui V. Toward a Confucian Multicultural Approach to a Liberal World Order: Insights from Historical East Asia // Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law). 2005. Vol. 99. P. 413–416.

⁵ Yongjin Zhang. System, empire and state in Chinese international relations // Review of International Studies. 2001. Vol. 27. P. 43–63.

и к внешней экспансии, и использовали для разрешения разногласий нормы и институты, *очищенные от религиозного контекста*. Первенство греческой цивилизации в этом отношении бесспорно, как и генетическая связь между выработанными ею институтами и институтами современного международного права.

Трибутарная система

В 221 г. до н. э. Китай был объединен династией Цинь; важную роль в этом сыграли жестокие методы легизма¹ и конфуцианская ностальгия по единому государству. Основой его отношений с соседями стала *трибутарная система*, которая начала складываться при династии Хань (следующей после Цинь), укрепилась при династии Тан (618–907 гг. н. э.), пережила расцвет при династии Мин (1368–1644), была воспринята династией Цин (1644–1911) и прекратила существование в 1911 г. (последняя дань была послана в Китай Непалом в 1908 г.).

Эта система предполагала выплату соседними народами дани, в обмен на которую Китай признавал их автономию, принимал их под свою опеку и предоставлял им право на торговлю. Автономия выражалась в следующих процедурах: 1) вассальный правитель получал императорский патент, подтверждавший его статус данника, и печать для использования в общении; 2) ему присваивался китайский дворянский титул (*Cefeng*); 3) в ряде случаев он должен был направлять императору поздравления и другие послания, датируя их по китайскому календарю; 4) во время приема он должен был выполнять определенные церемонии, в частности *kowtow* (троекратное коленопреклонение и девятикратное простирание); 5) он должен был уплачивать символическую дань из местных продуктов, получая взамен подарки и право на торговлю (*Hushi*).

Идеологической основой трибутарной системы выступала концепция Тянься (*Tianxia*, «все под Небесами»). В соответствии с ней миропорядок состоит из Китая как Срединного царства (*zhongguo*) и периферии, населенной варварами. По мере расширения контактов варвары постепенно ассимилируются и добровольно примыкают к китайскому миру (отсюда выделение двух их категорий: внутренних и внешних). Император выступает в двух ипостасях: как правитель Срединного царства с титулом *Хуанди* (*Huang Di*, император) и как представитель Вселенной с титулом *Тяньцзы* (*Tian Zi*, Сын Неба). Он обладает Мандатом Неба (*Tianming*), возлагающим на него миссию обеспечения социальной и космической гармонии. Эта миссия реализуется при помощи добродетельного примера, институтов и ритуалов, а при необходимости – при помощи силы. Если император не справляется с ней, Мандат переходит к другому; этим объясняется смена династий².

В своей классической работе Дж. Фэрбэнк и С. Тенг выделяют следующие черты трибутарной системы: она была естественным следствием культурного превосходства ранних китайцев; использовалась правителями Китая в целях самообороны; имела важную торговую составляющую; служила инструментом международных отношений и дипломатии. Контактируя с кочевниками севера и запада, а также с аборигенами юга, китайцы сформулировали ряд предположений. Во-первых, их превосходство над варварами имело культурную, а не политическую природу; оно опиралось не столько на силу, сколько на китайский образ жизни, воплощенный в таких вещах, как конфуцианство и китайская письменность. Признаком варвара была не раса, а неприверженность этому образу жизни. Во-вторых, те варвары, которые желали «прийти и преобразиться» (*lai-hua*) и таким образом приобщиться к благам китайской цивилизации, должны были признать верховное положение императора, который в своих жертвоприношениях силам природы представлял все человечество³.

¹ Легист Ли Си, помогший Шихуанди объединить страну, заявил: «Цинь побеждали на протяжении четырех поколений... В пределах четырех морей их власть внушает благоговение принцам. Они не достигают этого гуманностью и праведностью. Они делают это, ведя свои дела так, как наиболее полезно и целесообразно». Цит. по: *Yongjin Zhang. The idea of order in ancient Chinese political thought: a Wightian exploration*. P. 182. Здесь заметно некоторое сходство с Мелосским диалогом.

² *Непомнин О. Е. Внешнеполитическая доктрина традиционного Китая // Восточный курьер. 2021. Вып. 3–4. С. 69–84.*

³ *Fairbank J. K., Têng S. Y. On the Ch'ing Tributary System // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1941. Vol. 6. № 2. P. 137–139.*

Китайцы считали, что трибутарная система охватывает Корею, Люцю (острова между Китаем и Японией), Аннам (север Вьетнама), Сиам, Лаос, Бирму, Японию и др. (все-го – около ста данников). Более того, они были склонны использовать ее как рамки для отношений со всеми народами, в том числе европейскими¹. Некитайские образования делились на государства, принявшие конфуцианскую культуру (Япония, Корея, Вьетнам), и кочевые племена (хунну, монголы и др.), а также на внешних (*Wai Fan*) и внутренних данников (*Nei Fan*). Первые сохраняли независимость; вторые – контролировались при помощи специальных чиновников и входили в состав империи². Участники системы взаимодействовали с Китаем в разных формах, в зависимости от их культурно-исторических связей и торговых интересов; интенсивность этих контактов варьировалась, при этом они не взаимодействовали друг с другом (исключение – контакты между Кореей и Японией)³.

После революции концепция Тянься использовалась с разными целями: чтобы противопоставить Китай и его политические практики Западу, высказать сожаление по поводу крушения *Pax Sinica* и надежду на его возрождение. Так, в 1924 г. основатель Гоминьдана Сунь Ятсен заявил: «В течение более чем тысячи лет Китай был самой могущественной державой в мире... Все слабые народы и государства уважали Китай как высшую страну. Они платили дань Китаю и хотели быть признаны как вассалы... Китай мог „влиять“ на них исключительно силой своего справедливого правления. Они были впечатлены и убеждены его добродетелью и либо просили его принять дань, либо посещали его с этой целью»⁴. Его преемник Чан Кайши писал: «Наша китайская нация (*zhonghua minzu*) была образована путем смешения многочисленных кланов. Эти кланы изначально были ветвями одной расы, распространившейся на восток от Памирского плато... Но движущей силой этого смешения была ассимиляция, а не завоевание. На территории Китая обычаи каждого клана и образ жизни в каждой местности были разными. Тем не менее обычаи каждого клана были объединены, чтобы сформировать национальную культуру Китая, и сочетание образов жизни в каждой местности сделало возможным существование китайской нации. Этот выдающийся факт истории Китая основан на его географии, экономической структуре, требованиях национальной обороны и общей исторической судьбе (*mingyun*) и не является лишь результатом политической необходимости»⁵. В настоящее время похожая риторика используется Си Цзиньпином: «Какие бы минцзы (*minzu*) не переезжали на Центральную равнину, все они рассматривали объединение Тянься как свой долг, и все они считали себя ортодоксами (*zhengtong*) китайской культуры... Реализуя китайскую мечту, мы должны опираться на силу народа каждого минцзы»⁶.

Современные авторы, переживающие «лихорадку национальных исследований» (*guoxuere*), переосмысливают идею Тянься⁷. Признавая иерархичность основанного на ней порядка, они подчеркивают его добровольность, инклюзивность и взаимовыгодность. По их мнению, превосходство Китая определялось культурными, а не военными факторами; Китай не стремился завоевать подчиненные территории и не вмешивался в их внутренние дела. Он не дискриминировал варваров, но удовлетворял их нужды и порой выступал как равный партнер⁸. Трибутарная система – «одна из

¹ «Широко кругом простирается небо вдали, но нету под небом ни пяди нецарской земли. На всем берегу, что кругом омывает моря, повсюду на этой земле только слуги царя!» (Шицзин. Книга песен и гимнов. М.: Худ. лит., 1987. С. 185).

² Wang Tiewa. Op. cit. P. 214–225; Wang Chenyu. The Status of Tibet in International Law – From the 1840s to the 1950s. Utrecht: Utrecht University Repository, 2021. P. 15–42; Стеженская Л. В. Эволюция понятия «мандат Неба» (тяньмин) с древности до наших дней: о добродетели и судьбе // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 8. С. 16–19.

³ Yongjin Zhang. System, empire and state in Chinese international relations. P. 53.

⁴ Цит. по: Shin Kawashima. China as «Empire»: Perceptions of the Tributary System and the Boundaries of China in the Twentieth Century. Tokyo: The Japan Institute of International Affairs, 2022. P. 6–7.

⁵ Chiang Kai-shek. China's Destiny. N. Y.: Roy Publishers, 1947. P. 30, 35.

⁶ Цит. по: Millward J. A. Sinicisation, the Tribute System and Dynasties: Three Concepts to Justify Colonialism and Attack non-Sinitic Diversity in the People's Republic of China // IAI Papers 23 | 17 – July 2023. P. 3.

⁷ Codehardt N. No End of History. A Chinese Alternative Concept of International Order? SWP Research Paper. Berlin, 2016.

⁸ Примеры: договоры *heqin*, договоры Северной Сун с Ляо (киданями), признававшие низший статус Сун (1005, 1042), равные отношения между династией Мин и некоторыми центральноазиатскими монар-

величайших институциональных инноваций и достижений традиционного Китая»¹; она «не просто отражает гегемонистские институциональные предпочтения, но представляет собой коллективное решение, изобретенное и согласованное между восточноазиатскими государствами для решения вечной проблемы межгосударственного конфликта, сосуществования и сотрудничества»². Она не была ни сообществом суверенов, ни единой империей и поэтому не может быть описана при помощи западных концепций.

Юнцзинь Чжан подчеркивает оригинальность трибутарной системы, используя тезис К. Реуса-Смита, согласно которому международные порядки формируются под влиянием базовых конституционных структур, основанных на вере в определенное моральное предназначение государства, организующем принципе суверенитета и нормах процедурной справедливости. Эти структуры вдохновляют институциональных архитекторов³. Конфуцианство и трибутарная система предполагают, что все сообщества, от семьи до империи, должны содействовать космической и социальной гармонии; их иерархия выстраивается в зависимости от их вклада в решение этой задачи, именно поэтому Китай занимает в ней высшее место. Эти сообщества, тем не менее, сохраняют автономию и обладают полномочиями в международных вопросах; Китай выступает скорее как гегемон, чем как сюзерен. Процедурная справедливость в этой системе поддерживается на основе сложных ритуалов (*li*), закрепляющих стандарт цивилизации и обеспечивающих участие в порядке. Для сравнения: целью порядка в Древней Греции было развитие *bios politikos*; организующим принципом – демократия; процедурная справедливость носила дискурсивный характер; а главным международным институтом был арбитраж. Целью западного порядка является раскрытие потенциала индивида; организующим принципом – либеральный суверенитет; справедливость законодательная; а главным институтом выступает «договорной мультилатерализм». Крах *Pax Sinica* сопровождался упадком веры в его цель и произошел в результате столкновения с европейским порядком⁴.

Чжао Тинян не просто реабилитирует Тянься, но и рассматривает ее как возможную основу будущего мироустройства. По его мнению, порядок не может быть обеспечен в условиях глобализации и эгоизма, заложенного в идее суверенитета. Мир – заброшен и неорганизован; главная причина – отсутствие общей философии. Такая философия может быть создана на основе идеи Тянься, включающей следующие элементы: 1) монархическое правление; 2) открытая сеть, состоящая из мирового правительства и подчиненных государств; 3) забота мирового правительства об общем благе и справедливости, возможность революции в случае, если оно не справляется с этими обязанностями; 4) независимость государств во всех сферах, за исключением легитимности (они должны быть признаны мировым правительством) и обязательств (они должны вносить вклад в общее дело); 5) институциональный баланс (мировое правительство управляет территорией, в несколько раз большей, чем любое из государств); 6) свобода миграции. Тянься включает три уровня: физический, психологический (соглашение в сердцах людей) и социальный. Эти уровни должны совпадать: социальное не может отделяться от физического и наоборот: *быть* – значит делать что-то полезное; истина может быть постигнута только в контексте отношений. Политическая система должна быть инклюзивной; мировое правительство должно обладать высшим статусом. Современные международные организации не являются мировым правительством, так как они обслуживают государства. Понятие «интернацио-

нами и, наконец, маньчжурское происхождение династии Цин (*Yongjin Zhang. System, empire and state in Chinese international relations. P. 54*). «Внутри империи миф о мировом сюзеренитете был полезным идеологическим инструментом для управления Китаем... Но во внешних делах он часто оказывался помехой. Тогда втихомолку император практиковал то, что ему нравилось, а не то, что он проповедовал. Равноправные отношения с Гератом, Лхасой, Кокандом и Москвой не были исключениями из китайской практики. Они были обычным делом на невидимой стороне устоявшейся традиции» (*Fletcher J. F. China and Central Asia, 1368–1884 // Chinese World Order / ed. by J. K. Fairbank. Harvard: Harvard University Press, 1968. P. 224*).

¹ *Yongjin Zhang. System, empire and state in Chinese international relations. P. 52.*

² *Yongjin Zhang, Buzan B. The Tributary System as International Society in Theory and Practice // Chinese Journal of International Politics. 2012. Vol. 5. P. 34.*

³ *Reus-Smit Ch. Moral Purpose of the State. Princeton: Princeton University Press, 1999.*

⁴ *Yongjin Zhang. System, empire and state in Chinese international relations. P. 56–58.*

нальность» должно быть заменено понятием «мировость» (*worldness*). Демократия неэффективна, так как она не действует одинаково на всех уровнях (внутренняя демократия может усиливать империализм). Китайская философия, наоборот, стремится действовать на всех уровнях – от мира до отдельных государств и семей, создавая «политический континуум»; порядок в больших сообществах – необходимая гарантия порядка в меньших. Политика должна быть этичной; этика же берет начало в базовых формах жизни – прежде всего в семье. Следовательно, семья должна быть этическим архетипом, продвигаемым на всех уровнях. Западная концепция общества, состоящего из обособленных индивидов, способствует саморазрушению. Порядок должен представлять собой гармонию, т. е. взаимодействие разных вещей с целью самосовершенствования (в этом смысле он напоминает суп). Ничто не существует само по себе; существование определяется сосуществованием. Основным принципом в связи с этим должен быть не принцип «живи и дай жить другим», а принцип «живи, если ты даешь жить другим». Гармония важнее честности; люди хотят не только честной, но и лучшей игры. Современный порядок несовершенен: он – агора без полиса (мирового института). Создание такого института – главная задача современности¹.

Апологетом трибутарной системы является также Чжао Суйшэн, который предлагает восстановить региональную иерархию с тем, чтобы обеспечить справедливость в несправедливом мире и гарантировать безопасность Китая².

Идеализированный образ трибутарной системы уязвим.

Во-первых, политика Китая не была столь миролюбивой. В период между началом правления Мин (1368) и Опиумными войнами (1841) Китай вторгнулся во Вьетнам (1407–1428, 1788–1789), в Корею (1636), на Тайвань (1683) и в Бирму (1765–1769). Кроме того, он вел длительную борьбу с джунгарами (ойратами), заключившими союз с тибетской Гелугпой, в ходе которой он захватил Монголию, Синьцзян и Тибет³. Китайская историография склонна определять многие войны как рейды против пиратов и мятежников, камуфлируя таким образом насильственный характер экспансии. Трибутарная система, однако, скорее напоминала западный колониализм, чем была его альтернативой (в обоих случаях делался акцент на цивилизаторской миссии)⁴.

Во-вторых, восприятие существовавшего в Азии порядка как синоцентричного и устойчивого не разделялось многими народами, которых Китай записывал в члены трибутарной системы. Как уже отмечалось, даже сам Китай не был последовательным в этом плане: Мин поддерживала равноправные отношения с Тимуридами, а Цин – с Кокандом. Главный же элемент системы – уплата дани – по сути, представлял собой обмен подарками, свойственный всем традиционным обществам.

В-третьих, проецирование концепции Тянься на современность подрывает многие признанные политические ценности, прежде всего самоопределения и равноправия народов (как политического, так и культурного). Любое устойчивое сообщество возможно только при условии *гомогенизации культуры*; опыт Китая в этом отношении едва ли может считаться образцом.

По мнению П. Пердью, вместо трибутарной системы существовали разнообразные отношения торговли, противостояния, дипломатии и ритуала. Высокомерное отношение к окружающим наиболее четко проявилось в период высокой Цин, после победы над джунгарами (XVIII в.). Однако соседи Китая не разделяли его видение иерархии, а интерпретировали отношения с ним по-своему. Император Канси, прося

¹ Zhao Tingyang. All under Heaven: The Tianxia system for a possible world order / transl. by J. E. Harroff. Oakland: University of California Press, 2021; *Idem*. A Political World Philosophy in terms of All-under-heaven (Tian-xia) // Diogenes. 2009. Vol. 56. № 1. P. 5–18.

² Zhao Suisheng. Rethinking the Chinese World Order: the imperial cycle and the rise of China // Journal of Contemporary China. 2015. Vol. 24. № 96. P. 961–982.

³ Millward J. A. Op. cit. «Концепции китаизации, трибутарной системы и рекурсивных китайских династий, которые обычно считаются традиционными и характерными для Китая, на самом деле являются конструктами XX века, придуманными для реализации синоцентричного гомогенизирующего национального проекта, который ошибочно рассматривает разнообразие КНР как проблему, подлежащую устранению, а не как богатый культурный ресурс» (P. 14).

⁴ Дж. Миллвард определяет способ устройства и расширения государства Цин как «старый империализм», который характерен для континентальных империй Евразии и отличается от европейского и японского «экономического империализма». Цит. по: Санин К. А. Китайская империя или прообраз ответственной глобальной державы: дискуссии о Цин в КНР и на Западе // Восток (Oriens). 2021. № 4. С. 190.

монголов о поддержке, обычно ссылаясь на общее наследие маньчжуров и монголов или апеллировал к буддийским концепциям всеобщей любви. Он знал, что эти призывы более убедительны, чем призывы к его статусу Сына Неба. Он также поддерживал монголов, подчинявшихся Цин: его чиновники предоставляли им запасы зерна, скот, титулы и разрешали их споры. Монголы, со своей стороны, интерпретировали эту поддержку как «милость» (*kesi*), а многие из них, особенно монахи, считали императора воплощением Будды. В число данников записывались разные народы: одни из них получали должности в иерархии Цин; другие были случайными посетителями; третьи (например, поляки) никогда не посещали Цин. И далее: «Мы могли бы интерпретировать значение термина *gong* гораздо точнее, если бы рассматривали „дань“ как своего рода пиджин: межкультурный инструмент общения посредством слов, предметов и человеческих отношений. Подобно пиджину южнокитайского побережья или многим межкультурным торговым языкам Центральной Евразии, включая согдийский, персидский и монгольский, терминология и практики *gong* адаптировались к местным ситуациям, чтобы облегчить торговлю и дипломатию. Использование этого языка никоим образом не подразумевало уникальное превосходство Китая или определенное понимание отношений между императором и Небесами. Каким бы „космологическим бахвальством“ ни занимались император и его советники, его контрагенты придавали этому собственное значение»¹.

Встреча Китая и Запада

Первыми европейцами, посетившими Китай, были миссионеры, деятельность которых к XVI в. приобрела регулярный характер. Они не только распространяли христианство, но и знакомили Китай с европейскими науками: математикой, географией, астрономией и др. Так, в 1602 г. иезуит Маттео Риччи (1552–1610) подготовил первую китайскую карту мира (*Kūnyú Wànguó Quántú*). Стремясь интегрироваться в китайское общество, он носил наряд буддистского монаха, а затем – конфуцианского ученого. В некоторых случаях миссионеры оказывали властям услуги переводчиков, например при заключении Нерчинского договора между Китаем и Россией (1689).

В XVII–XVIII вв. разгорелся спор о совместимости китайских обрядов с католической верой. Иезуиты считали эти обряды светскими и нейтральными и настаивали на адаптации католицизма к местной среде (использовании китайского во время литургии и др.). Следуя примеру Риччи, они изучали китайскую классику и китайский язык. Доминиканцы и францисканцы, наоборот, осуждали эти обряды как еретические. В 1704 г. Климент XI поддержал вторых (декрет *Cum Deus optimus*), а в 1715 г. издал буллу *Ex illa die*, в которой запретил обращенным китайцам использовать термины *Tiān* (небеса) и *Shàngdì* (Небесный владыка) для обозначения Бога и поклоняться Конфуцию и предкам, и уполномочил своего легата определять совместимость китайских обычаев с католической верой. Эти решения вызвали гнев Канси, который в 1721 г. запретил все христианские миссии². В 1742 г. Бенедикт XIV подтвердил решение Климента XI (данный запрет был отменен Римом лишь в 1939 г.)³.

Другой областью контактов была торговля. Китайский шелк, чай и фарфор пользовались большим спросом на Западе; европейские купцы были вынуждены расплачиваться за них серебром и золотом, не имея в своем распоряжении товаров, представляющих интерес для Китая. В 1685 г. династия Цин открыла для иностранцев ряд портов, а в 1704 г. ввела систему *Baoshang*, в рамках которой торговать с иностранцами могли только купцы, имевшие лицензию и обязанные помогать властям собирать пошлины. В 1745 г. император Цяньлун приказал, чтобы китайские купцы несли полную ответственность за иностранные суда, входящие в Кантон, и гаран-

¹ *Perdue P. C. The Tenacious Tributary System // Journal of Contemporary China. 2015. Vol. 24. № 96. P. 1002, 1007, 1009.*

² В своем декрете Канси заявил следующее по поводу буллы Климента XI: «Читая это воззвание, я пришел к выводу, что западные люди действительно мелочны... Нет ни одного западного человека, разбирающегося в китайских работах, и их замечания часто невероятны и смешны. Судя по этому возванию, их религия ничем не отличается от других мелких и фанатичных буддистских или даосских сект. Я никогда не видел документа, который содержал бы столько чепухи. Отныне западным людям не следует позволять проповедовать в Китае, чтобы избежать дальнейших проблем» (*Dun Jen Li. China in Transition, 1517–1911. N. Y.: Van Nostrand Reinhold, 1969. P. 22*).

³ Подробно см.: *Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. М.: Восточная лит. РАН, 2002.*

тировали уплату всех пошлин; эти функции стало выполнять объединение *Cohong*. В 1757 г. Китай ввел *Кантонскую систему*, согласно которой торговля с Западом должна была вестись только через порт Кантон; севернее могли торговать лишь русские на основании Нерчинского договора. Этот запрет часто нарушался, как и запрет на военные действия в китайских водах (так, в 1812 г. британцы атаковали американские корабли в гавани Кантона).

Третьей областью контактов была дипломатия. Первым международным договором династии Цин стал Нерчинский договор 1689 г., по которому Россия отказалась от территорий к северу от Амура, но получила право торговать с Китаем. Два члена китайской делегации, иезуиты Перейра и Жербийон, подготовили официальный текст Договора на латыни. По мнению Ван Тейи, император Канси вступил в отношения с Россией, чтобы обезопасить границу от нападения; при этом он пошел на уступки, отказавшись от традиционного отношения к русским как к данникам и пойдя на заключение равноправного договора. Это, однако, не значит, что он отказался от концепции Тянься: у него не было намерения устанавливать Договор в качестве прецедента для будущих сношений¹. В российской науке Договор оценивается неоднозначно².

В 1792–1794 гг. Пекин посетило первое посольство из Европы – британская миссия во главе с Дж. Макартни. Ее целями было установление дипломатических отношений, заключение торгового договора, открытие портов и ликвидация монополии *Cohong*. Китайские чиновники полагали, что Британия хочет стать членом трибутарной системы и ожидали от Макартни выполнения *kowtow*, но посол отказался и опустил перед Цяньлуном на одно колено, как перед британским монархом³. По итогам встречи Цяньлун передал Георгу III послание: «Ты, о король, живешь за пределами многих морей; тем не менее, движимый смиренным желанием способствовать благу нашей цивилизации, ты направил миссию со своим верноподданническим посланием... Управляя всем миром, я преследую одну цель, а именно: сохранить благое правление и выполнить долг перед Государством. Чужие и дорогостоящие цели меня не интересуют. Если я распорядился принять посланные тобой подарки, о король, то сделал это лишь потому, что они присланы издалека. Царственная добродетель нашей Династии проникла во все страны Поднебесной, и цари всех народов шлют нам свои дары по суше и по морю. У нас есть все, и это может свидетельствовать твой посол. Я не придаю особого значения вещам экзотическим или примитивным, и в товарах твоей страны мы не нуждаемся»⁴.

Таким образом, во всех трех сферах отношений накапливалось напряжение, которое в середине XIX в. переросло в открытый конфликт. В этот период Китай вступил в период упадка. Конфуцианство способствовало консервации государственного строя, чиновники погрязли в коррупции, аграрная экономика не обеспечивала потребностей населения. В то же время на Западе распространилась идея свободной торговли и усилился спрос на китайский чай. В конце XVIII в. был найден товар, в котором были заинтересованы китайцы, – бенгальский опиум, употребление которого быстро стало повсеместным⁵. *Первая опиумная война* (1840–1842) началась из-за того, что власти попытались пресечь торговлю опиумом. В ответ английские войска вторглись в Китай и взяли ряд городов. По Нанкинскому договору 1842 г. Китай согласился выплатить контрибуцию, открыть четыре порта, отменить Кантонскую систему, признать юрисдикцию английских консулов, передать англичанам Гонконг и ограни-

¹ Wang Tieya. Op. cit. P. 227.

² «Переговоры велись перед лицом армии богдыхана, готовой в любой момент поддержать оружием требования пекинского правительства. В результате русскому посольству Ф. А. Головина пришлось пойти на значительные территориальные уступки и по Нерчинскому договору 1689 г. отказаться от земель, расположенных по левому берегу Амура. Русский город на Амуре Албазин был срыт. Вместе с тем Нерчинский договор, на базе которого строились русско-китайские отношения до середины XIX в., открыл широкие возможности для развития торговли между Россией и Китаем» (История дипломатии / под ред. В. А. Зорина и др. Т. 1. М.: ГИПЛ, 1959. С. 298).

³ По мнению Юнцзинь Чжана, данный отказ и данная просьба «равносильны первому европейскому нападению на основные институты китайского мирового порядка» (*Yongjin Zhang. System, empire and state in Chinese international relations*. P. 59).

⁴ Тойнби А. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2010. С. 89.

⁵ Петров Г. Ю. Опиумные войны и легализация наркопотребления в Китае нового времени // Историко-экономические исследования. 2008. № 9 (2). С. 140–150.

чить пошлины пятью процентами. В силу условия о наибольшем благоприятствовании условия Договора были распространены на другие государства. Война ознаменовала начало «века унижения» Китая (*bainianguochi*, 1839–1949).

В ходе Второй войны (1856–1860), начавшейся из-за нарушений Нанкинского договора, английские и французские войска взяли Кантон и Пекин. По Тяньцзиньским трактатам 1858 г., заключенным с Великобританией, Францией, США и Россией, и Пекинским договорам 1860 г., заключенным с Великобританией и Францией¹, Китай согласился открыть еще ряд портов, уступить англичанам ряд территорий, легализовать торговлю опиумом, запретить торговые монополии, разрешить деятельность миссионеров, открыть для иностранных посольств Пекин, который до этого был закрытым городом, предоставить консулам уголовную юрисдикцию в отношении иностранцев, выплатить контрибуцию, не использовать в официальных бумагах иероглиф 夷 (варвар) и разрешить вывоз кули (чернорабочих)². По условиям Договора был создан специальный орган внешних сношений, Цзунли Ямэнь (*Zōnglǐ Yámen*), дополнивший Министерство обрядов (*Libu*) и Лифань Юань (*Lifan Yuan*, ведомство, занимавшееся делами Центральной Азии, Тибета и России).

Во время Опиумных войн Россия заключила с Китаем Айгунский договор (1858) и Пекинский договор (1860), установившие границу по Амуру и Уссури; Россия, таким образом, приобрела Приморье. Данные договоры были заключены благодаря усилиям генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева и российского дипломата Н. П. Игнатьева, пообещавшего китайским властям убедить англичан и французов вывести войска из Китая. На переговорах союзников с китайцами Игнатьев выступил посредником. Российская доктрина оценивает эти договоры положительно³; китайская – считает их неравноправными, не выдвигая, однако, прямых претензий на уступленные территории.

Опиумные войны стали стимулом к изучению Китаем Запада и международного права (политика *kaiyankanshijie* – «открыть глаза, чтобы увидеть мир» – и политика *zhongtixiyong* – «освоение западных наук на основе китайской культуры»). В 1839 г., когда сановник Линь Цзэсюй был направлен в Гуанчжоу для изучения ситуации с торговлей опиумом, американский врач-миссионер П. Паркер и переводчик Юань Дэхуэй перевели для него отрывки из «Права народов» Э. де Ваттеля⁴. Этот перевод был включен в труд Вэй Юаня «Атлас и описание стран за морями» (1847). В 1860-х гг. Р. Харт, работавший на таможне, перевел для министра иностранных дел часть «Элементов международного права» Г. Уитона. В 1864 г. эту работу завершил американский миссионер У. Мартин⁵. Позднее на китайский были переведены книги Т. Вусли, И. К. Блюнчли, Г. Ф. Мартенса и У. Э. Холла.

¹ Российская наука рассматривает Пекинский договор между Китаем и Россией от 15 ноября 1860 г. как отдельный от договоров, заключенных с Великобританией и Францией 24 октября и 25 октября соответственно; западная – как элемент собирательного «Пекинского договора».

² Непомнин О. Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Восточная лит., 2005. С. 389–393.

³ «Несмотря на реакционность политики царизма и цинского правительства, заключение Пекинского договора содействовало упрочению русско-китайских отношений, Россия не вела войн с Китаем и не ввозила в Китай опиума. Присоединение к России Приамурья, Уссурийского края шло за счет земель, не заселенных китайцами и фактически не связанных с Китаем, и создавало прочный стратегический оплот для владений России на Тихом океане. Казахские и киргизские земли в Средней Азии, отходившие по Пекинскому договору к России, находились за пределами постоянных китайских караулов. Включение всех этих земель в состав России имело объективно прогрессивные последствия. Население этих областей смогло в дальнейшем соединить свою судьбу с развитием русского революционного движения» (История дипломатии. С. 792).

⁴ Письмо Линь Цзэсюя королеве Виктории свидетельствует о его знакомстве с международным правом: «Я слышал, что курение опиума строго запрещено в вашей стране; это потому, что вред, причиняемый опиумом, ясно осознается. Раз уж нельзя причинять вред своей стране, то тем более нельзя допускать, чтобы он распространялся во вред другим странам – тем более китайцам... Если человек из другой страны приезжает в Англию торговать, он должен подчиняться английским законам, в какой же степени он должен подчиняться в Китае законам Поднебесной?.. Варварские купцы вашей страны, если они хотят вести дела в течение длительного времени, должны почтительно подчиняться нашим законам и навсегда прекратить поставки опиума». Данное письмо не возымело эффекта. Цит. по: Wang Tieya. Op. cit. P. 229–230.

⁵ Вклад У. Мартина оценивается китайской доктриной неоднозначно. С одной стороны, в работе «Traces of International Law in Ancient China» (1881) он признал, что Китай был знаком с международным правом;

В деле о задержании датских судов Китай успешно использовал международно-правовые аргументы. В апреле 1864 г. прусский посол фон Рехфус, прибыв в порт Дагу (Тяньцзинь) на борту военного корабля «Антилопа», обнаружил там три датских торговых судна. Пруссия и Дания находились в состоянии войны, и пруссаки захватили датские суда. После этого китайские власти напомнили послу о своем суверенитете над заливом Бохайвань, сославшись на отрывок из книги Г. Уитона. В итоге Пруссия освободила два судна и выплатила 1,5 тыс. долл. в качестве компенсации за третье¹.

В 1868–1889 гг. Япония провела реформы (Реставрация Мэйдзи). Одним из ее приоритетов стал контроль над Кореей («ножом, направленным в сердце Японии»), где она столкнулась с Китаем, считавшим Корею своим вассалом. В 1884 г. в Корее произошел переворот, который был подавлен китайским гарнизоном, что привело к гибели 40 японцев. По Тяньцзиньскому договору 1885 г. Япония и Китай согласились вывести свои силы из Кореи, которая, таким образом, оказалась под двойным протекторатом. В 1894 г. Китай направил в Корею войска для подавления восстания; в ответ Япония направила большие силы, потребовала проведения в Корее реформ и организовала переворот. Новое правительство попросило у Японии защиты от китайцев. В последующем конфликте Япония одержала победу в Корее и вторглась в Китай. По Симонсекскому договору 1895 г. Китай согласился передать ей Формозу (Тайвань) и выплатить контрибуцию. Договор вызвал в Китае сильнейший шок и стал прологом к его последующему разделу западными державами и Россией. Россия арендовала у Китая Ляодунский полуостров (1898), Германия – Шаньдун (Циндао), Франция – Гуанчжоувань, Великобритания – Вэйхайвэй и др.

Во второй половине XIX в. Китай пережил несколько восстаний (тайпинов в 1850–1864 гг. и ихэтуаней в 1899–1901 гг.) и предпринял несколько попыток модернизации, не давших результата. Его суверенитет все более ущемлялся в пользу западных держав, а также России и Японии, в 1904–1905 гг. воевавших друг с другом на его территории. Трибунарная система постепенно распадавалась: Британия захватила Бирму, Франция – Вьетнам, Сиам (который сам перестал платить дань после восстания тайпинов) – Лаос, Япония – Корею и т. д. Одновременно происходила деградация имперских институтов: престиж династии в глазах народа, чиновников и военных падал; вдовствующая императрица Цыси, занятая борьбой за власть, не могла исправить ситуацию. В 1911 г. Учанское восстание, начатое солдатами, переросло в Синьхайскую революцию; династия Цин была свергнута, и власть перешла к правительству во главе с генералом Юань Шикаем. Монголия и Тибет объявили о независимости. После смерти Юань в 1916 г. страна была разделена между несколькими группировками.

Опиумные войны и связанные с ними события стали точкой отсчета для современной китайской истории. Отношение к ним – сложное и неоднозначное. С одной стороны, они продемонстрировали несостоятельность имперского порядка, не удовлетворявшего самих китайцев; с другой стороны, они были актом насилия по отношению к древней культуре. С одной стороны, они причинили китайскому народу огромные страдания; с другой стороны, они способствовали развитию его политического сознания и приходу к власти КПК². С одной стороны, они сопровождались инструментальным применением международного права; с другой стороны, Китай познакомился с международным правом и впоследствии смог успешно применять его на

с другой стороны, он стремился к «открытию внутренних сокровищ» Китая и принятию им «международного кодекса христианского мира». См.: *Wang Tieya*. Op. cit. P. 206–207. Интересно, что в своем переводе Уитона Мартин исключил ту часть, в которой утверждалось, что европейское международное право отошло от традиций естественного права XVII в.; таким образом он попытался скрыть его позитивный характер и представить *Wanguo Gongfa* (публичное право наций) как почти божественное право. См.: *Xiaoshi Zhang*. Rethinking International Legal Narrative Concerning Nineteenth Century China: Seeking China's Intellectual Connection to International Law // *Chinese Journal of Global Governance*. 2018. № 4. P. 13.

¹ *Wang Tieya*. Op. cit. P. 232–234; *Zhipeng He, Lu Sun*. A Chinese Theory of International Law. Singapore: Springer, 2020. P. 105.

² На встрече с социалистами Японии в 1964 г. Мао Цзэдун заявил: «Мы должны быть вам благодарны, поскольку если бы японцы не обрушили свои крупномасштабные атаки на Китай и если бы китайцы не были изнурены восьмилетней войной, китайские коммунисты вряд ли смогли бы захватить власть». См.: *Тань Аошун*. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 253.

практике. В целом, они рассматриваются как экзистенциальный вызов, который китайский народ смог преодолеть, как событие, схожее по своему значению с Великой Отечественной войной для российского народа.

Так, Чжипэн и Лу пишут: «Унижение раннего современного Китая было предопределено. Относительно консервативная китайская цивилизация столкнулась с экспансией Запада, образовав первый фронт столкновения между Китаем и международным правом. Некоторые ученые готовы однобоко списать этот провал Китая на его консервативность и высокомерие, а другие – на амбиции Запада. На самом деле это – результат сочетания двух факторов... Китай невежественно появился на мировой арене, не имея базового представления о Западе, и беспомощно смирился с тем, что он – рыба или мясо, а другие – нож или разделочная доска»¹. Сяоши Чжан пишет: «Китайские юристы-международники твердо убеждены, что империалистический Запад, а затем Япония, плохо обращались с Китаем, используя международно-правовые инструменты. Восприятие Китаем международного права было обусловлено этим унижительным опытом. Общее и официальное отношение заключается в том, что китайцы не должны забывать прошлое, но будут активно участвовать в формировании будущего международного права... Однако отношение Китая к международному праву после Опиумной войны было историей постоянных разрывов и сбоев. В каждый период современной китайской истории у Китая было разное представление о международном праве: от сопротивления со стороны императорской династии до присоединения, от изоляции и осуждения до принятия. Все эти позиции определяются подводными политическими потребностями»².

Ж. д'Аспремонт и Биньсинь Чжан выделяют следующие особенности китайского нарратива об указанных событиях: последовательность (навязывание – унижение – преодоление); акцент на неравноправных договорах и «лицемерии» международного права; упоминание о встрече цивилизаций, в результате которой китайцы были вынуждены изменить свой государственный строй и способ мышления³; амбивалентное отношение к международному праву (с одной стороны, его сомнительная роль в обслуживании западных интересов, с другой стороны, его прогрессивная роль в части введения Китая в международную систему)⁴.

В настоящее время одним из центральных сюжетов англоязычной доктрины является колониальное наследие⁵; связанный сюжет – отношения между Азией и международным правом⁶. Встреча Китая и Запада, однако, не вызывает большого интереса у западных ученых; во-первых, указанный сюжет в основном охватывает систему мандатов, самоопределение, государственное строительство и развитие (т. е. проблемы, относящиеся к XX в. и в основном свойственные Африке и Ближнему Востоку); во-вторых, потому что Китай не был полностью колонизирован (в связи с этим его случай рассматривается как *sui generis*); в-третьих, в силу языкового барьера и дефицита коммуникации между западным и китайским научными сообществами. Среди авторов, высказавшихся по этому вопросу, следует отметить Ж. д'Аспремонта, показавшего различие двух нарративов о встрече, А. Петерс, рассмотревшую вопрос о действительности неравноправных договоров, и Т. Рускола, исследовавшего контакт между Китаем и Западом в рамках гендерной парадигмы.

¹ Zhipeng He, Lu Sun. Op. cit. P. 101.

² Xiaoshi Zhang. Op. cit. P. 4–5.

³ «На рубеже XX века императорский Китай столкнулся с двумя проблемами: одна состояла в том, чтобы деконструировать империю до государства; вторая – чтобы построить из локального и провинциального Китая нацию и государство... чтобы не допустить его превращения в „простое географическое название“ (Меттерних)» (Yongjin Zhang. System, empire and state in Chinese international relations. P. 61).

⁴ d'Aspremont J., Binxin Zhang. China and international law: Two tales of an encounter // Leiden Journal of International Law. 2021. Vol. 34. P. 906–909.

⁵ Anghie A. Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Chimni B. S. Third World Approaches to International Law: A Manifesto // International Community Law Review. 2006. Vol. 8. P. 3–27; Battle for International Law South-North Perspectives on the Decolonization Era / ed. by J. von Bernstorff, Ph. Dann. Oxford: Oxford University Press, 2019.

⁶ Chesterman S. Asia's Ambivalence about International Law and Institutions: Past, Present and Futures // European Journal of International Law. 2017. Vol. 27. № 4. P. 945–978; Chimni B. S. Is there an Asian approach to International Law? Questions, theses and reflections // Asian Yearbook of International Law. 2008. Vol. 14. P. 249–264.

Т. Рускола, в частности, сравнивает этот контакт с изнасилованием, причем гомосексуальным, так как суверенитет, которым обладали и Запад, и Китай, предполагает маскулинность. В отличие от гипермаскулинной Африки, которую следовало дисциплинировать, Китай рассматривался как недомаскулинный, как уставшая древняя империя. Все признавали его организованность, из-за которой он не мог быть захвачен путем установления простого господства, как племя дикарей. Поэтому инструментом его подчинения стала торговля, а метафорой его первых отношений с Западом было не изнасилование, а половой акт по согласию. Со временем Запад стал относиться к Китаю как к африканским владениям. Во время боксерского восстания Китай был обвинен в преступлениях против человечности; ритуальное осквернение имперских земель союзниками было рассчитано на то, чтобы превратить космологически уникального Сына Неба в одного из суверенов. Как Турция воспринималась как «больной человек Европы», Китай стал восприниматься как «больной человек Азии»; экстерриториальность указывала на промежуточное положение обеих держав на шкале цивилизаций. В конце XIX в. суверенитет Китая стал бессмысленным, так как Запад получил контроль над главными городами, реками и дорогами; объектом суверенитета стало пустое пространство между ними. Несмотря на то что Китай провел ряд реформ, его претензии на суверенитет стали еще менее убедительными, чем раньше. Китай был изнасилован не потому, что он изначально был подвержен изнасилованию из-за его культуры или расы. Колониальное насилие, как и изнасилование, не происходит с заранее определенными жертвами; оно также создает своих жертв на мгновение – посредством риторики, являющейся частью культурного сценария международного права. «Если серьезно отнестись к биологической метафоре, то только европейские государства родились, чтобы быть равными и обладать суверенитетом по праву рождения. Все остальные должны заслужить свой суверенитет, удовлетворяя различным расовым и гендерным критериям цивилизации. Даже когда эти государства соответствуют требуемым нормам, логика родства предполагает, что лучшее, на что они могут надеяться, – это стать пасынками, своего рода транснациональными усыновленными, обладателями суверенитета *second hand*. В худшем же случае они останутся ублюдками, запятнанными незаконным рождением от полового акта за пределами цивилизованных норм права наций»¹.

Вопрос о неравноправных договорах

До недавнего времени вопрос о неравноправных договорах был главным для китайской доктрины международного права². Первым таким договором был Нанкинский договор 1842 г., подписанный на борту британского фрегата *Cornwallis* под угрозой взятия Нанкина. Примеру Великобритании последовали Франция и США, заключившие подобные договоры в 1844 г., затем – другие государства. После каждого поражения Китая ему навязывались новые неравноправные договоры; в итоге их общее количество превысило одну тысячу; с другой стороны в них участвовали 14 европейских государств, а также США, Япония, Перу, Бразилия и Мексика. Работа над их отменой началась сразу после Синьхайской революции и была завершена в 1943 г., став важным инструментом легитимации Гоминьдана и КПК. Китайские власти ссылались на принципы равенства и коренного изменения обстоятельств (*clausula rebus sic stantibus*); в одних случаях они отказывались от договоров в одностороннем порядке; в других – пересматривали их совместно с контрагентами³.

По словам Ван Тейи, главными чертами неравноправных договоров были «сила и неравенство»: они заключались под влиянием принуждения и содержали несимметричные обязательства. Большинство их положений имели отношение к режиму экстерриториальности: Китай соглашался на подчинение иностранцев юрисдикции их консула⁴, присутствие иностранных вооруженных сил, внешнее управление не-

¹ Ruskola T. Raping like a State // UCLA Law Review. 2010. Vol. 57. P. 1477–1536.

² Chen Tqiang. People's Republic of China and Public International Law // Dalhousie Law Journal. 1984. Vol. 8. № 1. P. 8.

³ Chi-Hua Tang. China–Europe // Oxford Handbook of the History of International Law / ed. by A. B. Fassbender, A. Peters.

⁴ Дела с участием китайцев рассматривались китайскими властями; дела с участием иностранцев – иностранными властями; дела, в которых иностранцы были истцами, а китайцы ответчиками, – китайски-

которыми службами (таможней, почтой, железными дорогами, учебными заведениями), освобождение иностранцев от налогов, открытие портов и установление в них особых режимов, свободную деятельность миссионеров, предоставление концессий, уступку территорий, низкие тарифы и т. п. В них часто закреплялся режим наибольшего благоприятствования: уступки в пользу третьей нации автоматически распространялись на контрагента.

Китайская доктрина относится к неравноправным договорам крайне негативно: по ее мнению, они навязали Китаю униженный и подчиненный статус; стали инструментом его угнетения и эксплуатации; распространили на Китай международное право избирательным и лицемерным образом; лишили его возможных средств защиты (он не мог ссылаться на иные нормы международного права)¹. В современных работах данный вопрос, однако, ставится не столь остро: Чжипэн и Лу уделяют обозначенным договорам не так много внимания (хотя и делают те же акценты); а Сюэ Ханьцин вообще начинает рассказ об истории с 1949 г., затрагивая проблему неравноправных договоров лишь в сносках².

Позиция англоязычной доктрины по этому вопросу неоднозначна. Некоторые авторы выступают в защиту неравноправных договоров. По их мнению, условия напоминают условия предшествующих договоров, например с Кокандом³; экстерриториальная юрисдикция не противоречила китайскому пониманию юрисдикции как в первую очередь персональной, а не территориальной; с точки зрения китайцев, иностранцы стояли на более низкой ступени развития, поэтому было логично исключить их из сферы действия китайского права; режим наибольшего благоприятствования можно рассматривать как привилегию, даруемую императором (и которую другие не могли предоставить ему); режимы портов и капитуляции можно рассматривать как своеобразный синтез трибутарной системы и международного права; некоторые договоры были заключены не под влиянием силы; термин «неравноправные договоры» был введен националистами в 1920-х гг.⁴

Вопрос о действительности неравноправных договоров был подробно рассмотрен А. Петерс. По ее мнению, с точки зрения права XIX в. данные договоры были действительными: во-первых, в международных отношениях допускалось применение силы; во-вторых, принцип суверенитета был выделен доктриной, но не применялся на практике; в-третьих, отношения между европейскими и неевропейскими образованиями находились вне сферы действия международного права; в-четвертых, сами азиатские страны не применяли европейское международное право. В итоге отношения с последними регулировались *ad hoc*.

С позиции современного права вопрос более сложен. Прежде всего неясна сфера действия принципа, согласно которому действительность договора может оспариваться только на основании Венской конвенции о праве международных договоров (ст. 42), и можно ли утверждать, что запрет неравноправных договоров содержится в обычном праве (практика в данной сфере едва ли достигает требуемого уровня единообразия и четкости). Неравноправные договоры могут быть оспорены по ряду оснований: во-первых, потому что они не закрепляют взаимные обязательства (но взаимность не является условием действительности); во-вторых, потому что они посягают на суверенитет (но суверенное равенство не предполагает равенства обязательств); в-третьих, потому что они нарушают нормы *jus cogens* (но принцип суверенного равенства не считается абсолютным, запрет применения силы носит про-

ми властями; дела, в которых китайцы были истцами, а иностранцы ответчиками, – консулами. Так, преступления, совершенные китайцами против иностранцев, рассматривались китайскими судами; преступления, совершенные иностранцами против китайцев, – консулами. Экстерриториальная юрисдикция иногда осуществлялась специальными судами, например Британским Верховным судом для Китая в Шанхае и провинциальными консульскими судами. Некоторые договоры предусматривали совместное рассмотрение дел консулами и китайскими властями (смешанными судами). См.: *Wang Tieya*. Op. cit. P. 254–256.

¹ *Wang Tieya*. Op. cit. P. 257–259.

² *Zhipeng He, Lu Sun*. Op. cit. P. 101; *Xue Hanqin*. Chinese Perspectives on International Law: History, Culture and International Law // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 355. 2012. P. 63–64.

³ Коканду было предоставлено право торговать, взимать пошлины и назначать консулов с экстерриториальной юрисдикцией. См.: *Waley-Cohen J*. The sextants of Beijing: global currents in Chinese history. N. Y.: W. W. Norton & Company, 2000. P. 133, 138.

⁴ Обзор позиций см.: *d'Aspremont J., Binxin Zhang*. Op. cit. P. 904–905.

цедурный характер и предусмотрен ст. 52 Венской конвенции, в то время как ст. 53 касается содержания договоров; самоопределение может влечь недействительность только договоров, заключенных после 1980 г. – с даты вступления Венской конвенции в силу). Советские авторы утверждали, что согласие действительно только тогда, когда речь идет о равных субъектах, но этот критерий – слишком общий.

Другой важный вопрос – возможность прекращения этих договоров. Советская и китайская доктрины утверждали, что договоры могут быть пересмотрены в случае социальной революции (*clausula rebus sic stantibus*); но эта точка зрения не поддерживается большинством; кроме того, данное основание неприменимо к договорам о границах. Международное право не содержит общего запрета на принуждение, отличаясь в этом отношении от гражданского права; чем более организованным будет международное сообщество, тем менее терпимыми будут неравноправные договоры; но такое состояние еще не достигнуто. Вместе с тем концепция договора предполагает свободу договора. Поддерживая неравноправные договоры, международное право принимает существующие дисбалансы в социальной и политической силе. Договоры должны соблюдаться; исключения из этого принципа должны быть ограничены, чтобы не ставить под угрозу определенность и предсказуемость правоотношений. Контроль в отношении неравноправных договоров внесет фактор нестабильности в международный порядок, который и так менее стабилен, чем внутренний. Концепция неравноправных договоров недостаточно четкая, и, если ее принять, стороны могут в любой момент парализовать действие договора, просто заявив о его несправедливости. Без создания института, уполномоченного определять несправедливые договоры, любой тест на неравноправность будет неработоспособен¹.

По мнению Э. Карти, «международные договоры, принимающие дисбалансы», не являются договорами в полном смысле слова. Позиция Петерс предполагает, что мы находимся в джунглях, которые называются правом только для того, чтобы запутать нас². Сам Карти считает, что именно это и имеет место; его критика в основном обращена против придания своекорыстным и агрессивным действиям видимости легальности. В целом, несмотря на некоторое подобие дискуссии между А. Петерс и Э. Карти, вопрос о неравноправных договорах мало интересует европейскую доктрину и остается *вопросом местного значения*.

Конфуцианство как основа синоцентричного порядка

Международно-правовая политика Китая развивалась под сильным влиянием традиционных идеологий, прежде всего конфуцианства. Данные идеологии (конфуцианство, даосизм, легизм и буддизм) были сформулированы до нашей эры, в период раздробленности; в течение последующих двух тысяч лет они были развиты, имплементированы в политическую жизнь и сбалансированы друг с другом. Начиная со II в. до н. э. государство в основном опиралось на конфуцианство, определявшее официальные ритуалы, политическую риторику и содержание подготовки чиновников (экзамены *кэцзюй*). Это обстоятельство может быть объяснено несколькими причинами: тесной связью конфуцианства с культом предков, его объединительным потенциалом и способностью адаптироваться к политической конъюнктуре и дефицитом политического элемента в других идеологиях. Крушение империи в XIX в. сопровождалось радикальной и травматичной перестройкой китайского сознания: с одной стороны, Китай был вынужден отказаться от старых идей и изобрести или заимствовать новые; с другой стороны, старые идеи продолжили существовать в новой среде, придав специфический оттенок заимствованиям (например, марксизму).

Основные элементы *конфуцианства* выглядят следующим образом.

1. Все порядки – семейный, общественный и международный, политический и космический – связаны друг с другом и подчинены общим законам. Эта идея связи легитимирует политическую власть и общественную иерархию, которая отражает иерархию природную (например, превосходство Ян над Инь).

2. Общественный порядок организуется самим человеком на основе принципа *li* (ли, жертвовать, ритуал). *Li* предполагает иерархию и четкое распределение обязан-

¹ Peters A. *Treaties, Unequal* // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. Heidelberg: Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law; Oxford: Oxford University Press, 2009.

² Carty A. *Philosophy of International Law*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. P. 243–245.

ностей между отцом и сыном, правителем и министром, мужем и женой, а также старшим и младшим. Не являются иерархическими только отношения между друзьями.

3. Базовой структурой общества выступает семья, по модели которой организуется государство; базовой добродетелью – сыновняя почтительность (*сяо, xiao*), распространяющаяся концентрическими кругами на родителей, членов общины и императора. Другие этические ценности – преданность (*чжун, zhong*), доброжелательность (*жэнь, ren*) и праведность (*и, yi*).

4. Человек является добрым по своей природе и обладает способностью к самовоспитанию, которым он должен заниматься всю жизнь. Самовоспитание не только делает человека мудрее, но и наделяет его моральным авторитетом, благодаря которому он может управлять другими людьми.

5. Во главе государства должны стоять люди, получившие специальную подготовку и обладающие заслугами (меритократы). Они должны сочувствовать народу и подавать ему пример, а не контролировать его при помощи четких правил. Такое благожелательное правление, культивирующее добродетель, порождает благодарность, послушание и порядок.

6. Закон необходим лишь для наказания нечестивцев; те, кто используют его регулярно, не заслуживают уважения. Стимулом для соблюдения закона должен быть страх позора (потери лица), а не наказания.

7. Идеальный порядок существовал в древности, при старых династиях, последней из которых была Чжоу; впоследствии он был утрачен. Ответ на исторические вызовы, таким образом, нужно искать в прошлом, а не в будущем¹.

Политические аспекты конфуцианства были сформулированы не самим Конфуцием (VI–V вв. до н. э.), а его последователем Мэн-цзы (IV в. до н. э.). По мнению Мэн-цзы, международный порядок должен строиться по модели внутреннего: все его субъекты имеют право на существование, но сильные державы должны играть ведущую роль, подавая пример остальным. Завоевательные войны и вмешательство недопустимы, поскольку наказание может быть наложено только высшим на низшего, а в международных делах отношение между высшим и низшим отсутствует. Слабые, однако, должны почитать сильных и, в частности, выплачивать им дань².

Мо-цзы (V в. до н. э.), основатель *моизма*, считается первым китайским автором, затронувшим вопросы международного права. Он критиковал конфуцианцев за неуважение к богам, дорогостоящие ритуалы, веру в предопределенность, но, как и они, проповедовал всеобщую любовь. Он считал агрессию преступной и признавал право на самооборону, в том числе коллективную. Его последователи, вероятно, были организованы на манер военного ордена, так как они часто привлекались для защиты городов и в своих трактатах уделяли много внимания оборонительной тактике³.

Даосизм, патриархами которого являются Лао-цзы (VI–V вв. до н. э.) и Чжуан-цзы (IV–III вв. до н. э.), исходит из того, что Вселенная управляется принципом Дао (Путь). Следование Дао предполагает *wúwéi* (недеяние, спонтанность): любое действие должно опираться на восприятие текущего момента, на связь между внутренней природой и реальностью, а не на субъективные предпосылки (поэтому Дао подобно воде)⁴. Правитель должен делать сердца людей пустыми, а желудки – полными (у народа не должно быть знаний и страстей). Любая борьба (в том числе в суде) и любое умствование нарушают Дао. С увеличением количества законов увеличивается число воров. Государство должно быть небольшим, а население – редким⁵.

Легизм, видным представителем которого является Хань Фэй (III в. до н. э.), исходил из того, что жизнь людей должна регулироваться позитивным правом (*Fa*) – стабильным, определенным, беспристрастным и общеизвестным. Легисты адаптировали даосский принцип *wúwéi* к управлению: правитель должен создать такие условия,

¹ Junwu Pan. Chinese Philosophy and International Law // Asian Journal of International Law. 2011. Vol. 1. № 2. P. 233–248; Weng Li. Philosophical Influences on Contemporary Chinese Law // Indiana International & Comparative Law Review. 1996. Vol. 6. № 2. P. 332–333; Фицджеральд Ч. П. Указ. соч. С. 223–224; Yongjin Zhang. The idea of order in ancient Chinese political thought: a Wightian exploration. P. 175–178.

² Neff S. C. Op. cit. P. 22–23.

³ Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / пер. Р. В. Котенко. СПб.: Евразия, 1998. С. 70–81.

⁴ Weng Li. Op. cit. P. 332; Zhipeng He, Lu Sun. Op. cit. P. 109.

⁵ Ян Хин-Шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 117, 119, 120, 146, 158.

благодаря которым все в государстве функционирует безупречно, а необходимость вмешательства в работу властей отсутствует. В отличие от конфуцианцев легисты не считали человека добрым по природе, полагая, что мудрецы встречаются редко, а обычные люди не всегда подражают им. Как результат, порядок должен обеспечиваться при помощи наказания и поощрения (а не при помощи воспитания). Лояльность по отношению к государю важнее лояльности по отношению к семье. Правитель не должен никому доверять, может прибегать к насилию, должен заботиться лишь о сельском хозяйстве и не должен помогать беднякам (так как это ущемляет трудолюбивых). Легистские практики широко использовались Цинь Шихуанди; считается, что именно они позволили объединить Китай¹.

Буддизм исходит из того, что жизнь есть страдание, и пропагандирует аскетические практики и развитие добродетелей. В некоторых странах он стал основой для политических концепций², но в Китае его политический потенциал был нивелирован конфуцианством, а во второй половине XIX в. – марксизмом и проблемой Тибета. По словам Чжипэн и Лу, если мы ожидаем, что буддизм поддержит защиту прав и возьмет в руки оружие для защиты законных интересов, «это будет похоже на то, как если бы мы залезли на дерево, чтобы поймать рыбу»³.

Таким образом, ни одна из традиционных китайских идеологий, кроме легизма, не культивировала доверия к праву. Этот феномен иногда объясняют отсутствием в Китае стандарта универсального или божественного права, на основе которого могла бы быть построена система позитивного права; как результат, Китай изначально ориентировался на натуралистскую картину мира и этические кодексы. Недавно эта точка зрения была оспорена с двух позиций: согласно первой из них китайская правовая культура достигла тех же успехов, что и западная, и развивалась согласно одним и тем же закономерностям; согласно второй – эта культура являлась не отсталой, а адекватной местной среде⁴.

Хотя конфуцианство не используется в официальной риторике, оно остается основой политического сознания китайского народа и многих его институтов (например, образования). Некоторые китайские авторы полагают, что в условиях несостоятельности западных концепций оно может стать основой глобального порядка. Так, по мнению Тондонг Бая, западный национализм построен на расовой принадлежности и ведет к конфликтам. Его решение, основанное на идее универсальных прав, также несостоятельно, поскольку предполагает мир без национальной идентичности (в результате государства вынуждены опираться на хрупкую гражданскую идентичность). Западная модель плохо работает в больших государствах, где управление является сложным и даже квалифицированные специалисты (юристы, врачи и пр.) не обладают опытом и временем, необходимым для понимания политики и участия в ней; отсюда – демагогия, коррупция, олигархия и т. п. Следовательно, необходимо выработать культурную и историческую идентичность, которая позволила бы людям наслаждаться чувством сплоченности. Инструмент для этого – меритократия, т. е. власть специально обученных и отобранных управленцев. Меритократия не исключает выборов: народное собрание должно функционировать, но не должно иметь решающего слова. Главным качеством меритократа выступает способность к состраданию; в отличие от избранного лица, представляющего большинство, меритократ заботится о будущих поколениях, меньшинствах и людях, живущих в других государствах, причем делает это бескорыстно и без опоры на одобрение. Сострадание не является врожденным, человек учится ему в семье и, приобретя его, распространяет на сосе-

¹ *Weng Li*. Op. cit. P. 333–335; *Junwu Pan*. Op. cit.; *Евтихов О. В.* Принципы теории управления, описанные в древнекитайских трактатах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 5 (95). С. 40–41; *Yongjin Zhang*. The idea of order in ancient Chinese political thought: a Wightian exploration. P. 181.

² *Толстых В. Л.* Политическое значение буддизма и конституционно-правовой статус буддистской сангхи в Таиланде // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 4 (154). С. 122–146; *Его же.* Роль сангхи в развитии политической и правовой системы Мьянмы (Бирмы) // Там же. 2023. № 3 (153). С. 105–122.

³ *Zhipeng He, Lu Sun*. Op. cit. P. 110.

⁴ Обзор точек зрения см.: *Yonglin Jiang*. Changing paradigms in understanding Chinese imperial law // Third World Quarterly. 2022. Vol. 43. № 9. P. 2289–2305.

дей, общество и весь мир. Благодаря этому стирается различие между частным и публичным. Концепция сострадания может быть перенесена на международные отношения: хороший правитель должен стремиться к благополучию соседних государств. Основой отношений между людьми и государствами должны выступать не законы и наказания, а привычки и практики, направленные на конструктивное сотрудничество и корректируемые посредством обратной связи. Население всегда будет искать защиты у своего правительства (как человек ищет защиты в своей семье). Поэтому на международном уровне государство обязано заботиться в первую очередь о благе своего народа. В связи с этим, хотя сострадание является единственной основой долгосрочного международного сотрудничества, импульс для такого сотрудничества всегда будет относительно слабым¹.

Американский профессор Яшэн Хуан, наоборот, считает конфуцианство несостоятельной идеологией. Основанная на нем система экзаменов *кэцзюй* вынуждала всех, кто хотел стать частью элиты, ориентироваться на служение государству. В результате в Китае сформировалось скованное (*shackled*) общество, в котором негосударственные структуры (церковь, университеты, бизнес, НПО) не могут конкурировать с государством и ограничивать его, так как им не хватает легитимности, статуса или средств. В настоящее время Китай является «государством без общества», в котором партия контролирует все аспекты общественной жизни. Другая проблема конфуцианства – его ориентированность на прошлое и отсутствие в нем стимулов для научного поиска; кроме того, его доминирование стало преградой для появления альтернативных идей и развития скептического мышления².

Заключение

История международно-правовой политики Китая представляет интерес не только сама по себе; она является важным фактором, определяющим восприятие Китаем современного международного права, и постоянным пунктом референции – своего рода мифом, встроенным в официальный дискурс, к которому постоянно обращаются как государственные лидеры, так и представители доктрины. Данное восприятие может быть сформулировано следующим образом.

Во-первых, международное право рассматривается как инструмент, который был использован против Китая и в совокупности с другими инструментами причинил ему огромные страдания. Международное право, однако, не является злом само по себе; скорее злом выступают те, кто используют его во вред другим. Этот инструмент может быть поставлен на службу добра; для этого требуется понять его природу и овладеть навыками обращения с ним³. Соответствующий подход довольно оригинален, но едва ли эффективен: международное право – продукт европейской культуры, присвоение его кем-то, кто не составляют часть этой культуры, вряд ли возможно.

Во-вторых, международное право воспринимается как относящееся к «царству морали», а не к «царству права», т. е. оценивается в первую очередь в системе морально-этических координат, а не в системе координат, используемых правовой наукой (легитимность, определенность, эффективность, соответствие естественному праву и т. п.). Как результат, оно может быть «лицемерным», «унижающим», «избирательным» и т. д. Причина такого подхода – общий дефицит правового начала в китайской культуре и преобладание в ней начала этического. Данная оценка предполагает эмоциональное отношение, но не может использоваться как метод решения правовых коллизий.

¹ *Tongdong Bai. Against Political Equality: The Confucian Case. Princeton: Princeton University Press, 2019.* Обзор см.: *Carty A., Gu J. Theory and Practice in China's Approaches to Multilateralism and Critical Reflections on the Western 'Rules-Based International Order'. IDS Research Report 85. Brighton: Institute of Development Studies, 2021. P. 27–35.*

² *Yasheng Huang. The Rise and Fall of the EAST: How Exams, Autocracy, Stability, and Technology Brought China Success, and Why They Might Lead to Its Decline. Kindle Edition, 2023.*

³ «Гегемония [англоязычной науки] является предпосылкой, которую мы должны принять. Только войдя в эту систему, мы можем добиться преимуществ, так же как в современных видах спорта, таких как настольный теннис, волейбол и прыжки в воду: базовая система является западной, но это не мешает нам войти в нее и добиться высоких результатов. При наличии выдающихся результатов правильным путем реформирования будет постепенный контроль над этой системой и изменение соответствующих норм» (*Zhipeng He, Lu Sun. Op. cit. P. 73.*)

В-третьих, международное право считается навязанным Китаю извне и чуждым его традиции. Китайские авторы уделяют много внимания работе над переводами Э. де Ваттеля и Г. Уитона, фигуре У. Мартина, первым опытам применения международного права и т. п. На поверхностном уровне данный акцент подчеркивает открытость и дружелюбие Китая, но на более глубоком уровне – варварскую природу международного права, из чего, в свою очередь, вытекает право Китая использовать его инструментально (избирательно). Можно сказать, что, будучи *некитайским*, международное право воспринимается как временное, необязательное и *неинтересное*.

В-четвертых, история международного права начинается для Китая в XIX в., т. е. в момент его встречи с Западом. Предыдущие события западной и мировой истории малоинтересны; среди прочего, это означает восприятие в основном позитивистской, а не естественно-правовой традиции. События XIX в. придают истории международного права определенную логику: эта история начинается с порабощения Китая и должна закончиться его эмансипацией и распространением его влияния на весь мир в рамках *обновленной* трибутарной системы. Запад оскорбил не только Китай, но и Небо, которое восстановит гармонию при помощи Китая. Этот тезис обладает мощным легитимирующим потенциалом.

В-пятых, одним из результатов встречи Китая и Запада в XIX в. стала утрата Китаем его территорий: как собственно китайских, так и тех, в отношении которых Китай выполнял цивилизационную миссию. Восстановление прав на эти территории – важная задача китайского правительства. В обоснование соответствующих титулов китайская доктрина формулирует две группы аргументов: первые апеллируют к *status quo* периода империи, а вторые – к западным концепциям; предлагаемые решения часто выглядят эклектичными и уязвимыми, как в случае с Южно-Китайским морем.

В-шестых, международное право воспринимается как ритуал, т. е. как жестко регламентированная совокупность формул и действий. Эти формулы и действия были некогда «подсмотрены» у Запада¹, т. е. восприняты без понимания их внутренней сути и культурного (прежде всего религиозного) контекста. Ритуальность предполагает неизменность, повторяемость, торжественность и символичность и исключает дискуссию и творчество. Не будучи способной преодолеть это ограничение, китайская внешняя политика и обслуживающая ее доктрина в основном сосредоточены на выработке новых (магических) формул, усиливающих ритуальный элемент международного права и ослабляющих его логический элемент. Примером может служить концепция «сообщества единой судьбы человечества» и т. п.

Список литературы

Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.). СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2009. 488 с.

Баскин Ю. А., Фельдман Д. И. История международного права. М.: Междунар. отношения, 1990. 205 с.

Васильев Л. С. Древний Китай. Т. 2: Период Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.). М.: Восточная лит., 2000. 628 с.; Т. 3: Период Чжаньго (V–III вв. до н. э.). М.: Восточная лит., 2006. 684 с.

Евтихов О. В. Принципы теории управления, описанные в древнекитайских трактатах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 5 (95). С. 36–41.

История дипломатии / под ред. В. А. Зорина и др. Т. 1. М.: ГИПЛ, 1959. 896 с.

Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. М.: Восточная лит. РАН, 2002. 446 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия / под ред. С. А. Токарева. М.: Сов. энциклопедия, 1980. 1147 с.

Непомнин О. Е. Внешнеполитическая доктрина традиционного Китая // Восточный курьер. 2021. Вып. 3–4. С. 69–84.

Непомнин О. Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Восточная лит., 2005. 712 с.

Петров Г. Ю. Опиумные войны и легализация наркопотребления в Китае нового времени // Историко-экономические исследования. 2008. № 9 (2). С. 140–150.

Санин К. А. Китайская империя или прообраз ответственной глобальной державы: дискуссии о Цин в КНР и на Западе // Восток (Oriens). 2021. № 4. С. 185–194.

¹ Американский этнограф Р. Лоуи утверждал, что в «примитивных мифах» «весь церемониал просто проецируется в прошлое, как ритуал, преподанный сверхъестественным существом или тайно подсмотренный основателем, когда он исполнялся сверхъестественными существами». Цит. по: Мифы народов мира. Энциклопедия / под ред. С. А. Токарева. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 740.

Стеженская Л. В. Эволюция понятия «мандат Неба» (тяньмин) с древности до наших дней: о добродетели и судьбе // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 8. С. 16–19.

Тань Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 272 с.

Тойнби А. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2010. 640 с.

Толстых В. Л. Политическое значение буддизма и конституционно-правовой статус буддистской сангхи в Таиланде // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 4 (154). С. 122–146.

Толстых В. Л. Роль сасаны и сангхи в развитии политической и правовой системы Мьянмы (Бирмы) // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 3 (153). С. 105–122.

Фицджеральд Ч. П. История Китая. М.: Центрполиграф, 2004. 444 с.

Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / пер. Р. В. Котенко. СПб.: Евразия, 1998. 376 с.

Чакрабартти Д. Провинциализируя Европу / пер. П. Бавин, под ред. В. Морозова. М.: Гараж, 2021. 384 с.

Шицзин. Книга песен и гимнов. М.: Худ. лит., 1987. 352 с.

Ян Хин-Шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.; Л.: АН СССР, 1950. 162 с.

Anghie A. Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 380 p.

Battle for International Law South-North Perspectives on the Decolonization Era / ed. by J. von Bernstorff, Ph. Dann. Oxford: Oxford University Press, 2019. 488 p.

Carrai M. A. Historiographies of International Law from a Chinese Perspective // Clio@Themis. 2020. № 18. 23 p. URL: <http://journals.openedition.org/cliiothemis/302> (дата обращения: 30.10.2024).

Carty A. Philosophy of International Law. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 272 p.

Carty A., Gu J. Theory and Practice in China's Approaches to Multilateralism and Critical Reflections on the Western 'Rules-Based International Order'. IDS Research Report 85. Brighton: Institute of Development Studies, 2021. 78 p.

Chen Tiqiang. People's Republic of China and Public International Law // Dalhousie Law Journal. 1984. Vol. 8. № 1. P. 3–31.

Chesterman S. Asia's Ambivalence about International Law and Institutions: Past, Present and Futures // European Journal of International Law. 2017. Vol. 27. № 4. P. 945–978.

Chiang Kai-shek. China's Destiny. N. Y.: Roy Publishers, 1947. 347 p.

Chimni B. S. Is there an Asian approach to International Law? Questions, theses and reflections // Asian Yearbook of International Law. 2008. Vol. 14. P. 249–264.

Chimni B. S. Third World Approaches to International Law: A Manifesto // International Community Law Review. 2006. Vol. 8. P. 3–27.

d'Aspremont J., Binxin Zhang. China and international law: Two tales of an encounter // Leiden Journal of International Law. 2021. Vol. 34. P. 899–914.

Dun Jen Li. China in Transition, 1517–1911. N. Y.: Van Nostrand Reinhold, 1969. 351 p.

Fairbank J. K., Têng S. Y. On the Ch'ing Tributary System // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1941. Vol. 6. № 2. P. 135–246.

Fletcher J. F. China and Central Asia, 1368–1884 // Chinese World Order / ed. by J. K. Fairbank. Harvard: Harvard University Press, 1968. P. 206–224.

Godehardt N. No End of History. A Chinese Alternative Concept of International Order? SWP Research Paper. Berlin, 2016. 24 p.

Junwu Pan. Chinese Philosophy and International Law // Asian Journal of International Law. 2011. Vol. 1. № 2. P. 233–248.

Millward J. A. Sinicisation, the Tribute System and Dynasties: Three Concepts to Justify Colonialism and Attack non-Sinitic Diversity in the People's Republic of China // IAI Papers 23 | 17 – July 2023. 18 p.

Neff S. C. Justice among Nations: A History of International Law. Harvard: Harvard University Press, 2014. 628 p.

Oxford Handbook of the History of International Law / ed. by A. B. Fassbender, A. Peters. Oxford: Oxford University Press, 2012. 1280 p.

Perdue P. C. The Tenacious Tributary System // Journal of Contemporary China. 2015. Vol. 24. № 96. P. 1002–1014.

Peters A. Treaties, Unequal // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. Heidelberg: Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law; Oxford: Oxford University Press, 2009.

Reus-Smit Ch. Moral Purpose of the State. Princeton: Princeton University Press, 1999. 216 p.

Ruskola T. Raping like a State // UCLA Law Review. 2010. Vol. 57. P. 1477–1536.

Shin Kawashima. China as "Empire": Perceptions of the Tributary System and the Boundaries of China in the Twentieth Century. Tokyo: The Japan Institute of International Affairs, 2022. 13 p.

Tin-bor Hui V. Toward a Confucian Multicultural Approach to a Liberal World Order: Insights from Historical East Asia // *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*. 2005. Vol. 99. P. 413–416.

Tongdong Bai. *Against Political Equality: The Confucian Case*. Princeton: Princeton University Press, 2019. 344 p.

Waley-Cohen J. *The sextants of Beijing: global currents in Chinese history*. N. Y.: W. W. Norton & Company, 2000. 336 p.

Wang Chenyu. *The Status of Tibet in International Law – From the 1840^s to the 1950^s*. Utrecht: Utrecht University Repository, 2021. 244 p.

Wang Tieya. *International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives* // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 221. 1990. P. 199–369.

Warren G. G. *The First League of Nations* // *New China Review*. 1919. Vol. I. P. 356–367.

Weng Li. *Philosophical Influences on Contemporary Chinese Law* // *Indiana International & Comparative Law Review*. 1996. Vol. 6. № 2. P. 327–336.

Xiaoshi Zhang. *Rethinking International Legal Narrative Concerning Nineteenth Century China: Seeking China's Intellectual Connection to International Law* // *Chinese Journal of Global Governance*. 2018. № 4. P. 1–21.

Xue Hanqin. *Chinese Perspectives on International Law: History, Culture and International Law* // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 355. 2012. P. 41–234.

Yasheng Huang. *The Rise and Fall of the EAST: How Exams, Autocracy, Stability, and Technology Brought China Success, and Why They Might Lead to Its Decline*. Kindle Edition, 2023. 440 p.

Yongjin Zhang, Buzan B. *The Tributary System as International Society in Theory and Practice* // *Chinese Journal of International Politics*. 2012. Vol. 5. P. 3–36.

Yongjin Zhang. *System, empire and state in Chinese international relations* // *Review of International Studies*. 2001. Vol. 27. P. 43–63.

Yongjin Zhang. *The idea of order in ancient Chinese political thought: a Wightian exploration* // *International Affairs*. 2014. Vol. 90. № 1. P. 167–183.

Yonglin Jiang. *Changing paradigms in understanding Chinese imperial law* // *Third World Quarterly*. 2022. Vol. 43. № 9. P. 2289–2305.

Zhao Suisheng. *Rethinking the Chinese World Order: the imperial cycle and the rise of China* // *Journal of Contemporary China*. 2015. Vol. 24. № 96. P. 961–982.

Zhao Tingyang. *A Political World Philosophy in terms of All-under-heaven (Tian-xia)* // *Diogenes*. 2009. Vol. 56. № 1. P. 5–18.

Zhao Tingyang. *All under Heaven: The Tianxia system for a possible world order* / transl. by J. E. Harroff. Oakland: University of California Press, 2021. 301 p.

Zhipeng He, Lu Sun. *A Chinese Theory of International Law*. Singapore: Springer, 2020. 248 p.

References

Anghie A. (2005) *Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law*. Cambridge, Cambridge University Press, 380 p.

Barfield T. Dzh. (2009) *Opasnaya granitsa: kochevye imperii i Kitai (221 g. do n. e. – 1757 g. n. e.)* [The perilous frontier: nomadic empires and China (221 BC to AD 1757)]. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, Nestor-Istoriya, 488 p.

Baskin Yu. A., Fel'dman D. I. (1990) *Istoriya mezhdunarodnogo prava* [History of international law]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 205 p.

Bernstorff J. von, Dann Ph. (Eds.) (2019) *Battle for International Law South-North Perspectives on the Decolonization Era*. Oxford, Oxford University Press, 488 p.

Carrai M. A. (2020) *Historiographies of International Law from a Chinese Perspective*. In *Clio@Themis*, no. 18, 23 p., available at: <http://journals.openedition.org/cliothemis/302> (accessed: 30.10.2024).

Carty A. (2007) *Philosophy of International Law*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 272 p.

Carty A., Gu J. (2021) *Theory and Practice in China's Approaches to Multilateralism and Critical Reflections on the Western 'Rules-Based International Order'*. *IDS Research Report 85*. Brighton, Institute of Development Studies, 78 p.

Chakrabarti D. (2021) *Provintzializiruya Evropu* [Provincialising Europe], transl. by P. Bavin, ed. by V. Morozov. Moscow, Garazh, 384 p.

Chen Tiquang (1984) *People's Republic of China and Public International Law*. In *Dalhousie Law Journal*, vol. 8, no. 1, pp. 3–31.

Chesterman S. (2017) *Asia's Ambivalence about International Law and Institutions: Past, Present and Futures*. In *European Journal of International Law*, vol. 27, no. 4, pp. 945–978.

Chiang Kai-shek (1947) *China's Destiny*. New York, Roy Publishers, 347 p.

Chimni B. S. (2006) *Third World Approaches to International Law: A Manifesto*. In *International Community Law Review*, vol. 8, pp. 3–27.

Chimni B. S. (2008) *Is there an Asian approach to International Law? Questions, theses and reflections*. In *Asian Yearbook of International Law*, vol. 14, pp. 249–264.

d'Aspremont J., Binxin Zhang (2021) China and international law: Two tales of an encounter. In *Leiden Journal of International Law*, vol. 34, pp. 899–914.

Dun Jen Li (1969) *China in Transition, 1517–1911*. New York, Van Nostrand Reinhold, 351 p.

Evtikhov O. V. (2010) Printsipy teorii upravleniya, opisannye v drevnekitaiskikh traktatakh [Principles of management theory described in ancient Chinese treatises]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, is. 5 (95), pp. 36–41.

Fairbank J. K., Têng S. Y. (1941) On the Ch'ing Tributary System. In *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 6, no. 2, pp. 135–246.

Fassbender A. B., Peters A. (Eds.) (2012) *Oxford Handbook of the History of International Law*. Oxford, Oxford University Press, 1280 p.

Ficdzheral'd Ch. P. (2004) *Istoriya Kitaya* [History of China]. Moscow, Tsentrpoligraf, 444 p.

Fjen Ju-lan' (1998) *Kratkaya istoriya kitaiskoi filosofii* [A Brief History of Chinese Philosophy], transl. by R. V. Kotenko. Saint-Petersburg, Evrazija, 376 p.

Fletcher J. F. (1968) China and Central Asia, 1368–1884. In Fairbank J. K. (ed.) *Chinese World Order*. Harvard, Harvard University Press, pp. 206–224.

Godehardt N. (2016) *No End of History. A Chinese Alternative Concept of International Order?* SWP Research Paper. Berlin, 24 p.

Jan Hin-Shun (1950) *Drevnekitaiskii filosof Lao-tszy i ego uchenie* [The ancient Chinese philosopher Lao-tzu and his teachings]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 162 p.

Junwu Pan (2011) Chinese Philosophy and International Law. In *Asian Journal of International Law*, vol. 1, no. 2, pp. 233–248.

Lomanov A. V. (2002) *Khristianstvo i kitaiskaya kul'tura* [Christianity and Chinese Culture]. Moscow, Vostochnaya literatura, 446 p.

Millward J. A. (2023) Sinicisation, the Tribute System and Dynasties: Three Concepts to Justify Colonialism and Attack non-Sinitic Diversity in the People's Republic of China. In *IAI Papers*, 23 | 17 July, 18 p.

Neff S. C. (2014) *Justice among Nations: A History of International Law*. Harvard, Harvard University Press, 628 p.

Nepomnin O. E. (2005) *Istoriya Kitaya: Epokha Tsin. XVII – nachalo XX veka* [History of China: The Qing Era. XVII – beginning of XX century]. Moscow, Vostochnaya literatura, 712 p.

Nepomnin O. E. (2021) Vneshnepoliticheskaya doktrina traditsionnogo Kitaya [Foreign policy doctrine of traditional China]. In *Vostochnyi kur'er*, is. 3–4, pp. 69–84.

Perdue P. C. (2015) The Tenacious Tributary System. In *Journal of Contemporary China*, vol. 24, no. 96, pp. 1002–1014.

Peters A. (2009) Treaties, Unequal. In *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*. Heidelberg, Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law, Oxford, Oxford University Press.

Petrov G. Yu. (2008) Opiumnye voyny i legalizatsiya narkopotrebleniya v Kitae novogo vremeni [Opium wars and legalisation of drug use in China of the new time]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, no. 9 (2), pp. 140–150.

Reus-Smit Ch. (1999) *Moral Purpose of the State*. Princeton, Princeton University Press, 216 p.

Ruskola T. (2010) Raping like a State. In *UCLA Law Review*, vol. 57, pp. 1477–1536.

Sanin K. A. (2021) Kitaiskaya imperiya ili proobraz otvetstvennoi global'noi derzhavy: diskussii o Tsin v KNR i na Zapade [Chinese empire or the prototype of a responsible global power: debates about the Qing in the PRC and the West]. In *Vostok (Oriens)*, no. 4, pp. 185–194.

Shiczin. Kniga pesen i gimnov (1987) [Shijing. Book of songs and hymns]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 352 p.

Shin Kawashima (2022) *China as «Empire»: Perceptions of the Tributary System and the Boundaries of China in the Twentieth Century*. Tokyo, The Japan Institute of International Affairs, 13 p.

Stezhenskaya L. V. (2014) Evolyutsiya ponyatiya «mandat Neba» (tyan'min) s drevnosti do nashikh dnei: o dobrodeteli i sud'be [Evolution of the concept of «mandate of Heaven» (tyanmin) from antiquity to the present day: about virtue and fate]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 8, pp. 16–19.

Tan' Aoshuan (2012) *Kitaiskaya kartina mira: yazyk, kul'tura, mental'nost'* [Chinese picture of the world: language, culture, mentality]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 272 p.

Tin-bor Hui V. (2005) Toward a Confucian Multicultural Approach to a Liberal World Order: Insights from Historical East Asia. In *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*, vol. 99, pp. 413–416.

Toinbi A. (2010) *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow, Airis-Press, 640 p.

Tokarev S. A. (Ed.) (1980) *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world. Encyclopaedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1147 p.

Tolstyh V. L. (2023) Politicheskoe znachenie buddizma i konstitutsionno-pravovoi status buddistskoi sangkhi v Tailande [Political significance of Buddhism and the constitutional and legal

status of the Buddhist sangha in Thailand]. In *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 4 (154), pp. 122–146.

Tolstyh V. L. (2023) Rol' sasany i sangkhi v razvitii politicheskoi i pravovoi sistemy M'yanmy (Birmy) [The role of Śāsana and Sangha in the development of the political and legal system of Myanmar (Burma)]. In *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 3 (153), pp. 105–122.

Tongdong Bai (2019) *Against Political Equality: The Confucian Case*. Princeton, Princeton University Press, 344 p.

Vasil'ev L. S. (2000) *Drevnii Kitai. T. 2: Period Chun'tsyu (VIII–V vv. do n. e.)* [Ancient China. Vol. 2: Chunqiu Period (VIII–V centuries BC)]. Moscow, Vostochnaya literatura, 628 p.

Vasil'ev L.S. (2006) *Drevnii Kitai. T. 3: Period Chzhan'go (V–III vv. do n. e.)* [Ancient China. Vol. 3: Zhanguo period (V–III centuries BC)]. Moscow, Vostochnaya literatura, 684 p.

Waley-Cohen J. (2000) *The sextants of Beijing: global currents in Chinese history*. New York, W. W. Norton & Company, 336 p.

Wang Chenyu (2021) *Status of Tibet in International Law – From the 1840^s to the 1950^s*. Utrecht, Utrecht University Repository, 244 p.

Wang Tiewa (1990) International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives. In *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 221, pp. 199–369.

Warren G. G. (1919) The First League of Nations. In *New China Review*, vol. 1, pp. 356–367.

Weng Li (1996) Philosophical Influences on Contemporary Chinese Law. In *Indiana International & Comparative Law Review*, vol. 6, no. 2, pp. 327–336.

Xiaoshi Zhang (2018) Rethinking International Legal Narrative Concerning Nineteenth Century China: Seeking China's Intellectual Connection to International Law. In *Chinese Journal of Global Governance*, no. 4, pp. 1–21.

Xue Hanqin (2012) Chinese Perspectives on International Law: History, Culture and International Law. In *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 355, pp. 41–234.

Yasheng Huang (2023) *The Rise and Fall of the EAST: How Exams, Autocracy, Stability, and Technology Brought China Success, and Why They Might Lead to Its Decline*. Kindle Edition, 440 p.

Yongjin Zhang (2001) System, empire and state in Chinese international relations. In *Review of International Studies*, vol. 27, pp. 43–63.

Yongjin Zhang (2014) The idea of order in ancient Chinese political thought: a Wightian exploration. In *International Affairs*, vol. 90, no. 1, pp. 167–183.

Yongjin Zhang, Buzan B. (2012) The Tributary System as International Society in Theory and Practice. In *Chinese Journal of International Politics*, vol. 5, pp. 3–36.

Yonglin Jiang (2022) Changing paradigms in understanding Chinese imperial law. In *Third World Quarterly*, vol. 43, no. 9, pp. 2289–2305.

Zhao Suisheng (2015) Rethinking the Chinese World Order: the imperial cycle and the rise of China. In *Journal of Contemporary China*, vol. 24, no. 96, pp. 961–982.

Zhao Tingyang (2009) A Political World Philosophy in terms of All-under-heaven (Tian-xia). In *Dio- genes*, vol. 56, no. 1, pp. 5–18.

Zhao Tingyang (2021) *All under Heaven: The Tianxia system for a possible world order*, transl. by J. E. Harroff, Oakland, University of California Press, 301 p.

Zhipeng He, Lu Sun (2020) *A Chinese Theory of International Law*. Singapore, Springer, 248 p.

Zorin V. A. et al. (Eds.) (1959) *Istoriya diplomatii. T. 1* [History of Diplomacy. Vol. 1]. Moscow, GIPL, 896 p.

ПРИНЦИП СОРАЗМЕРНОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КРАЖУ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКОГО СЧЕТА

Рублев Андрей Геннадьевич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, доцент (Симферополь), ORCID: 0000-0003-1965-9123, e-mail: andrewrublev@bk.ru.

Принцип соразмерности, являющийся одним из принципов уголовного права, предполагает, что наказание должно соответствовать тяжести совершенного деяния. Однако установление критериев, обеспечивающих материальное содержание уголовного закона, может быть сложным процессом, учитывая конституционно-правовую основу реализации данного принципа. Исследование посвящено привлечению к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, рассмотрены различные способы кражи и их разграничение. Автор оценивает противодействие совершению тайного хищения денежных средств, находящихся на банковском счете, с учетом соотношения общественной опасности и наказуемости деяния. В статье проводится правовой анализ кражи с банковского счета в контексте соразмерности деяний и установленной уголовным законом категории преступления. Предложенные автором дополнения в ч. 2 ст. 158 УК РФ позволят избежать расширенного толкования и дадут возможность квалифицировать кражу с использованием пластиковой карты потерпевшего как преступление средней тяжести. Это предложение призвано конкретизировать концепцию противодействия хищениям с банковского счета, дать почву для размышлений о том, насколько современное состояние закона соответствует общим принципам уголовно-правового регулирования. Вероятным следствием предложенных изменений автор видит увеличение количества уголовных дел, рассмотренных в особом порядке судопроизводства, ведение уголовного процесса без неоправданной волокиты с обеспечением конституционных гарантий участникам уголовного процесса.

Ключевые слова: банковский счет, принцип соразмерности, уголовная ответственность, общественная опасность

Для цитирования: Рублев А. Г. Принцип соразмерности и ответственность за кражу денежных средств с банковского счета // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 6. С. 38–47. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_38.

THE PRINCIPLE OF PROPORTIONALITY AND LIABILITY FOR THE COMMISSION OF SECRET THEFT OF FUNDS FROM A BANK ACCOUNT

Rublev Andrey

Associate professor, Crimean Branch of Russian State University of Justice, candidate of juridical sciences (Simferopol), ORCID: 0000-0003-1965-9123, e-mail: andrewrublev@bk.ru.

The principle of proportionality is one of the principles of criminal law, which suggests that the punishment must correspond to the severity of the act committed. However, establishing criteria that ensure the material content of the criminal law can be a complex process, given the constitutional and legal basis underlying the implementation of this principle. The study is devoted to bringing to criminal liability for committing a crime under paragraph «g» of Part 3 of Art. 158 of the Criminal Code, considers various methods of theft and their distinction. The author assesses the counteraction to the secret theft of funds in a bank account, taking into account the ratio of public danger and punishability of the act. The article provides a legal

analysis of theft from a bank account in the context of the proportionality of acts and the category of crime established by criminal law. The additions proposed by the author to Part 2 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, allow to avoid an expanded interpretation and to qualify theft using the victim's plastic card as a crime of medium gravity. The proposal is intended to specify the concept of counteracting theft from a bank account, to give grounds for reflection on how much the current state of the law corresponds to the principles that provide a common system of coordinates in criminal law regulation. As a consequence of the proposed changes, the author sees in the increase in the number of criminal cases considered in a special procedure of legal proceedings, the conduct of criminal proceedings without unjustified red tape with the provision of constitutional guarantees to participants in the criminal process.

Key words: bank account, principle of proportionality, criminal liability, public danger

*For citation: Rublev A. (2024) The principle of proportionality and liability for the commission of secret theft of funds from a bank account. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 38–47, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_38.*

Достижения науки и техники, такие как Интернет, компьютеры, банковские приложения, программное обеспечение, смартфоны, несомненно, облегчили деятельность людей и способы общения. Однако они могут использоваться как на благо людей и общества в целом, так и для совершения преступлений, для причинения вреда неприкосновенности частной жизни потерпевших и их активов.

Социально-экономические процессы в российском обществе особенно сложны в современных условиях, в связи с чем мы говорим об обществе риска. Именно возможность возникновения таких рисков обусловила появление квалифицирующего признака, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Принципы формального характера, позволяющие обосновать легитимность применения государством мер принуждения, – это принципы законности и надлежащей правовой процедуры. Среди принципов материального характера мы можем упомянуть в контексте нашего исследования принципы соразмерности, справедливости, гуманности, виновности и равенства, принцип гарантированности поощрения. При этом принципы соразмерности и гарантированности поощрения не получили прямого закрепления уголовном законе.

Понятие «соразмерность» имеет философское происхождение и выступает важной концепцией уголовного права. Уголовный закон содержит перечень преступлений, их признаки и виды наказаний за каждое из них. Правило справедливой меры, сопровождаемое требованием экономии репрессии и поиском баланса между применяемыми средствами и преследуемой целью, – принцип соразмерности – представляет собой в отечественном уголовном праве фундаментальную гарантию справедливости. С одной стороны, соразмерность защищает участников уголовного процесса от злоупотреблений, устанавливая адекватность преступлению связанной с ним санкции. С другой стороны, предписывая дифференциацию ответственности, защиты или реакции, данный принцип является гарантией для общества в рамках оправдывающих лицо в состоянии, к примеру, необходимой обороны, крайней необходимости.

Важно подчеркнуть, что соразмерность при установлении в уголовном законе категорий преступлений становится целью, которую преследуют все гарантии уголовного правосудия¹. По сути, принцип соразмерности свидетельствует, что уголовное право должно быть последним инструментом, к которому прибегает общество для защиты определенных правовых активов, когда не существует других, менее ограничительных мер воздействия.

Нельзя игнорировать, что уголовное право действует в обществе, в котором потребности меняются с течением времени, поскольку человек осваивает новые виды деятельности и порождает новые риски для самого социального сосуществования,

¹ Андрусенко С. П. Восстановление социальной справедливости и назначение соразмерного наказания в контексте принципа non bis in idem // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 102–103.

на которые должен реагировать закон. В этом порядке законодатель прежде всего должен оценить, насколько масштабы примененных правоприменителями мер связаны с необходимой сдерживающей эффективностью действий правовой системы.

История уголовного права демонстрирует, как государство постепенно ограничило свои карательные меры в отношении виновных лиц. Это связано с развитием правовой системы и гуманизацией общества, о чем свидетельствуют, к примеру, запрет на применение смертной казни, сокращение сроков лишения свободы, процессы декриминализации по некоторым составам преступлений, что происходит в контексте конституционных и уголовно-правовых принципов.

Изменения в уголовном законе связаны и с законодательными проектами Верховного Суда РФ в рамках проходящей судебной реформы, структурированной с учетом вызовов современности¹.

Таким образом, уголовное правоприменение должно реагировать на современные угрозы, однако есть риск установления чрезмерно строгого наказания, что приведет к отнесению конкретного деяния к определенной (неверной) категории преступлений.

Так, дифференциация ответственности за тайное хищение чужого имущества должна быть направлена на более точное отражение степени общественной опасности конкретного преступления и личности виновного.

Согласно принципу соразмерности деяние может быть признано наказуемым лишь в случае необходимости, при этом достигаемая цель должна быть соразмерна масштабам причиненного вреда. Соразмерность как условие справедливости установленных санкций за тайное хищение денежных средств с банковского счета требует тщательного рассмотрения судом всех обстоятельств дела и определения наказания, которое будет соответствовать тяжести преступления и учитывать все факторы, влияющие на степень вины подсудимого.

Кроме того, принцип соразмерности требует, чтобы преступления различной тяжести были связаны с определенными юридическими последствиями. Конституция говорит о необходимости безусловного соблюдения предусмотренных гарантий личности и исходит из важности обеспечения справедливости соответствующих ограничений, их соразмерности защищаемым конституционным ценностям².

Более низкая оценка общественной опасности преступления законодателем влечет изменение (снижение) категории преступления. Рассуждения о том, что среднее значение опасности в таком случае вычислять некорректно, как не принято выводить среднюю температуру по больнице, по меньшей мере, неточны, ибо если средняя температура по больнице – это беспочвенная абстракция, то средний уровень общественной опасности тех или иных преступлений – реальность, которую приходится учитывать в уголовно-правовой политике. Если категория преступлений уменьшена законодателем, то это свидетельствует о том, что значительная доля преступлений данного вида приобрела относительно меньшую общественную опасность. Но такое снижение «градуса» не может не сказываться на уменьшении общей социальной «температуры» целого, следовательно, все подобные деяния должны считаться менее общественно опасными³.

Принцип справедливости в уголовном праве основывается на понятии соразмерности, что вызывает определенное чувство «меры», особое отношение между двумя величинами, оценку одних элементов по отношению к другим, взвешивание имеющихся интересов в соответствии с конкретными обстоятельствами уголовного дела (ч. 1 ст. 6 УК). В законодательстве этот принцип разбросан мелкими бусинками, которые нанизываются на ниточку и становятся очевидными правоприменителю лишь благодаря юридической науке, а также последовательной позиции Конституционного Суда РФ, который подчеркивает конституционную основу указанного принципа

¹ Корня А. Судьям не дадут засиживаться. Председатель Верховного Суда выступила за расширение практики внесудебных взысканий // Коммерсант: электрон. газ. 2024. № 87. 22 мая. URL: <https://kommersant.eiosk.pro/1087725> (дата обращения: 29.01.2025).

² Комментарий к Уголовному кодексу РФ: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2023. 316 с.

³ Смирнов А. В., Поздняков М. Л. Сокращение наказания при смягчении уголовного закона: принцип пропорциональности // Уголовный процесс. 2014. № 2. С. 62–71.

(постановления от 2 июля 1998 г. № 20-П, от 22 марта 2005 г. № 4-П, от 22 марта 2018 г. № 12-П)¹.

Термин «соразмерность» встречается в терминологии судей Конституционного Суда РФ. Например, в постановлении от 21 октября 2014 г. № 25-П он определяется в широком смысле: как «соразмерность используемых средств и преследуемой цели, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению»².

Ч. Беккариа высказывал идею, что если бы геометрия могла вместить бесконечные и неясные комбинации человеческих действий, то должна была бы существовать соответствующая шкала наказаний, нисходящая от самого сильного к самому слабому. Но мудрому законодателю будет достаточно отметить основные моменты и соблюдать их порядок, стараясь не применять к преступлениям первой степени наказания последней³.

Использование дифференциации преступлений необходимо для определения фактической общественной опасности действий подсудимого в соответствии с конституционными принципами равенства, разумности и соразмерности, при этом нельзя забывать, что различная квалификация разных видов кражи путем разграничения деяний, подпадающих под категорию кражи, может оказать существенное дефляционное воздействие на загруженность судебной системы, поскольку возможность проведения расследования в сокращенной форме может привести к значительному сокращению времени судебных разбирательств. Изложенное касается, в частности, краж, где потерпевший примирился с подсудимым и имеются другие условия для освобождения от уголовной ответственности.

Целесообразно дать толкование объективной и субъективной стороне кражи денежных средств с банковского счета, используя принцип соразмерности при определении соответствия деяния и его уголовно-правовой оценки с точки зрения справедливости (баланса частных и публичных интересов и прав других лиц). Кроме того, следует учитывать эффективность уголовно-правового регулирования при отнесении деяния к той или иной категории преступлений.

Совершение кражи денежных средств с банковского счета подразумевает ряд не определенных законодателем действий с использованием материального или нематериального платежного инструмента, что обуславливает отсутствие правовой конкретности и неэффективность нормы для противодействия преступности. Необходимо провести исследование с целью формулирования конкретных предложений по изменению законодательства.

В целом следует отметить, что преступные деяния, предусмотренные ст. 158 УК РФ, называемые также «обычная кража», были одним из наиболее распространенных деяний в структуре отечественной преступности еще со времен действия Русской Правды.

Переход от наличных денег к безналичным характеризуется процессом дематериализации, остается место только для записей в банковских счетах. Действительно, в сложной и децентрализованной экономике обмена денежные средства выполняют тройную функцию: экономического расчета, оплаты и сбережения. Развитие новых технологий делает возможными новые разработки в направлении еще более продвинутых форм дематериализации платежей.

Хищение денежных средств путем оплаты товаров с использованием чужой банковской карты подлежит квалификации как кража, совершенная с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК) (п. 49 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (далее – ВС РФ) (2021), утв. Президиумом ВС РФ 10 ноября 2021 г.).

Для решения поставленных задач исследования необходимо дать характеристику средству совершения преступлений – банковским картам. Как известно, дебетовая карта – это электронное средство платежа, которое позволяет ее держателю совершать покупки товаров, оплачивать услуги и снимать наличные деньги для списания

¹ Калиновский К. Б. Принцип соразмерности мер процессуального принуждения // Уголовный процесс. 2018. № 11.

² Луданина А. В. Оценка стоимости имущества при наложении на него ареста: как применять принцип соразмерности // Уголовный процесс. 2022. № 12. С. 68–75. DOI: 10.53114/20764413_2022_12_68.

³ Беккариа Ч. О преступлении и наказании / пер. с итал. М. М. Исаева. М.: Инфра-М, 2011.

непосредственно со средств, находящихся на банковском счете. Кредитная карта – это электронное средство платежа, позволяющее ее владельцу использовать предоставленную кредитную линию для совершения покупок товаров, оплаты услуг и снятия наличных в пределах заранее согласованного лимита.

По данной категории преступлений в настоящее время исключена возможность применения некоторых институтов, например освобождения от уголовного преследования виновного лица или применения иных гарантий, связанных со смягчением мер уголовно-правового воздействия. В свою очередь для судебной власти изменение категории преступления носит неимперативный характер.

Как известно, в конечном счете оценка всех материалов уголовного дела логически принадлежит судье, что и реализуется в судебном акте. Так, представляет интерес взгляд участников уголовного процесса по исследуемым составам преступлений. В основу эмпирического материала статьи легли интервью автора с судьями, прокурорами и адвокатами, что позволило выявить недостатки законодательной регламентации ответственности за кражу, совершенную с банковского счета¹. Отмечается, что судьи «вынуждены» изменять категорию преступления по рассматриваемому составу преступления, чтобы устранить противоречие между необходимостью применить к осужденному уголовно-правовые последствия менее тяжкого преступления ввиду того, что назначенное ему наказание, отражающее существенно меньшую степень общественной опасности содеянного, соответствует категории менее тяжкого преступления, и невозможностью это сделать по формальным причинам в связи с тем, что предусмотренная уголовным законом максимальная мера наказания за совершенное преступление категоризирует его как более тяжкое².

Необходимо также заметить, что на практике нередко вызывает сложность изменение категории преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. К примеру, Челябинский областной суд исключил из приговора суда первой инстанции мотивировки и решения об изменении на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ категории совершенного М. преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, с тяжкого преступления на преступление средней тяжести и об освобождении за примирением с потерпевшей на основании ст. 76 УК РФ М. от отбывания назначенного ей наказания в виде лишения свободы. Суд отметил, что «по смыслу закона изменение категории преступления обуславливается оценкой степени общественной опасности самого преступления, которая не может быть подменена оценкой постпреступного поведения осужденного лица» (апелляционное определение Челябинского областного суда от 19 октября 2021 г. по делу № 10-5735/2021)³.

Излишним будет упоминать, что объективная сторона преступления предопределяет изменение уровня общественной опасности деяния. Автор усматривает отсутствие значительного опыта в определении объективной стороны исследуемого состава преступления. Правовая позиция ВС РФ распространяет кражу с банковского счета в том числе на получение наличных денег в банкоматах. Законодатель, формулируя п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, включает в квалификацию те случаи, когда посредством компьютерных манипуляций или аналогичных ухищрений передача активов осуществляется в ущерб потерпевшему лицу, допуская различные способы, в частности посредством создания виновным платежных поручений или переводов с вводом или выводом данных, благодаря которым система выполняет свою собственную механическую функцию.

По сути, в настоящее время по квалифицирующему признаку «кража с банковского счета» подсудимые признаются виновными наравне с лицами, совершившими компьютерные хищения с банковского счета.

К «традиционным» методам краж и мошенничества сначала присоединились, а затем их стали активно заменять так называемые методы социальной инженерии, кото-

¹ В интервьюировании, проведенном в 2024 г., приняли участие 5 судей, 6 прокуроров, 10 адвокатов из Республики Крым.

² Шарпов Р. Д. Изменение категории преступления судом: закон, теория, практика // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20. № 1. С. 77–89. DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-1-77-89.

³ Павлова Л. О. Дефекты судебной практики об изменении категории преступления // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 1. С. 119–131. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.119-131.

рые используются для организации или, чаще всего, для того, чтобы заставить пользователя проводить платежные операции.

Наиболее распространенные случаи хищения с банковского счета выделяют по объективной стороне преступления: отправка электронного письма или ссылки на веб-сайт, который имитирует институциональные каналы поставщика платежных услуг, но на самом деле был отправлен или создан с единственной целью – обмануть пользователей и похитить их персональные учетные данные. Кроме того, имеется еще один вариант, основанный на запросах на обновление программного обеспечения, когда вредоносное программное обеспечение способно записывать ввод паролей и кодов доступа. Также встречается манипулирование кодами, которые перенаправляют на подложные веб-сайты и другие механизмы преступного поведения.

Признаки кражи денежных средств с банковского счета, перечисленные в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, в самом кодексе не детализированы. Для их определения необходимо обращаться к нормам гражданского и банковского законодательства¹. Транзакция происходит в результате незаконных действий, которые вполне могут состоять в изменении физических элементов, программировании и введении ложных данных. Представляется, что подобные деяния подлежат квалификации по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ в совокупности с другими статьями уголовного закона.

Ответственность за тайные хищения имущества с банковского счета обоснованно повышена в соответствии с принципом соразмерности, поскольку лицом совершаются деяния, предусмотренные различными статьями уголовного закона. В то же время степень общественной опасности использования кредитной карты другого лица без ведома владельца ниже, однако это преступление тоже охватывается диспозицией п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Например, тайные хищения, состоящие в копировании магнитной полосы платежной карты без ведома потерпевшего, когда виновный использует эту карту в банкомате или терминале, подлежат квалификации по совокупности с компьютерными преступлениями и квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 183 УК РФ и ст. 187 УК РФ.

Деяния, сопряженные со «взломом» системы защиты банкомата, связанные с целью перехвата управления выдачей наличных денег путем неправомерного доступа к компьютерной информации, образуют совокупность преступлений: п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 272 УК РФ.

Воздействие на банкомат путем внедрения вредоносного программного обеспечения в компьютерную систему оборудования банкомата или через другое соединение подлежит квалификации по п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ.

В свою очередь, персонифицированная банковская карта потерпевшего может быть прикреплена как к уже открытым платежным счетам на имя владельца счета, так и к платежному счету, открытому на момент выпуска карты. К платежному счету можно прикрепить несколько платежных карт. С помощью платежных карт могут осуществляться следующие операции: оплата приобретенных товаров, оказанных услуг, выдача наличных денег в банкоматах, в кассах платежных систем в пределах, предусмотренных нормативными актами, переводы денежных средств, другие финансовые операции.

Следует признать неудачной позицию о привлечении к уголовной ответственности по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК лиц, совершивших снятие денежных средств или оплату товаров, услуг с чужого банковского счета, поскольку никаких сложных действий, как в вышеизложенных примерах, не происходит. Так, осужденная С. воспользовалась найденной банковской картой потерпевшего, которую он потерял, и расплатилась ею за покупку на сайте «Алиэкспресс» на сумму 4586 руб. 50 коп. Виновная отказалась от дальнейшего совершения преступления, возвратила потерпевшему похищенные деньги и принесла извинения. Указанные действия были квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Кассационная инстанция ВС РФ изменила категорию совершенного преступления с тяжкого на преступление средней тяжести, отменила приговор Нагатинского районного суда г. Москвы, апелляционное определение судебной коллегии

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 9 июля 2021 г. № 1374-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта „г“ части 3 статьи 158 и статьи 159.3 УК РФ в связи с запросом Железнодорожного районного суда г. Рязани» // СПС «КонсультантПлюс».

по уголовным делам Московского городского суда и кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции в отношении С. и прекратила уголовное дело на основании ст. 25 УПК РФ в связи с примирением сторон¹.

Следует признать, что в случае, если не изменяется работа программного обеспечения и лицо только расплачивается за услуги или товар, снимает наличные денежные средства, говорить о тяжком преступлении невозможно. Такие деяния с использованием карты потерпевшего по степени общественной опасности сравнимы с преступлением, квалифицируемым по ч. 2 ст. 158 УК. Целесообразно дифференцировать уголовную ответственность за кражи с различными компьютерными манипуляциями с программным обеспечением и за оплату картой потерпевшего покупок, услуг или снятие наличных денежных средств.

При использовании реальных карт в банкоматах нельзя сказать, что имеет место компьютерная манипуляция, поскольку манипуляция как таковая требует модификации операционных или управляющих систем компьютерной системы. Манипулирование компьютерной системой – это больше, чем просто воздействие на нее, оно состоит во введении ложных данных или изменении программ, нарушающем правильное функционирование обработки, и не эквивалентно действию человека, предоставляющего компьютеру правильные данные, которые обрабатывается программой соответствующим образом. Каких-либо конкретных критериев для дифференциации объективной стороны кражи с банковского счета с учетом многообразия способов хищения в настоящее время не установлено.

Что касается дифференциации ответственности за тайные хищения с банковского счета по субъективной стороне преступлений, она может быть установлена путем выяснения таких признаков, как вина, мотив, цель.

Степень общественной опасности упомянутых деяний по критериям оценки параметров психики в ходе преступных действий несоизмерима, налицо корыстная цель при совершении кражи, она направлена на конкретное действие. Интенсивность мотивационного процесса определяется взаимосвязанными параметрами: силой и размером. Под силой мотивационного процесса понимают способность исключать конкурентные мотивы и, следовательно, степень ее контроля над поведением личности. В свою очередь, размер – это особенность мотивационного процесса, определяющая размер преступного результата и количество действий, необходимых для его достижения. Именно по размеру и объему преступных действий эти действия виновного с картой потерпевшего, которая потеряна или же украдена виновным, также следует считать менее опасными.

В настоящее время использование чужой банковской карты квалифицируется по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, что выглядит ошибочным, поскольку отнесение рассматриваемого деяния к тяжким преступлениям несоразмерно: для потерпевшего не имеет значения, украдены наличные деньги или безналичные в такой же сумме (в отношении безналичных значительно больше шансов их вернуть благодаря принятым банками мерам), с точки зрения виновного лица, ни его действия, ни его личность в этом деянии не обладают признаками повышенной общественной опасности (такими как использование дополнительных технических средств, навыков, особая подготовка и пр.). Для уравнивания ответственности в тех случаях, когда суды верно оценивают признаки состава, вменяя ст. 158 УК РФ, они вынуждены прибегать к назначению наказания ниже низшего предела² или изменению категории преступления³.

Полагаем целесообразным дополнить ч. 2 ст. 158 УК квалифицирующим признаком следующего содержания: «д) с банковского счета путем использования кредитной или дебетовой карты потерпевшего (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного пунктом „г“ части 3 статьи 158 и (или) статьи 159.3 настоящего Кодекса)».

¹ Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 октября 2021 г. № 5-УД21-99-К2 // ЭПС «Гарант».

² Филатова М. А. Хищение с использованием чужой банковской карты в магазине образует состав кражи // Законность. 2020. № 12. С. 34–38.

³ Приговор Центрального районного суда г. Челябинска от 6 июня 2022 г. по уголовному делу № 1-251/2022 // Официальный сайт Центрального районного суда г. Челябинска. URL: <https://centr.chel.sudrf.ru/> (дата обращения: 29.01.2025).

Это дополнение позволит использовать некоторые институты Общей части УК, поскольку изменится категория преступления. Так, будет возможно освобождение от уголовной ответственности при примирении с потерпевшим или применение судебного штрафа. К примеру, освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ) является единственным императивным основанием. Суд как первой, так и апелляционной инстанции обязан при наличии к тому оснований и выполнении всех условий прекратить уголовное дело и освободить лицо от уголовной ответственности, а в случае постановления обвинительного приговора по причине несогласия на прекращение – освободить от наказания.

Сложнее система выводов, касающихся возможностей суда по освобождению от уголовной ответственности по дискреционным основаниям. Законодатель не должен игнорировать дискреционный характер, предопределяющий особую правовую природу перечисленных оснований. Уголовный закон не может ограничивать подсудимого в праве на прекращение уголовного дела с освобождением от уголовной ответственности, а обязанность суда – выяснять возможность применения ст. 75, 76, 76.1, 76.2, 90 УК РФ¹.

Проведение сокращенного судебного разбирательства позволяет экономить огромные юрисдикционные усилия и инвестировать время и усилия в другие уголовные дела, соблюдая процессуальные принципы эффективности уголовного процесса и уважения к надлежащей правовой процедуре. Предложенное изменение будет способствовать реализации принципа соразмерности общественной опасности и наказуемости деяний, предусмотренных ст. 158 УК РФ.

Общая формула границ реализации принципа соразмерности определена в ч. 3 ст. 55 Конституции посредством принципиальной оговорки относительно того, что ограничение прав и свобод допускается «только в той мере, в какой это необходимо»². Следовательно, должна быть соразмерность между преступлением и наказанием³. Между тем на основе проведенного автором интервьюирования участников уголовного процесса можно отметить, что в настоящее время по исследуемым преступлениям законодатель лишил подсудимых права на особый порядок судопроизводства по уголовному делу, что может привести к нарушению принципа равенства всех перед законом.

В заключение отметим, что существование в государстве репрессивной уголовной политики считается оправданным, следовательно, мы логически делаем вывод, что наказания также должны быть соразмерны деяниям на общих основаниях.

Контроль на конкретном уровне будет принимать в качестве отправной точки презумпцию соразмерности санкции, предусмотренной за кражу с использованием найденной или украденной банковской карты потерпевшего. Взвешенный анализ показывает, что нет гарантии того, что установленная санкция вполне соразмерна, напротив, очевидна непропорциональность уголовной репрессии.

Вместе с тем сущностью уголовно-правового принципа справедливости является соразмерность⁴. С одной стороны, аргумент о пропорциональности, подразумеваемый или нет, представляет собой важный шаг в оправдании ограничений свобод, с другой – понятие, взятое как логический инструмент, позволяет рационально отличать существенное от чрезмерного.

Дискреционные и, казалось бы, абсолютные права судебной власти несут в себе ограниченность. Это означает, что судья может выбирать между различными вариантами действий, исходя из обстоятельств конкретного дела и своего профессионального опыта лишь для достижения определенной цели и в той мере, в какой их обладатель намерен достичь этой цели и иметь власть применить меры воздействия. Предложенное дополнение основано на принципах соразмерности и равенства, что

¹ *Килина И. В.* Разрешение судом апелляционной инстанции вопроса об освобождении от уголовной ответственности по альтернативным основаниям // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 9. С. 131–140. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.154.9.131-140.

² *Гузеева О. С.* Соразмерность ограничения прав и свобод как условие конституционности наказания // Российское правосудие. 2022. № 4. С. 53–72. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2022.4.53-72.

³ *Беккариа Ч.* Указ. соч.

⁴ *Сабитов Т. Р.* Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 225.

позволяет суду при наличии оснований, предусмотренных ст. 75, 76, 78, 80.1, 84, 92, 94 УК РФ, освободить осужденного от отбывания назначенного наказания.

В то же время некоторые исследователи предлагают в принципе исключить из ст. 158 УК РФ квалифицирующий признак «с банковского счета», поскольку такое хищение не обладает повышенной опасностью¹.

Отметим, что предлагаемое дополнение призвано помочь правоприменителю дифференцировать уголовную ответственность, поскольку более точно категоризирует кражу с использованием чужой банковской карты, что согласуется с общей системой правового регулирования.

В связи с вышеизложенным дополнение ч. 2 ст. 158 УК РФ квалифицирующим признаком дает обвиняемому право ходатайствовать о сокращенном порядке судопроизводства при определенных условиях, что способствует эффективности уголовно-правового поощрения. Реализация данного процессуального института упростит систему уголовного преследования с помощью простых, гибких и быстрых механизмов. Это первая цель, которую преследует особый порядок судебного разбирательства, – добиться упрощения и сокращения процедур и разумных сроков уголовного процесса с уважением конституционных гарантий участников уголовного процесса. Соразмерность считается важным принципом при назначении наказания, обеспечивает определенное ограничение судебного усмотрения, достижение справедливости вынесенных судебных актов. Таким образом, применение соразмерных санкций позволяет обеспечить баланс публичных и частных интересов, уважение к закону и судебной власти.

Список литературы

Андрусенко С. П. Восстановление социальной справедливости и назначение соразмерного наказания в контексте принципа non bis in idem // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 102–111. DOI: 10.12737/7595.

Беккариа Ч. О преступлении и наказании / пер. с итал. М. М. Исаева. М.: Инфра-М, 2011. 182 с.

Гузеева О. С. Соразмерность ограничения прав и свобод как условие конституционности наказания // Российское правосудие. 2022. № 4. С. 53–72. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2022.4.53-72.

Калиновский К. Б. Принцип соразмерности мер процессуального принуждения // Уголовный процесс. 2018. № 11. С. 11.

Килина И. В. Разрешение судом апелляционной инстанции вопроса об освобождении от уголовной ответственности по альтернативным основаниям // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 9. С. 131–140. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.154.9.131-140.

Корня А. Судьям не дадут засиживаться. Председатель Верховного Суда выступила за расширение практики внесудебных взысканий // Коммерсант: электрон. газ. 2024. № 87. 22 мая. URL: <https://kommersant.ekiosk.pro/1087725> (дата обращения: 29.01.2025).

Комментарий к Уголовному кодексу РФ: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2023. 316 с.

Луданина А. В. Оценка стоимости имущества при наложении на него ареста: как применять принцип соразмерности // Уголовный процесс. 2022. № 12. С. 68–75. DOI: 10.53114/20764413_2022_12_68.

Павлова Л. О. Дефекты судебной практики об изменении категории преступления // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 1. С. 119–131. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.119-131.

Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 421 с.

Смирнов А. В., Поздняков М. Л. Сокращение наказания при смягчении уголовного закона: принцип пропорциональности // Уголовный процесс. 2014. № 2. С. 62–71.

Смоляков А. Н. Хищение безналичных, электронных денежных средств и цифровой валюты: вопросы юридической техники и дифференциации ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2023. 21 с.

Филатова М. А. Хищение с использованием чужой банковской карты в магазине образует состав кражи // Законность. 2020. № 12. С. 34–38.

Шарапов Р. Д. Изменение категории преступления судом: закон, теория, практика // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20. № 1. С. 77–89. DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-1-77-89.

¹ Смоляков А. Н. Хищение безналичных, электронных денежных средств и цифровой валюты: вопросы юридической техники и дифференциации ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2023. С. 19.

References

Andrusenko S. P. (2015) Vosstanovlenie sotsial'noi spravedlivosti i naznachenie sorazmernogo nakazaniya v kontekste printsipa non bis in idem [Restoration of Social Justice and Imposition of Proportionate Punishment in the Context of the Principle Non Bis In Idem]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 2, pp. 102–111, DOI: 10.12737/7595.

Bekkaria Ch. (2011) *O prestuplenii i nakazanii* [About crime and punishment], transl. from Italian by M. M. Isaev. Moscow, Infra-M, 182 p.

Filatova M. A. (2020) Khishchenie s ispol'zovaniem chuzhoi bankovskoi karty v magazine obrazuet sostav krazhi [Theft committed with use of a someone else's bank card in a store constitutes components of larceny]. In *Zakonnost'*, no. 12, pp. 34–38.

Guzeeva O. S. (2022) Sorazmernost' ogranicheniya prav i svobod kak uslovie konstitutsionnosti nakazaniya [Proportionality of restrictions on rights and freedoms as a condition for the constitutionality of punishment]. In *Rossiiskoe pravosudie*, no. 4, pp. 53–72, DOI: 10.37399/issn2072-909X.2022.4.53-72.

Kalinovskii K. B. (2018) Printsip sorazmernosti mer protsessual'nogo prinuzhdeniya [Principle of proportionality of measures of procedural coercion]. In *Ugolovnyi protsess*, no. 11, p. 11.

Kilina I. V. (2023) Razreshenie sudom apellyatsionnoi instantsii voprosa ob osvobozhdenii ot ugovolnoi otvetstvennosti po al'ternativnym osnovaniyam [Resolving the issue of exemption from criminal liability on alternative grounds in the court of appeal]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 9, pp. 131–140, DOI: 10.17803/1994-1471.2023.154.9.131-140.

Kornya A. (2024) Sud'yam ne dadut zasizhivat'sya. Predsedatel' Verkhovnogo Suda vystupila za rasshirenie praktiki vnesudebnykh vzyskaniy [The judges will not be allowed to stay too long. The Chairman of the Supreme Court advocated the expansion of the practice of extrajudicial punishments]. In *Kommersant: elektronnyaya gazeta*, no. 87, 22 May, available at: <https://kommersant.ekiosk.pro/1087725> (accessed: 29.01.2025).

Lebedev V. M. (Ed.) (2023) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu RF: in 4 vols. Vol. 1: Obshchaya chast'* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 vols. Vol. 1: General part]. Moscow, Yurait, 316 p.

Ludanina A. V. (2022) Otsenka stoimosti imushchestva pri nalozhenii na nego aresta: kak primenyat' printsip sorazmernosti [Assessment of the value of property when it is seized: how to apply the principle of proportionality]. In *Ugolovnyi protsess*, no. 12, pp. 68–75, DOI: 10.53114/20764413_2022_12_68.

Pavlova L. O. (2024) Defekty sudebnoi praktiki ob izmenenii kategorii prestupleniya [Defects in judicial practice in changing the category of crime]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, vol. 19, no. 1, pp. 119–131, DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.119-131.

Sabitov T. R. (2019) *Ugolovno-pravovye printsipy: ponyatie, sistema i vidy: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminal law principles: concept, system and types: a doctor of legal sciences thesis]. Yekaterinburg, 421 p.

Sharapov R. D. (2023) Izmenenie kategorii prestupleniya sudom: zakon, teoriya, praktika [Changing the category of crime by the court: law, theory, practice]. In *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, vol. 20, no. 1, pp. 77–89, DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-1-77-89.

Smirnov A. V., Pozdnyakov M. L. (2014) Sokrashchenie nakazaniya pri smyagchenii ugovolnogo zakona: printsip proporsional'nosti [Reduction in mitigation of punishment of the criminal law: the principle of proportionality]. In *Ugolovnyi protsess*, no. 2, pp. 62–71.

Smolyakov A. N. (2023) *Khishchenie beznalichnykh, elektronnykh denezhnykh sredstv i tsifrovoi valyuty: voprosy yuridicheskoi tekhniki i differentsiatsii otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Theft of non-cash, electronic money and digital currency: issues of legal technique and differentiation of responsibility: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Saint-Petersburg, 21 p.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Жужгина Александра Андреевна

Ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета (Тюмень), ORCID: 0009-0005-0924-7602, e-mail: a.a.zhuzhgina@utmn.ru.

В данной статье рассматривается актуальная проблема повышения эффективности мер поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с использованием технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в контексте правового регулирования указанных процессов. Анализируется текущая ситуация в России, отмечаются положительные тенденции в сфере защиты прав детей-сирот, но подчеркиваются сохраняющиеся проблемы их социальной и трудовой адаптации. Исследуются факторы, влияющие на профессиональную адаптацию выпускников детских домов, и рассматриваются существующие меры поддержки. Особое внимание уделяется перспективам применения ИИ в системе социального обеспечения детей-сирот, включая создание персонализированных образовательных программ, прогнозирование и профилактику социального сиротства, оптимизацию подбора приемных семей. Предлагается ряд законодательных инициатив для урегулирования использования ИИ в данной сфере, подчеркивается необходимость соблюдения этических принципов и защиты персональных данных.

Ключевые слова: дети-сироты, искусственный интеллект, социальная адаптация, правовое регулирование, цифровизация, социальное обеспечение

Для цитирования: Жужгина А. А. Повышение эффективности мер поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с помощью искусственного интеллекта: правовой аспект // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 6. С. 48–56. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_48.

IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF SUPPORT MEASURES FOR ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE: LEGAL ASPECT

Zhuzhgina Alexandra

Assistant, Department of Civil Law Disciplines at the Institute of State and Law of Tyumen State University (Tyumen), ORCID: 0009-0005-0924-7602, e-mail: a.a.zhuzhgina@utmn.ru.

This article examines the pressing issue of enhancing support measures for orphans and children left without parental care through the use of artificial intelligence (AI) technologies in the context of the legal regulation of these processes. The current situation in Russia is analyzed, noting positive trends in protecting the rights of orphaned children while highlighting persistent problems in their social and labor adaptation. Factors influencing the professional adaptation of orphanage graduates are investigated, and existing support measures are reviewed. Special attention is given to the prospects of applying AI in the social welfare system for orphans, including the creation of personalized educational programs, prediction and prevention of social orphanhood, and optimization of foster family matching. A series of legislative initiatives is proposed to regulate the use of AI in this field, emphasizing the need to adhere to ethical principles and protect personal data.

Key words: orphans, artificial intelligence, social adaptation, legal regulation, digitalization, social welfare

For citation: Zhuzhgina A. (2024) Improving the effectiveness of support measures for orphans and children left without parental care using artificial intelligence: legal aspect. In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu», no. 6, pp. 48–56, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_48.

В контексте научного исследования правовой проблематики социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, следует отметить, что данная категория граждан, а также лица, определяемые ст. 20 Конвенции о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г.) как «молодые люди, временно или постоянно лишенные семейного окружения», характеризуются повышенной социальной уязвимостью. В связи с этим государство реализует комплекс мер, направленных на компенсацию неблагоприятных жизненных обстоятельств и содействие их успешной социальной интеграции. Среди ключевых социальных гарантий и льгот, предоставляемых лицам данной категории, выделяются: право на устройство в семью, способствующее созданию благоприятных условий для развития и социализации; преимущественное право при поступлении в средние профессиональные и высшие учебные заведения, обеспечивающее доступ к качественному образованию и повышение конкурентоспособности на рынке труда; предоставление бесплатной медицинской помощи, гарантирующее охрану здоровья и доступ к необходимым медицинским услугам; а также содействие в трудоустройстве, направленное на обеспечение экономической самостоятельности и профессиональной реализации¹. Данный комплекс мер призван создать условия для преодоления социального неравенства и обеспечения равных возможностей для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в различных сферах жизни общества.

В последние годы в России наблюдается положительная тенденция в сфере защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Статистика показывает, что количество детей-сирот на 10 000 детского населения снизилось со 129 в 2021 г. до 119 в 2023 г. Общее количество детей-сирот в стране сократилось до 358 000, что на 9 % меньше по сравнению с 2021 г.² Из них 322 600 детей живут в семьях, 31 700 находятся в детских домах и других госучреждениях, 3700 детей – под опекой государства. Стоит отметить, что в первом квартале 2024 г. было выявлено на 2,3 % меньше детей-сирот, чем в аналогичный период 2023 г.³

В контексте стремительного развития нейросетевых технологий наблюдается экспоненциальный рост потенциальных сфер их применения в области социального обеспечения. Международные организации, в частности ЮНИСЕФ, инициируют проекты, направленные на интеграцию прав детей в политику управления ИИ, с особым акцентом на детях, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах. Ярким примером является проект «AI for Children», нацеленный на исследование методов имплементации прав детей в контексте развития ИИ⁴.

Существует положительный зарубежный опыт применения нейросетей для защиты детей-сирот. Опыт отдельных зарубежных стран показывает эффективность ИИ в таких ключевых областях, как раннее выявление детей группы риска, оптимизация подбора приемных семей и мониторинг случаев жестокого обращения. В Великобритании проект CESIUM использует ИИ для улучшения выявления и направления уязвимых детей в службы социальной защиты. Система помогла идентифицировать 16 уязвимых детей на 6 месяцев раньше, чем традиционные методы⁵. В США ИИ при-

¹ Шимова Е. С., Слипченко О. А. Социальная защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник магистратуры. 2014. № 3-2 (30). С. 146.

² На 463 % больше сирот в Ростовской области, антирекорд иностранных усыновлений и снижение числа детей в детдомах. Исследование «Если быть точным» // Если быть точным: сайт. URL: <https://tochno.st/materials/na-463-bolse-sirot-v-rostovskoi-oblasti-antirekord-inostrannykh-usynovlenii-i-snizhenie-cisla-detei-v-detdomax-issledovanie-esli-byt-tochnym> (дата обращения: 13.01.2025).

³ В восьми регионах РФ число детей без попечения родителей сократилось на 25 % // ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21344283> (дата обращения: 13.01.2025).

⁴ Generative AI: Risks and opportunities for children. UNICEF // Unicef.org. 25 September. URL: <https://www.unicef.org/innocenti/generative-ai-risks-and-opportunities-children> (дата обращения: 13.01.2015).

⁵ Mabry A. How Artificial Intelligence Is Changing the Game for Foster Children // Forbes.com. 2019. 2 July. URL: <https://www.forbes.com/sites/allisonmabry/2019/07/02/how-artificial-intelligence-is-changing-the-game-for-foster-children/?sh=2e2f130b1465> (дата обращения: 13.01.2015).

меняется для улучшения процесса подбора приемных семей. Алгоритмы анализируют данные о детях и семьях для выявления потенциальных совпадений на основе таких факторов, как местоположение, возраст и интересы. В Кении также разрабатывается панель управления для защиты детей на базе ИИ в целях улучшения мониторинга, отчетности и вмешательства государственных органов в случаях жестокого обращения с детьми¹.

В контексте развития ИИ в Российской Федерации, обозначенного Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15 февраля 2024 г.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – Указ Президента № 490), одной из задач, поставленных Президентом, является стимулирование внедрения технологий ИИ в отраслях экономики и социальной сферы. Цифровизация социальной сферы открывает новые возможности для повышения эффективности мер поддержки, но одновременно создает новые риски, требующие адекватного правового регулирования. Как отмечает Т. А. Анбрехт, использование цифровых платформ позволяет осуществить переход к проактивному и адресному предоставлению мер социальной защиты гражданам. В России с 2022 г. в автоматическом режиме уже может быть назначена страховая пенсия по старости, а с 2024 г. осуществляется перерасчет размера фиксированной выплаты к страховой пенсии без истребования заявления от пенсионера².

В контексте развития технологий искусственного интеллекта открываются новые перспективы для совершенствования системы поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Потенциальные области применения ИИ в данной сфере включают: оптимизацию процессов содействия трудоустройству выпускников интернатных учреждений посредством анализа рынка труда и разработки индивидуальных программ профессиональной ориентации; прогнозирование и профилактику социального сиротства путем выявления семей группы риска на основе анализа больших данных; совершенствование механизмов подбора потенциальных приемных родителей с использованием алгоритмов сопоставления характеристик детей и усыновителей; определение оптимальной формы семейного устройства для каждого ребенка на основе комплексного анализа множества факторов. Каждая из этих областей применения ИИ заслуживает детального рассмотрения с учетом потенциальных преимуществ, ограничений и этических аспектов внедрения подобных технологий в сферу защиты прав детей, о чем речь пойдет далее.

1. Поддержка занятости среди детей-сирот, выпускников детских домов.

Одной из наиболее актуальных проблем в области социальной защиты детей-сирот является проблема трудовой адаптации выпускников детских домов. По некоторым данным, только 10 % выпускников детских домов успешно адаптируются к самостоятельной жизни, в то время как 90 % сталкиваются с серьезными трудностями в социальной и профессиональной сферах³.

Проблема профессиональной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, носит многогранный и комплексный характер, обусловленный взаимодействием ряда факторов. Данный процесс детерминирован совокупностью психологических, социальных, бытовых, физиологических и правовых аспектов, каждый из которых вносит существенный вклад в формирование барьеров на пути успешной интеграции в профессиональную среду. Т. П. Усынина указывает, что психологическая неподготовленность, выражающаяся в отсутствии опыта позитивных межличностных отношений, затрудняет формирование адекватных профессиональных коммуникаций⁴. Недостаточная социализация и дефицит навыков межличностного взаимодействия препятствуют эффективной интеграции в трудовой коллектив и ограничивают возможности карьерного роста. Ряд авторов также указывают на то,

¹ Trilateral Research. CESIUM: Tackling child exploitation with ethical AI // Trilateralresearch.com. 23 July. URL: <https://trilateralresearch.com/cesium-application> (дата обращения: 13.01.2025).

² Анбрехт Т. А. Цифровая трансформация систем социальной защиты в государствах-членах Евразийского экономического союза // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Т. 9. № 4 (36). С. 89.

³ Шогенова Ф. З., Ханиева З. А., Шинахова М. М. Проблема социальной адаптации выпускников детских домов // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 20. № 4. С. 286.

⁴ Усынина Т. П. Некоторые психолого-педагогические аспекты адаптации выпускников интернатных учреждений // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 6. С. 282.

что отсутствие бытовой самостоятельности и преобладание иждивенческих установок негативно влияют на трудовую мотивацию и стремление к финансовой независимости¹. Физиологические особенности и наличие аддиктивного поведения оказывают отрицательное воздействие на работоспособность и трудовую дисциплину. Недостаточная правовая грамотность осложняет реализацию трудовых прав и получение предусмотренных социальных гарантий. Многие авторы также указывают на несовершенство нормативно-правовой базы, что создает дополнительные институциональные барьеры при трудоустройстве и адаптации в профессиональной среде².

Для решения описанной выше проблемы в России негосударственными организациями и объединениями реализуются различные социальные программы поддержки выпускников детских домов. Например, проект «Наставничество», организованный благотворительным фондом «Солнечный Город» и запущенный в 2017 г., направлен на оказание помощи в адаптации выпускникам школ-интернатов. Кроме того, многие некоммерческие организации, такие как «Содружество выпускников детских домов», работают над профориентацией, трудовой адаптацией и повышением социально-правовой грамотности сирот³.

Важным шагом в расширении трудовых прав детей-сирот стало принятие в 2023 г. поправок в Трудовой кодекс РФ, упрощающих процедуру их трудоустройства с 14 лет. Данные изменения были обусловлены необходимостью содействия ранней социализации и профессиональной адаптации детей-сирот, а также потребностью в снижении административных барьеров при их трудоустройстве. Это открывает более широкие возможности для приобретения детьми-сиротами трудового опыта и финансовой самостоятельности, что может способствовать их успешной интеграции в общество. Вместе с тем эта мера требует усиленного контроля со стороны органов опеки для предотвращения эксплуатации труда несовершеннолетних.

ИИ может стать еще одним инструментом улучшения положения детей-сирот на рынке труда, так как новые технологии могут эффективно использоваться для создания персонализированных образовательных программ, учитывающих особые потребности детей-сирот, что способствует их лучшей социальной адаптации. ИИ уже продемонстрировал успехи в проведении профориентационного обучения⁴, а исследование, выполненное В. Н. Ослон и Е. В. Селениной в 2013 г.⁵, показало, что успешность социально-трудовой адаптации выпускников-сирот на первом рабочем месте определяется комплексом взаимосвязанных факторов. Ключевую роль играют отношения со значимым взрослым (наставником, начальником), через призму которых выпускник воспринимает всю трудовую среду. Значение имеют также чувство интегрированности в коллектив, удовлетворенность полученным образованием, наличие поддерживающей социальной сети, психологическая безопасность рабочей среды и непрерывность профессионального развития в первые годы после окончания учебного заведения. При этом на адаптацию влияют паттерны поведения и трудовые навыки, сформированные в условиях институционального воспитания.

Для успешной интеграции выпускников-сирот в трудовую среду необходимо комплексное социально-психолого-педагогическое сопровождение, учитывающее их специфические потребности и особенности развития. Описанное исследователями

¹ См., например: *Карякина Н. В.* Сироты как представители категории риска в социокультурном пространстве трансформирующейся России // Альманах современной науки и образования. 2007. № 7 (7): в 2 ч. Ч. 1. С. 68–70; *Халимова Н. М., Бабицкая Е. А., Ворожцова Л. А., Назмутдинова Е. С.* Выявление проблемного поля по адаптации обучающихся-сирот в условиях среднего профессионального образования // Казанский педагогический журнал. 2016. № 5 (118). С. 138.

² См., например: *Крюкова О. Н., Гришмановский А. С.* Проблемы защиты прав детей-сирот и пути их решения // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2022. Т. 5. № 1. С. 36.

³ Адаптация выпускников детских домов – есть ли решение // Шанс: сайт. URL: <https://chance.su/1238-adaptacija-vypusknikov-detskikh-domov-est-li-reshenie.html> (дата обращения: 13.01.2025).

⁴ *Колесова А. С., Сараева О. Н.* Перспективы применения искусственного интеллекта в профориентационной деятельности // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 7. С. 2475.

⁵ *Ослон В. Н., Селенина Е. В.* Особенности социальной-трудовой адаптации выпускников-сирот на первом рабочем месте // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения: сб. науч. ст. / под ред. В. Н. Ослон, Е. В. Селениной. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2013. С. 199–206. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/childdeprivation/contents/63975> (дата обращения: 13.01.2025).

комплексное воздействие не всегда возможно. Кроме того, ряд исследований указывают, что семьям с детьми-сиротами необходима профессиональная поддержка нескольких специалистов одновременно: юристов, психологов, педагогов и т. д., что требует не только кадровых, но и финансовых затрат. Кроме того, помощь должна оказываться адресно и качественно.

Явным преимуществом ИИ для человека выступает возможность адресного, ментального оказания персонифицированной помощи. ИИ позволяет человеку обращаться к информации вне географического местоположения и экономического положения, обходиться без посредников¹. Развитый ИИ способен сэкономить ресурсы учреждений опеки и попечительства по ряду вопросов, поскольку чат-боты способны закрыть часть потребностей итоговых пользователей в плане поиска информации и даже психологической поддержки.

Создание цифровой сопроводительной платформы для профессиональной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, может служить эффективным дополнением к существующим гарантиям, предусмотренным Федеральным законом от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ (ред. от 1 июля 2024 г.) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» и Федеральным законом от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) «О занятости населения в Российской Федерации». Такая платформа способна расширить доступ к информации о доступных льготах, обеспечить персонализированное сопровождение в процессе профессиональной адаптации, предоставить онлайн-ресурсы для обучения и развития навыков, облегчить взаимодействие с потенциальными работодателями, а также обеспечить мониторинг и анализ эффективности мер поддержки.

2. Прогнозирование и профилактика социального сиротства, обработка персональных данных для повышения эффективности оказываемых социальных услуг. Оптимизация работы учреждений, непосредственно работающих с детьми-сиротами.

Технологии ИИ открывают новые возможности для прогнозирования и профилактики социального сиротства, оптимизации совершенствования систем учета и межведомственного взаимодействия в сфере защиты прав детей для избежания ошибок при получении социальных услуг.

Для осуществления обработки персональных данных детей-сирот необходимо законодательно закрепить порядок сбора, обработки и хранения персональных данных с использованием ИИ-систем, механизмы контроля за применением ИИ в данной сфере, а также этические принципы его использования, поскольку получить добровольное и осознанное согласие от ребенка в силу его возраста не всегда возможно.

Видится, что развитие анализа больших данных может помочь органам опеки и попечительства. Так, для минимизации транспортных расходов выездные проверки для контроля семей, в которых находятся дети-сироты, могут быть заменены дистанционным контролем с применением ВКС и сбором информации с применением ИИ для анализа ответов детей об условиях их нахождения в конкретной семье. Предполагается, что данная мера не должна заменить обязательные визиты органов опеки и попечительства в полном объеме, но может стать средством дополнительного или альтернативного текущим способам контроля, которая имеет свое право на закрепление в законодательстве.

Также целесообразно разработать или интегрировать в существующую систему социального обеспечения ИИ, закрепив электронные сервисы и платформы в качестве новой формы социальных услуг в ст. 20 Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Создание данных сервисов соответствует плану развития ИИ в России, названным в Указе Президента № 490.

В контексте оптимизации системы социального обеспечения детей-сирот представляется перспективным рассмотреть возможности применения технологий ИИ для повышения эффективности предоставляемых услуг. Потенциал ИИ в данной сфере заключается, прежде всего, в его способности к анализу больших объемов данных и выявлению неочевидных закономерностей. Алгоритмы машинного обучения могут

¹ Пронина А. Н., Маркова С. В., Мартынова Л. Н. Жизненные ценности и направленность личности приемных родителей, проживающих в мегаполисе и сельской местности // Педагогика и психология образования. 2020. № 4. С. 175.

быть использованы для анализа комплексной информации о детях-сиротах, включая их медицинские показатели, психологические особенности, образовательные потребности и социальные навыки. На основе этого анализа система ИИ способна прогнозировать индивидуальные потребности каждого ребенка в социальных услугах, выявлять общие тенденции для оптимизации программ помощи, а также определять факторы риска и предлагать превентивные меры поддержки, что поможет лучше реализовать принцип приоритета прав и интересов ребенка, закрепленного в Конвенции о правах ребенка и национальном законодательстве.

Одним из ключевых преимуществ применения ИИ в сфере социального обеспечения детей-сирот является возможность персонализированного подбора услуг. Используя алгоритмы машинного обучения, ИИ может формировать оптимальный набор социальных услуг для каждого конкретного ребенка-сироты, учитывая его индивидуальные особенности и потребности. Это позволит не только повысить эффективность оказываемой помощи, но и оптимизировать распределение ресурсов, что особенно актуально в условиях ограниченного финансирования. Кроме того, ИИ может быть эффективно использован для автоматизации административных процессов, таких как обработка заявок на получение услуг, ведение документации и отчетности, координация работы различных специалистов и служб. Это, в свою очередь, позволит социальным работникам уделять больше времени непосредственной работе с детьми, что является критически важным фактором в процессе социальной адаптации детей-сирот.

3. Подбор потенциальных родителей и определение формы устройства в семью.

Как отмечает ряд авторов¹ вопрос подбора приемной семьи и выбора оптимальной формы устройства ребенка-сироты представляет собой комплексную задачу, требующую учета множества факторов. Основные сложности вызывают: оценка истинной готовности потенциальных приемных родителей к воспитанию ребенка с травматичным опытом; необходимость выбора наиболее подходящей формы семейного устройства (усыновление, опека, приемная семья) с учетом возраста и особенностей развития ребенка, наличия у него братьев и сестер, возможности сохранения связей с кровными родственниками, а также ресурсов и готовности принимающей семьи; недостаток полной информации о прошлом ребенка и его психологических особенностях; риск вторичного отказа, который может нанести серьезную психологическую травму ребенку; необходимость длительного профессионального сопровождения для успешной адаптации ребенка в приемной семье². Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего совершенствование системы подготовки и отбора приемных родителей, развитие служб профессионального сопровождения, внедрение более гибких форм семейного устройства, улучшение межведомственного взаимодействия для сбора полной информации о ребенке, а также проведение дальнейших исследований для выявления факторов успешного размещения детей в семьях.

ИИ открываются новые перспективы для оптимизации процессов подбора приемных родителей и определения наиболее подходящей формы устройства детей в семью. Применение методов машинного обучения и анализа больших данных позволяет создать комплексную систему поддержки принятия решений, учитывающую множество факторов, таких как психологические характеристики потенциальных родителей и детей, социально-экономические условия, культурный контекст и специфические потребности ребенка. Интеграция ИИ в процесс семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, способствует повышению эффективности работы специалистов органов опеки и попечительства, сокращению времени на административные процедуры и, как следствие, увеличению числа успешных размещений детей в семьях.

¹ Войнова Р. И., Ульжабаева М. Н. Проблемы формирования и сопровождения замещающей семьи как формы жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Солнца свет: сайт. URL: <https://solncsvet.ru/opublikovannyye-materialyi/problemy-formirovaniya-i-soprovozhdeniya-.8609820/> (дата обращения: 13.01.2025).

² Куликова Н. И., Татаркина Ю. Н. Проблемы организации устройства в семьи детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 289.

Одним из ключевых преимуществ использования ИИ в данной сфере является возможность прогнозирования потенциальных рисков и вероятности успешной адаптации ребенка в конкретной семье. Алгоритмы ИИ, обученные на исторических данных о предыдущих случаях семейного устройства, способны выявлять неочевидные закономерности и предоставлять специалистам ценную информацию для принятия обоснованных решений. Кроме того, ИИ может быть использован для разработки персонализированных планов поддержки семей, включающих рекомендации по решению конкретных проблем, образовательные ресурсы и предложения по дополнительным услугам, что способствует повышению устойчивости семейного размещения и снижению риска возврата ребенка в систему опеки.

В рамках исследования вопросов внедрения ИИ в сферу социального обеспечения детей-сирот и населения в целом представляется важным рассмотреть возможность внесения изменений в Семейный кодекс РФ, а именно в ст. 121, по аналогии с положениями, содержащимися в ч. 6 ст. 88 Трудового кодекса РФ. Предлагаемые поправки заключаются в установлении абсолютного запрета на принятие решений, затрагивающих интересы детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных. Данная инициатива направлена на обеспечение дополнительных гарантий защиты прав и законных интересов наиболее уязвимой категории несовершеннолетних, что соответствует принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка, закрепленному в Конвенции о правах ребенка, а также обеспечит необходимый уровень человеческого контроля и экспертной оценки в процессе принятия решений, затрагивающих судьбы детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Предлагаемое изменение создаст дополнительный механизм защиты прав и законных интересов детей данной категории, позволяя при этом использовать преимущества ИИ и автоматизированных систем, сохраняя баланс между технологическим прогрессом и гуманистическими ценностями.

Необходимо обеспечить баланс между использованием преимуществ автоматизированных систем и сохранением ключевой роли человека-специалиста в принятии окончательных решений. Кроме того, особое внимание следует уделить вопросам защиты персональных данных и предотвращения возможной дискриминации при использовании алгоритмов ИИ. Разработка и внедрение таких систем должны сопровождаться постоянным мониторингом их эффективности и корректировкой на основе обратной связи от специалистов и семей, участвующих в процессе семейного устройства детей.

Стоит упомянуть успешный опыт Новосибирска с интеграцией внедрения ИИ для подбора родителей для детей-сирот. В городе разработана цифровая платформа «Все свои», которая помогает объективно анализировать данные, снижать субъективность в принятии решений и прогнозировать долгосрочные последствия, так как ИИ позволяет учитывать множество переменных характеристик как потенциальных приемных родителей, так и детей, нуждающихся в семье, что потенциально улучшает процесс подбора семей для детей-сирот, снижает риски конфликтов и неудачного размещения¹.

В заключение следует отметить, что внедрение технологий ИИ в систему поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, открывает широкие перспективы для повышения эффективности мер социальной защиты граждан данной категории. Использование ИИ может значительно улучшить процессы персонализации образовательных программ, профориентации, подбора приемных семей и форм устройства детей, а также оптимизировать работу органов опеки и попечительства.

Внедрение ИИ в эту чувствительную сферу требует тщательного правового регулирования. Необходимо законодательно закрепить порядок использования ИИ-систем, механизмы контроля за их применением и этические принципы работы с персональными данными детей-сирот. Важно обеспечить баланс между инновационными технологиями и гарантиями защиты прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей.

¹ Лаврентьева З. И. Возможности искусственного интеллекта в поиске приемных родителей для детей-сирот // Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология. 2022. Т. 5. № 3. С. 59.

Предложенные в работе меры, такие как интеграция электронных сервисов в систему социального обслуживания, использование ИИ для дистанционного контроля за условиями жизни детей в приемных семьях, а также законодательное закрепление запрета на принятие решений исключительно на основе автоматизированной обработки данных, могут стать основой для дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы в этой области.

Список литературы

Анбрехт Т. А. Цифровая трансформация систем социальной защиты в государствах-членах Евразийского экономического союза // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Т. 9. № 4 (36). С. 87–103.

Войнова Р. И., Ульябаева М. Н. Проблемы формирования и сопровождения замещающей семьи как формы жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Солнца свет: сайт. URL: <https://solncesvet.ru/opublikovannyye-materialyi/problemy-formirovaniya-i-soprovjdeniya-8609820/> (дата обращения: 13.01.2025).

Карякина Н. В. Сироты как представители категории риска в социокультурном пространстве трансформирующейся России // Альманах современной науки и образования. 2007. № 7 (7): в 2 ч. Ч. 1. С. 68–70.

Колесова А. С., Сараева О. Н. Перспективы применения искусственного интеллекта в профориентационной деятельности // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 7. С. 2475–2490.

Крюкова О. Н., Гришмановский А. С. Проблемы защиты прав детей-сирот и пути их решения // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2022. Т. 5. № 1. С. 33–39.

Куликова Н. И., Татаркина Ю. Н. Проблемы организации устройства в семье детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 288–289.

Лаврентьева З. И. Возможности искусственного интеллекта в поиске приемных родителей для детей-сирот // Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология. 2022. Т. 5. № 3. С. 56–69.

Ослон В. Н., Селенина Е. В. Особенности социально-трудовой адаптации выпускников-сирот на первом рабочем месте // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения: сб. науч. ст. / под ред. В. Н. Ослон, Е. В. Селениной. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2013. С. 199–206. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/childdeprivation/contents/63975> (дата обращения: 13.01.2025).

Пронина А. Н., Маркова С. В., Мартынова Л. Н. Жизненные ценности и направленность личности приемных родителей, проживающих в мегаполисе и сельской местности // Педагогика и психология образования. 2020. № 4. С. 170–184.

Усынина Т. П. Некоторые психолого-педагогические аспекты адаптации выпускников интернатных учреждений // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 6. С. 282–284.

Халимова Н. М., Бабицкая Е. А., Ворожцова Л. А., Назмутдинова Е. С. Выявление проблемного поля по адаптации обучающихся-сирот в условиях среднего профессионального образования // Казанский педагогический журнал. 2016. № 5 (118). С. 137–142.

Шимова Е. С., Слипченко О. А. Социальная защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник магистратуры. 2014. № 3-2 (30). С. 146–149.

Шогенова Ф. З., Ханиева З. А., Шинахова М. М. Проблема социальной адаптации выпускников детских домов // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 20. № 4. С. 286–294.

Mabri A. How Artificial Intelligence Is Changing the Game for Foster Children // Forbes.com. URL: <https://www.forbes.com/sites/allisonmabry/2019/07/02/how-artificial-intelligence-is-changing-the-game-for-foster-children/?sh=2e2f130b1465> (дата обращения: 13.01.2025).

References

Anbrecht T. A. (2023) Tsifrovaya transformatsiya sistem sotsial'noi zashchity v gosudarstvakh-chlenakh Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza [Digital transformation of social protection systems in the member states of the Eurasian Economic Union]. In *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, vol. 9, no. 4 (36), pp. 87–103.

Karyakina N. V. (2007) Siroty kak predstaviteli kategorii riska v sotsiokul'turnom prostranstve transformiruyushchey Rossii [Orphans as Representatives of the Risk Category in the Sociocultural Space of Transforming Russia]. In *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, no. 7 (7): in 2 parts, part I, pp. 68–70.

Khalimova N. M., Babitskaya E. A., Vorozhtsova L. A., Nazmutdinova E. S. (2016) Vyyavlenie problemnogo polya po adaptatsii obuchayushchikhsya-sirot v usloviyakh srednego professional'nogo obrazovaniya [Identifying the problem field for adaptation of orphan students in the conditions of secondary vocational education]. In *Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal*, no. 5 (118), pp. 137–142.

Kolesova A. S., Saraeva O. N. (2023) Perspektivy primeneniya iskusstvennogo intellekta v prof-orientatsionnoi deyatel'nosti [Prospects for the use of artificial intelligence in career guidance activities]. In *Kreativnaya ekonomika*, vol. 17, no. 7, pp. 2475–2490.

Kryukova O. N., Grishmanovsky A. S. (2022) Problemy zashchity prav detei-sirot i puti ikh resheniya [Problems of protecting the rights of orphans and ways to solve them]. In *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 5, no. 1, pp. 33–39.

Kulikova N. I., Tatarina Yu. N. (2014) Problemy organizatsii ustroistva v sem'i detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei [Problems of organizing the placement of orphans and children left without parental care into families]. In *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, no. 6 (49), pp. 288–289.

Lavrentyeva Z. I. (2022) Vozmozhnosti iskusstvennogo intellekta v poiske priemnykh roditel'ei dlya detei-sirot [Possibilities of artificial intelligence in finding adoptive parents for orphans]. In *Innovatsionnaya nauka: Psikhologiya. Pedagogika. Defektologiya*, vol. 5, no. 3, pp. 56–69.

Mabri A. (2019) How Artificial Intelligence Is Changing the Game for Foster Children. In *Forbes.com*, 2 July, available at: <https://www.forbes.com/sites/allisonmabry/2019/07/02/how-artificial-intelligence-is-changing-the-game-for-foster-children/?sh=2e2f130b1465> (accessed: 13.01.2025).

Oslon V. N., Selenina E. V. (2013) Osobennosti sotsial'no-trudovoi adaptatsii vypusnikov-sirot na pervom rabochem meste [Features of social and labor adaptation of orphan graduates at the first workplace]. In Oslon V. N., Selenina E. V. (Eds.) *Psikhicheskaya deprivatsiya detei v trudnoi zhiznnoi situatsii: obrazovatel'nye tekhnologii profilaktiki, rehabilitatsii, soprovozhdeniya: sbornik nauchnykh statei*. Moscow, GBOU VPO MGPPU, pp. 199–206, available at: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/childdeprivation/contents/63975> (accessed: 13.01.2025).

Pronina A. N., Markova S. V., Martynova L. N. (2020) Zhiznennye tsennosti i napravlennost' lichnosti priemnykh roditel'ei, prozhivayushchikh v megapolise i sel'skoi mestnosti [Life values and personality orientation of foster parents living in a metropolis and rural areas]. In *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya*, no. 4, pp. 170–184.

Shimova E. S., Slipchenko O. A. (2014) Sotsial'naya zashchita detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei [Social protection of orphans and children left without parental care]. In *Vestnik magistratury*, no. 3-2 (30), pp. 146–149.

Shogenova F. Z., Khanieva Z. A., Shinakhova M. M. (2016) Problema sotsial'noi adaptatsii vypusnikov detskikh domov [The Problem of Social Adaptation of Orphanage Graduates]. In *Gumanitarii Yuga Rossii*, vol. 20, no. 4, 2016, pp. 286–294.

Usynina T. P. (2009) Nekotorye psikhologo-pedagogicheskie aspekty adaptatsii vypusnikov internatnykh uchrezhdenii [Some psychological and pedagogical aspects of adaptation of graduates from residential institutions]. In *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, no. 6, pp. 282–284.

Voinova R. I., Ul'zhabaeva M. N. Problemy formirovaniya i soprovozhdeniya zameshchayushchei sem'i kak formy zhizneustroistva detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei [Problems of formation and support of a substitute family as a form of life arrangement for orphans and children left without parental care]. In *Solntsa svet*, available at: <https://solncesvet.ru/opublikovannyye-materialyi/problems-formirovaniya-i-soprovozhdeniya-.8609820/> (accessed: 13.01.2025).

ПРИНЦИП НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА ГОСУДАРСТВ КАК НОРМА JUS COGENS: ОСПОРИМОСТЬ ПОДХОДА А. ГЕРРЕЙРО

Кочанов Алексей Константинович

Аспирант кафедры международного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0003-9269-6243, e-mail: 338alex20004150@mail.ru.

Рассматривается один из существующих в доктрине международного права подходов к пониманию принципа невмешательства во внутренние дела государств. Автор выбрал в качестве «концентрированного и свежего образца» научного подхода к принципу невмешательства как к норме jus cogens статью авторитетного исследователя международного права А. Геррейро «Правовой статус принципа невмешательства». Данный подход рассматривается с применением методологии критического анализа, в рамках которой используются метод сравнительного анализа, формально-юридический и исторический методы исследования. Во многом подход, выраженный в статье А. Геррейро, воспринимается автором как соответствующий правовым реалиям, однако в нем обнаруживаются очевидные недочеты и направления для дополнительных исследований. В частности, обращается внимание на то, что закрепление принципа невмешательства в Уставе ООН не является абсолютным свидетельством его признания подавляющим большинством государств ввиду особенностей его истолкования и других факторов. Отмечаются трансотраслевой характер действия принципа и необходимость учета особенностей соответствующей отрасли при исследовании принципа. Делается акцент на структуре принципа невмешательства, на его производности от других принципов и норм международного права, а также на факте происхождения некоторых существующих принципов и норм из принципа невмешательства.

Ключевые слова: принцип невмешательства во внутренние дела государств, нормы jus cogens, вмешательство, принцип суверенного равенства государств, право государств на самооборону, имплементация

Для цитирования: Кочанов А. К. Принцип невмешательства во внутренние дела государств как норма jus cogens: оспоримость подхода А. Геррейро // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 6. С. 57–66. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_57.

THE PRINCIPLE OF NON-INTERVENTION IN THE INTERNAL AFFAIRS OF STATES AS A JUS COGENS NORM: THE CONTROVERSY OF A. GUERREIRO'S APPROACH

Kochanov Aleksey

Postgraduate student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0003-9269-6243, e-mail: 338alex20004150@mail.ru.

One of the approaches to understanding the principle of non-intervention in the internal affairs of states that exists in the doctrine of international law is examined. The author chose the article by the authoritative researcher of international law A. Guerreiro, «The Legal Status of the Principle of Non-Intervention», as a «concentrated and fresh example» of the scientific approach to the principle of non-intervention as a jus cogens norm. This approach is examined using the methodology of critical analysis, which uses the method of comparative analysis, formal-legal and historical research methods. In many ways, the approach expressed in A. Guerreiro's article is

perceived by the author as corresponding to legal realities; however, it reveals obvious shortcomings and directions for additional research. In particular, attention is drawn to the fact that the enshrinement of the principle of non-intervention in the UN Charter is not absolute evidence of its recognition by the overwhelming majority of states due to the peculiarities of its interpretation and other factors. The trans-sectoral nature of the principle's action and the need to take into account the peculiarities of the relevant sector when studying the principle are noted. Emphasis is placed on the structure of the principle of non-intervention, on its derivation from other principles and norms of international law, as well as on the fact that some existing principles and norms originate from the principle of non-intervention.

Key words: principle of non-intervention in the internal affairs of states, jus cogens norms, intervention, principle of sovereign equality of states, right of states to self-defense, implementation

*For citation: Kochanov A. (2024) The principle of non-intervention in the internal affairs of states as a jus cogens norm: the controversy of A. Guerreiro's approach. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 57–66, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_57.*

Сегодня вооруженные конфликты и точки международной напряженности спорадически разрастаются по всему земному шару: Украина, Албания, Новая Каледония, Нагорный Карабах, Тайвань, Корейский полуостров, Гаити, Ливия, Израиль, Сирия, – данный список можно продолжать очень долго. Поводы у этих конфликтов различные, однако причина, в сущности, одна: желание третьих государств подчинить себе волю тех или иных групп населения в целях ослабления действующей власти или изменения ее. Если надлежащим образом установить причины каждого международного или немеждународного конфликта, то неизбежным окажется вывод о том, что суть его – вмешательство во внутренние дела государств. Таким образом, суть глобальной угрозы миру и безопасности, нависшей сегодня над нашей планетой, – несоблюдение установленного и признанного международным сообществом принципа невмешательства во внутренние дела государства.

В научной доктрине сложилось множество подходов к пониманию принципа невмешательства во внутренние дела государства. В ходе данного исследования дается авторская оценка адекватности подхода А. Геррейро¹ к пониманию принципа невмешательства сложившейся в международном сообществе обстановке. Также будет рассмотрена «конкурентоспособность» данного подхода в доктрине международного права. Прежде чем рассматривать принцип невмешательства в целом, необходимо рассмотреть его структурные единицы, его составляющие.

Под актом вмешательства понимается преднамеренный акт, совершаемый государством против другого государства в целях подчинения или изменения воли последнего. Понимание воли государства является темой для самостоятельного исследования. В доктрине международного права этот институт, конечно, наиболее развит в отрасли права международных договоров², поэтому лучше применить именно его. Процесс согласования воли государств – это процесс создания норм международного права, вне зависимости от того, является ли их источником международный договор, международно-правовой обычай, акт международной организации, конференции или суда. Таким образом, воля государства – это совокупность позиций лиц, уполномоченных по национальному и международному праву³, последовательно выражаемая в процессе создания норм международного права и в итоге закрепляемая в них. Безусловно, воля государства не может сводиться к позициям отдельных лиц, однако высшие должностные лица государства представляют его властные структуры, которые сформированы обществом и функционируют с его согласия и от его име-

¹ Геррейро А. Правовой статус принципа невмешательства // Московский журнал международного права. 2022. № 1. С. 6–26.

² Тункин Г. И. Теория международного права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2016. С. 185–190. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2177734> (дата обращения: 19.10.2024).

³ Венская конвенция о праве международных договоров // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 19.10.2024).

ни. Таким образом, воля государства – это воля народа, опосредованная позициями указанных лиц.

Сам по себе акт вмешательства в международном праве оценивается неоднозначно, индивидуально в каждом случае. В связи с этим в доктрине возникли несколько точек зрения на данный институт. Одни определяют вмешательство как международное противоправное деяние, запрещенное международным правом¹, т. е. принцип невмешательства в данном случае определяется как правоохранительный. Другие рассматривают его лишь как часть этого правоохранительного принципа². Все еще распространена точка зрения, приверженцы которой говорят о праве государств на вмешательство³ или о возможности вмешательства⁴, указывая на принцип невмешательства как на процессуальную норму, определяющую основания и порядок осуществления этого права. Отдельные специалисты в сфере международного права обозначают обязанность государства осуществить вмешательство в определенных случаях⁵, т. е. называют исключения из принципа невмешательства.

Рассмотрим определение принципа невмешательства, которое дает А. Геррейро. В первую очередь он утверждает, что принципы, закрепленные в Уставе Организации Объединенных Наций, суть позиция большинства государств относительно системообразующих норм, регулирующих международные отношения. Действительно, членами ООН являются 193 государства, а Устав ООН – самый распространенный по сфере действия международный договор. Однако, к сожалению, на момент принятия Устава ООН не применялись положения Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров, в связи с чем действовавшие на тот момент обычные правила формирования и аутентификации текста договора не обеспечили абсолютную ясность относительно наиболее общих и системообразующих норм, в частности принципа невмешательства.

Признавая единую цель – обеспечение международного мира и безопасности, государства могут выбирать разные средства ее достижения. Эти средства прекрасно описаны школами международных отношений. Если страна придерживается социалистического и более левого курса, то для нее средством будет не что иное, как мировая социалистическая революция. Если страна поддерживает идеалы либерального толка, то для нее средством достижения всеобщего мира и безопасности будет развитие транснациональных корпораций, которые потянут за собой развитие всех регионов и постепенно выровняют их. Если мы остановимся на том, что предлагает международным отношениям феминизм, то поймем, что для установления мира и безопасности на планете человечеству необходимо сменить паттерн поведения с мужского на женский. Направлений достаточно много, однако суть от этого не меняется: цели общие, т. е. против всего плохого и за все хорошее, однако способы их достижения настолько существенны для их авторов, что они забывают о цели до тех пор, пока их вариант ее достижения не останется единственным возможным в пространстве мировых проектов.

А. Геррейро определяет принцип невмешательства как норму международного права, состоящую из множества других принципов и правил, закрепленных в Уставе ООН, поддерживая позицию Международного суда ООН⁶. В частности, автор в качестве составляющих принцип невмешательства во внутренние дела государства называет следующие нормы, закрепленные в Уставе ООН: ст. 2 (1) (принцип суверенно-

¹ Babic J. Foreign Armed Intervention: Between Justified Aid and Illegal Violence // Humanitarian Intervention: Moral and Philosophical Issues / ed. by A. Jokic. Peterborough, CA: Broadview Press, 2003. P. 50.

² Trindade A. A. C. International Law for Humankind. Towards a New Jus Gentium. 3rd ed. The Hague: Brill Nijhoff, 2020. P. 172.

³ Ohlin J. D. The Assault on International Law. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 214.

⁴ Tesón F. R., Vossen B. v. d. Debating Humanitarian Intervention: Should We Try to Save Strangers? Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 263. DOI: 10.1093/oso/9780190202903.001.0001.

⁵ Ruys T., Ferro L. The Enemy of My enemy: Dutch Nonlethal Assistance for 'Moderate' Syrian Rebels and the Multilevel Violation of International Law // Netherlands Yearbook of International Law 2019. 2020. № 50. P. 362. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-6265-403-7_26.

⁶ Эта позиция сформулирована в п. 202 решения от 27 июня 1986 г. по делу о военных и связанных с ними действиях в Никарагуа и против Никарагуа («Никарагуа против Соединенных Штатов Америки»). См.: International Court of Justice. Reports of Judgments, advisory opinions and orders. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 26.10.2024).

го равенства), ст. 2 (3) (принцип мирного урегулирования международных споров), ст. 2 (4) (принцип недопустимости применения или угрозы применения силы), ст. 51 (неотъемлемое право на самооборону) и непосредственно ст. 2 (7).

При определении принципа суверенного равенства государств автор берет за основу мнение одного из докладчиков Конференции ООН¹ и перечисляет основные элементы принципа: юридическое равенство государств; неограниченность права государственного суверенитета; обязанность уважать правосубъектность государств, их территориальную целостность и политическую независимость; долг государств по соблюдению обязанностей и обязательств в рамках международного правопорядка. Таким образом, основанием принципа невмешательства А. Геррейро видит суверенное равенство государств.

Нельзя не согласиться с этим утверждением, однако можно ли в действительности признать суверенное равенство всех государств? Конечно, данный принцип необходимо рассматривать как цель для всего международного сообщества. Причем эта цель не должна восприниматься буквально, ее следует видеть как юридическую фикцию, как базовую часть языка международного права. Подобно другим базовым правилам наук, принцип суверенного равенства государств может соблюдаться в одних, наиболее фундаментальных, «измерениях» международного права (международное сотрудничество и кооперация) и не соблюдаться в других (международная безопасность).

Так, в праве международных организаций нередко проводится различие между государствами-учредителями и государствами, желающими вступить в ту или иную международную организацию. На практике нетрудно обнаружить, что принцип суверенного равенства государств не соблюдается на регулярной основе, однако в неменьшем количестве случаев его соблюдение дает беспрецедентные результаты международной кооперации и сотрудничества. В результате нельзя утверждать, что данная норма является «мертвой», однако невозможно отрицать необходимость уточнения ее функционирования в других «измерениях». Это суждение справедливо и в отношении принципа невмешательства.

Второй принцип международного права, тесно переплетающийся с принципом невмешательства и совместно с ним и другими базовыми нормами образующий систему норм, регулирующих международные отношения, – принцип мирного разрешения международных споров. Здесь возникает идентичный рассмотренному выше вопрос обязательности исполнения данного принципа, который нередко используют для опровержения эффективности и целесообразности этой базовой нормы². А. Геррейро прекрасно парирует лингвистическим и логическим доводами. Первый касается обязывающего значения термина «shall», используемого в формулировке Устава ООН, и невозможности приравнять его к схожему, но неидентичному «should»³. Второй указывает на невозможность и деструктивность отказа от восприятия данного положения как принципа, поскольку статус нормы непосредственно влияет на эффективность ее исполнения, на правосознание как профессионального юридического сообщества, так и рядового правоприменителя.

Далее автор называет две связанные между собой, как причина и следствие, нормы: запрет на применение или угрозу применения силы и неотъемлемое право на самооборону. В отношении данных норм следует дать разъяснения об их соотношении с принципом невмешательства, поскольку здесь границы их применения кажутся менее очевидными, нежели для рассмотренных ранее норм.

Применение силы или угроза ее применения, безусловно, выступает формой вмешательства во внутренние дела государства, однако незаконные формы вмешательства не ограничиваются использованием силы. Дело в том, что запрет на приме-

¹ Конференция Объединенных Наций по созданию международной организации. Документы Конференции Объединенных Наций по созданию международной организации: Сан-Франциско, 1945. Лондон; Нью-Йорк: Информационные организации Объединенных Наций, 1945. Т. VI. С. 457.

² *Kriener F.* Intervention, Prohibition of // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1434?rskey=F5tAGg&result=2&prd=M> PIL (дата обращения: 27.10.2024).

³ *Öberg M. D.* The Legal Effects of Resolutions of the UN Security Council and General Assembly in the Jurisprudence of the ICJ // *European Journal of International Law*. 2005. Vol. 16. Is. 5. November. P. 880–881. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chi151>.

ние силы выделен в Уставе ООН как самостоятельный принцип в силу его особой важности в вопросах сохранения мира и безопасности. В сущности, он исходит из принципа невмешательства и является его составляющей. Это дает основания для необходимости определения структурных элементов принципа, подобных запрету на использование силы, однако данный вопрос не входит в предмет настоящей статьи и будет рассмотрен в других трудах. Некоторые государства, такие как США, рассматривали использование силы как единственное основание для противоправности вмешательства, указанные принципы, с их точки зрения, составляли единый нормативный комплекс, который невозможно применять порознь.

Такой подход был опровергнут сначала в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, 1970 г.¹, а потом и в решении Международного суда ООН 1984 г. по делу о вооруженных и связанных с ними действиях в Никарагуа и против нее. В Декларации государства отчетливо определяют принцип невмешательства в качестве самостоятельного и, как и иные принципы Устава ООН, универсально, т. е. распространяемого на государства, на тот момент еще не вступившие в ООН.

В решении по делу 1984 г. «Никарагуа против США» Международный суд, следуя практике Нюрнбергского трибунала², являющейся основой для международного правосудия в сфере сохранения мира и безопасности, указал, что одни и те же действия могут составлять объективную сторону разных противоправных деяний. В частности, поставка оружия и другие формы поддержки вооруженных банд, функционирующих на территории другого государства, выступают одновременно нарушением как запрета на применение и угрозу применения силы, так и принципа невмешательства. Этот подход последовательно подтверждался и развивался Международным судом при рассмотрении других дел, например дела о вооруженных действиях на территории Конго (2005 г.)³.

Перейдем к соотношению сфер применения принципа невмешательства и неотъемлемого права на самооборону государств. Прежде всего, разницу сфер применения определяет сам характер сравниваемых правовых норм. Норма-принцип является ориентиром для других норм и внутринормативным источником права, т. е. из нее выходит целая система норм, цель которых – исполнение этого принципа. Право же, в отличие от принципа, обладает усиленным субъективным характером, т. е. полностью привязано к субъекту и неотделимо от него. Право не направлено на правовое регулирование, оно направлено по большей части на свою реализацию управомоченным субъектом.

У неотъемлемого права на самооборону, как у любого права, есть субъект его применения, если мы говорим о праве, закрепленном в ст. 51 Устава ООН, то это исключительно государства, а также условия его применения, т. е. юридические факты, наступление которых дает возможность управомоченному субъекту реализовать свое право.

А. Геррейро рассматривает неотъемлемое право на самооборону как исключение из принципа невмешательства, разделяя при этом самооборону в рамках ст. 51 Устава ООН и обычное право на самооборону, проистекающее из неотъемлемого права на независимость. Автор указывает на отличия сфер применения первого и второго права, а после этого переходит к концепциям, распространяющим действие права на самооборону на момент, предшествующий нападению на государство, а именно «упреждающая самооборона»⁴ или «предупреждающее применение силы»⁵.

¹ Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 27.10.2024).

² Приговор Международного военного трибунала. Нюрнберг, 1 октября 1946 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163756-prigovor-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala-nyurnberg-1-oktyabrya-1946-g> (дата обращения: 27.10.2024).

³ Вооруженная деятельность на территории Конго («ДР Конго против Уганды»), существо дела, решение Международного суда ООН от 19 декабря 2005 г. См.: ICJ Reports. 2005. Par. 168. P. 165.

⁴ Wilmshurst E. The Chatham House Principles of International Law on the Use of Force in Self-Defence // International and Comparative Law Quarterly. Vol. 55. Is. 04. October 2006. P. 966.

⁵ Dinstein Yo. War, Aggression and Self-Defence. 3rd ed. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2001. P. 194–196. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164726>.

Данные научные концепции, зиждущиеся на политических подходах США и их союзников по НАТО¹ (хотя и современная Национальная стратегия обороны очень блекло отражает «бушевскую» позицию, приравнивающую террористический акт к нападению на государство), подтверждаются рядом резолюций Совета Безопасности ООН начала 2000-х гг. (№ 1368² и № 1373³). Несмотря на это, нельзя, и даже противоправно, распространять принятую в ответ на исключительные события в США позицию на все международные отношения в сфере обеспечения международного мира и безопасности. Отстаивание такого подхода противоречит принципам и нормам, закрепленным в Уставе ООН, потому такой подход должен быть отринут научной доктриной как контрпродуктивный. Обоснование вооруженного вторжения в другое государство террористическим актом, совершенным террористической организацией с территории государства-объекта нападения, в обход процедуры рассмотрения и оценки событий Советом Безопасности ООН, бесконтрольно увеличивает количество вооруженных конфликтов в мире на основании применения права самообороны, а потому деструктивен.

Наиболее правильным из возможных в рамках существующей системы международного права подходов является укрепление и увеличение объемов сотрудничества по направлению миссий ООН по поддержанию мира и безопасности в совокупности с применением невооруженных мер принуждения государства, на чьей территории функционирует террористическая организация, представляющая угрозу миру и безопасности других государств и человечества в целом. Унификация ценностей разных государств позволит наиболее сплоченно вести борьбу с негосударственными (как правило, антигосударственными) субъектами международного права.

Исследовав все косвенно связанные с принципом невмешательства нормы, принципы и права, мы можем перейти непосредственно к норме Устава ООН, запрещающей вмешательство во внутренние дела государства, а именно к ст. 2 (7). Стоит отметить, что дискуссии о значении данной нормы возникли в момент вступления в силу Устава ООН и не утихают по сей день. Отдельные игроки на международной арене стремились ограничить действие принципа невмешательства отношениями между ООН и государствами-членами, однако данный подход не пользовался поддержкой с момента его появления, хотя отдельные теоретики продолжают его отстаивать и развивать⁴. При этом как сама Организация (см. решение Международного суда ООН по делу «США против Никарагуа»), так и ведущие мыслители в сфере международного права⁵ распространяют действие данного принципа не только на отношения между Организацией и государствами-членами, но и на отношения между государствами-членами и субъектами международного права, не приобретшими статус члена Организации.

А. Геррейро не противопоставляет два названных выше подхода, а, ссылаясь на позицию Международного суда ООН по делу «США против Никарагуа», в которой устанавливается, что Устав ООН – это не единственно возможный источник закрепления принципов международного права, указывает на то, что они взаимодополняют друг друга. Видится верным полагать, что эти подходы взаимодополняют друг друга так же, как дополняют друг друга расширительное и буквальное толкование нормы права. Первое допускает второе, однако второе – не допускает первого, т. е. взаимности тут не может быть, вектор расширения международного права имеет только подход, распространяющий действие ст. 2 (7) Устава ООН на отношения между государствами-членами, а также между государствами-членами и государствами, не являющимися членами ООН.

¹ National Security Strategy, October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 30.10.2024).

² Резолюция № 1386 Совета Безопасности ООН от 12 сентября 2001 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/1619678/ (дата обращения: 30.10.2024).

³ Резолюция № 1373 Совета Безопасности ООН от 28 сентября 2001 г. URL: <https://cbr.ru/content/document/file/124035/1373.pdf> (дата обращения: 30.10.2024).

⁴ *Tladi D. The Duty Not to Intervene in Matters within Domestic Jurisdiction // The UN Friendly Relations Declaration at 50. An Assessment of the Fundamental Principles of International Law / ed. by Jorge E. Viñuales. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 87–104. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108652889.006>.*

⁵ *Brownlie I. Principles of Public International Law. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 553.*

Отстаивая данный подход, А. Геррейро оперирует латинской формулой *a minori ad maius* (от меньшего к большему), подразумевая, что Организация – большее по отношению к государствам-членам. Такие доводы противоречат классической теории субъектов международного права, где государства признаются первичными (природными) субъектами международного права, а международные организации – производными. Данный подход следует отстаивать, применяя другие доводы. Например, Международный суд ООН в решении по делу «США против Никарагуа» сначала дает обоснование тому, что право на вмешательство во внутренние дела государства, за исключением вмешательства в целях деколонизации, – это не норма общего права государств, а затем дополняет вывод тем, что общее право государств на суверенитет закрепляет и распространяет действие принципа невмешательства, выраженного, в частности, в ст. 2 (7) Устава ООН, на отношение между всеми государствами и даже негосударственными субъектами. Такой подход видится предпочтительным при обосновании сферы действия принципа невмешательства.

Далее А. Геррейро переходит к подбору нормативных оснований признания принципа невмешательства нормой *jus cogens* в истолковании Комиссии международного права¹. Ученый приводит внушительный ряд актов, которые, с его точки зрения, подтверждают гипотезу о том, что принцип невмешательства отражает и защищает основополагающие ценности международного сообщества; занимает превалирующее над иными нормами международного права положение; является универсально применимой нормой; относится к нормам общего международного права, а также соблюдается и признается международным сообществом государств в целом; отражается в практике государств.

Рассмотрим нормы, на которых базируются выводы А. Геррейро.

1. Практика Международного суда ООН: данную базу стоит охарактеризовать как рекомендательную и добровольную, поскольку подсудность этого органа международного правосудия² исключает возможность распространения его обязательных решений на большое число государств. Таким образом, практика Международного суда ООН отражает лишь малую часть действительности международных отношений, касающуюся поведения государств в тех сферах, где их позиция по вопросу кажется им наиболее юридически обоснованной и соответствующей международному праву, в отличие от позиции их процессуального оппонента:

а) дело о проливе Корфу («Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии против Албании»): в нем отражается подход, согласно которому неотъемлемое право на вмешательство выступает проявлением антиправовой политики силы, противоречащей принципу неприкосновенности территориального суверенитета³;

б) вооруженная и связанная с ней деятельность США в Никарагуа и против нее («США против Никарагуа»): в решении определяются истоки принципа невмешательства, принцип суверенного равенства государств и его обычно-правовой характер;

в) вооруженная деятельность на территории Демократической Республики Конго («Демократическая Республика Конго против Уганды»): в нем наиболее четко устанавливается и обосновывается запрет на поддержку внутренней оппозиции в другом государстве, независимо от методов такой поддержки⁴.

2. Высшие нормативные правовые акты государств-членов ООН. Автор исследует нормы, закрепленные в национальных конституциях, прямо или косвенно отражающие обязательность принципа невмешательства во внутренние дела государств.

¹ Пункт 375 доклада исследовательской группы Комиссии международного права «Фрагментация международного права: трудности, возникающие в результате диверсификации и расширения международного права». Полный текст доклада на английском языке см.: URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_l682.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

² Устав Международного суда ООН // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/iccj/statut.shtml> (дата обращения: 10.11.2024).

³ Дело о проливе Корфу («Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии против Албании»). Решение Международного суда ООН от 9 апреля 1949 г. С. 34–35. См.: URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/1/001-19490409-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).

⁴ Пункт 164 решения Международного суда ООН от 19 декабря 2005 г. по делу о вооруженных действиях на территории Конго («Демократическая Республика Конго против Уганды»). См.: URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/116/116-20051219-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).

Прежде всего, стоит заметить, что конституции признаются высшими нормативными правовыми актами далеко не во всех государствах-членах ООН. Так, мусульманские правовые системы ставят выше правовых норм любого уровня религиозные догматы и обычаи. Кроме того, в каждом случае необходимо удостовериться, что обеспечено прямое действие конституционных норм, т. е. норма является на самом деле действующей, а не просто декларируемой. Важно установить, что принцип невмешательства имплементирован в систему внутреннего законодательства государств-членов. Сама попытка установить всеобщее признание обязательности нормы международного права через ее закрепление или даже имплементацию во внутригосударственные системы права не может иметь самостоятельной исследовательской ценности. Как минимум, потому, что любая действительная, а не мнимая, имплементация норм международного права принципиального характера в итоге выражается в установлении соответствующих международно-правовых норм вследствие изменения паттернов внешней политики. Таким образом, хотя ссылки на отдельные нормы конституций и свидетельствуют о признании государствами принципа невмешательства, однако по ним нельзя с уверенностью определить истинность волеизъявления государств. В данном направлении необходимо проводить самостоятельное исследование, результаты которого, можно с уверенностью это сказать, уменьшат число государств, «на деле» признающих принцип невмешательства.

3. Нормы международных договоров:

а) Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.¹: по нему А. Геррейро выделяет положения о сфере действия принципа невмешательства. Государства-участники Совещания определили ограничение принципа невмешательства применением силы (ст. 1а (VI)). Формулировка нормы оставила правовой и лингвистической доктрине место для дискуссий. Первая касается объема термина «сила»: входит ли в него мягкая сила или же авторы ограничивались применением традиционных для того времени паттернов грубой силы. Во второй, также важной для юридического исследования, речь идет об однозначности термина «вмешательство» при его переводе на разные языки. Так, английские «interference» и «intervention» признаются многими авторами синонимами, однако данные положения являются предметом отдельного исследования, выходящего за рамки права;

б) Учредительный акт Африканского Союза²: здесь государства не просто определили невмешательство (ст. 4g), но и отделили невмешательство от «интервенции» (смежного с ним института);

в) Устав Организации американских государств (далее – ОАГ)³: позиция государств-членов этого документа относительно разграничения вмешательства и интервенции и их запрещения совпадает с позицией стран Африканского Союза (ст. 3е и 19);

г) Устав Организации государств Юго-Восточной Азии⁴: принцип невмешательства рассматривается в соответствии с подходом ОАГ;

д) Устав Организации Исламская конференция⁵: принцип невмешательства трактуется аналогично Уставу ОАГ;

е) Хартия Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии⁶: принцип невмешательства лишь упоминается, его содержание не раскрывается;

ж) Пакт Лиги арабских государств⁷: принцип невмешательства не назван, однако закреплены принципы международного права, из которых он исходит (суверенное равенство, независимость государств);

¹ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. См.: Официальный сайт СБСЕ. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

² Учредительный акт Африканского Союза // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901880996> (дата обращения: 10.11.2024).

³ Устав Организации американских государств // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902051> (дата обращения: 10.11.2024).

⁴ The ASEAN Charter. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).

⁵ Устав Организации Исламская конференция. URL: <https://e-islam.kz/ru/qazaqstandagy-islam/vnutrennie-kategorii/aza-stan-islam-leminde/islam-yntyama-tasty-jymy-iy/item/371-eislam/> (дата обращения: 10.11.2024).

⁶ Charter of the South Asian Association for Regional Cooperation. URL: <https://www.saarc-sec.org/index.php/about-saarc/saarc-charter> (дата обращения: 16.11.2024).

⁷ The Charter of the League of Arab States. URL: <http://www.leagueofarabstates.net/en/aboutlas/Pages/Charter.aspx> (дата обращения: 18.11.2024).

з) Договор о Европейском союзе¹: здесь важно обратить внимание на регламентацию процедур вмешательства Европейского союза в дела государств, бывшие внутренними до заключения Договора;

и) иные отраслевые и институциональные международные договоры².

Перейдем к подведению итогов критического анализа подхода А. Геррейро.

Во-первых, закрепление принципа невмешательства в Уставе ООН нельзя расценивать как абсолютное свидетельство его признания подавляющим большинством государств.

Во-вторых, принцип невмешательства действует во всех отраслях международного права и действует с разной степенью эффективности, в связи с этим необходимо конкретизировать применение принципа невмешательства по отраслям международного права: где он является обычной нормой, где нормой *jus cogens*, а где договорной нормой и т. д.

В-третьих, принцип невмешательства включает в себя множество институтов, часть из которых, подобно запрету применения или угрозы применения силы, становятся с течением времени самостоятельными принципами, сохранившими связь с принципом невмешательства.

В-четвертых, подход к праву на самооборону как к исключению из принципа невмешательства контрпродуктивен, R2P следует рассматривать именно как право в рамках существующей системы норм права международной безопасности.

В-пятых, взаимодействие существующих подходов понимания сферы действия принципа невмешательства по субъектам (буквальный и расширительный) нельзя охарактеризовать как взаимодополнение, так как лишь второй дополняет первый.

В-шестых, при подборе правовых оснований для признания принципа невмешательства нормой *jus cogens* необходимо брать за «камертон» не факты существования норм международного и национального права, отражающие закрепление принципа невмешательства в соответствующих отношениях, а именно механизмы имплементации нормы Устава ООН в соответствующие процессы внутригосударственной и международной деятельности.

Таким образом, подход к пониманию принципа невмешательства, которого придерживается А. Геррейро, может быть усовершенствован и развит посредством переосмысления указанных выше вопросов. По каждой из приведенных в предыдущих абзацах тем возможно провести самостоятельное исследование, и не одно. Критический анализ позволяет нам дополнять существующие в научной доктрине взгляды на правовые явления, и данная работа это подтверждает.

Список литературы

Геррейро А. Правовой статус принципа невмешательства // Московский журнал международного права. 2022. № 1. С. 6–26.

Тункин Г. И. Теория международного права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2016. 416 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2177734> (дата обращения: 19.10.2024).

Babic J. Foreign Armed Intervention: Between Justified Aid and Illegal Violence // Humanitarian Intervention: Moral and Philosophical Issues / ed. by A. Jokic. Peterborough, CA: Broadview Press, 2003. P. 45–70.

Brownlie I. Principles of Public International Law. Oxford: Clarendon Press, 1990. 748 p.

Dinstein Yo. War, Aggression and Self-Defence. 3rd ed. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2001. 332 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164726>.

Jamnejad M., Wood M. The Principle of Non-intervention // Leiden Journal of International Law. 2009. Vol. 22. Is. 2. P. 345–381. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0922156509005858>.

Kriener F. Intervention, Prohibition of // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1434?rskey=F5tAGg&result=2&prd=MPIL> (дата обращения: 27.10.2024).

Öberg M. D. The Legal Effects of Resolutions of the UN Security Council and General Assembly in the Jurisprudence of the ICJ // European Journal of International Law. 2005. Vol. 16. Is. 5. November. P. 879–906. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chi151>.

Ohlin J. D. The Assault on International Law. Oxford: Oxford University Press, 2015. 304 p.

¹ Договор о Европейском союзе. URL: <https://eulaw.ru/treaties/teu/> (дата обращения: 18.11.2024).

² Jamnejad M., Wood M. The Principle of Non-intervention // Leiden Journal of International Law. 2009. Vol. 22. Is. 2. P. 345–381. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0922156509005858>.

Ruys T., Ferro L. The Enemy of My enemy: Dutch Nonlethal Assistance for 'Moderate' Syrian Rebels and the Multilevel Violation of International Law // *Netherlands Yearbook of International Law* 2019. No. 50. P. 333–376. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-6265-403-7_26.

Tesón F. R., Vossen B. v. d. Debating Humanitarian Intervention: Should We Try to Save Strangers? Oxford: Oxford University Press, 2017. 288 p. DOI: 10.1093/oso/9780190202903.001.0001.

Tladi D. The Duty Not to Intervene in Matters within Domestic Jurisdiction // *The UN Friendly Relations Declaration at 50. An Assessment of the Fundamental Principles of International Law* / ed. by J. E. Viñuales. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 87–104. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108652889.006>.

Trindade A. A. C. *International Law for Humankind. Towards a New Jus Gentium*. 3rd ed. The Hague: Brill Nijhoff, 2020. 770 p.

Wilmshurst E. The Chatham House Principles of International Law on the Use of Force in Self-Defence // *International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 55. Is. 04. October 2006. P. 963–972.

References

Babic J. (2003) Foreign Armed Intervention: Between Justified Aid and Illegal Violence. In Jokic A. (Ed.) *Humanitarian Intervention: Moral and Philosophical Issues*. Peterborough, CA, Broadview Press, pp. 45–70.

Brownlie I. (1990) *Principles of Public International Law*. Oxford, Clarendon Press, 748 p.

Dinstein Yo. (2001) *War, Aggression and Self-Defence*, 3rd ed. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 332 p., DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164726>.

Guerreiro A. (2022) Pravovoi status printsipa nevmeshatel'stva [The legal status of the principle of non-intervention]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 1, pp. 6–26, DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-1-6-26>.

Jamnejad M., Wood M. (2009) The Principle of Non-intervention. In *Leiden Journal of International Law*, vol. 22, is. 2, pp. 345–381, DOI: <https://doi.org/10.1017/S0922156509005858>.

Kriener F. (2008) Intervention, Prohibition of. In *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*, available at: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1434?rskey=F5tAGg&result=2&prd=MPIL> (accessed: 27.10.2024).

Öberg M. D. (2005) The Legal Effects of Resolutions of the UN Security Council and General Assembly in the Jurisprudence of the ICJ. In *European Journal of International Law*, vol. 16, is. 5, November, pp. 879–906, DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chi151>.

Ohlin J. D. (2015) *The Assault on International Law*. Oxford, Oxford University Press, 304 p.

Ruys T., Ferro L. (2020) The Enemy of My enemy: Dutch Nonlethal Assistance for 'Moderate' Syrian Rebels and the Multilevel Violation of International Law. In *Netherlands Yearbook of International Law* 2019, no. 50, pp. 333–376, DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-6265-403-7_26.

Tesón F. R., Vossen B. v. d. (2017) *Debating Humanitarian Intervention: Should We Try to Save Strangers?* Oxford, Oxford University Press, 288 p., DOI: 10.1093/oso/9780190202903.001.0001.

Tladi D. (2020) The Duty Not to Intervene in Matters within Domestic Jurisdiction. In Viñuales J. E. (Ed.) *The UN Friendly Relations Declaration at 50. An Assessment of the Fundamental Principles of International Law*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 87–104, DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108652889.006>.

Trindade A. A. C. (2020) *International Law for Humankind. Towards a New Jus Gentium*, 3rd ed. The Hague, Brill Nijhoff, 770 p.

Tunkin G. I. (2016) *Teoriya mezhdunarodnogo prava* [Theory of international law]. Moscow, IKD «Zertsalo-M», 416 p. Available at: <https://znanium.ru/catalog/product/2177734> (accessed: 19.10.2024).

Wilmshurst E. (2006) The Chatham House Principles of International Law on the Use of Force in Self-Defence. In *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 55, is. 04, October, pp. 963–972.

ЦИФРОВОЙ НОТАРИАТ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Кряжевских Ксения Александровна

Студент Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0003-1450-8200, e-mail: zvezda5361@mail.ru.

Целью работы является анализ тенденций развития цифрового нотариата в России. Рассматривается опыт России и зарубежных стран в области дистанционного осуществления нотариального удостоверения сделок. Автор приходит к выводу о принципиальной возможности внедрения дистанционного способа удостоверения сделок без необходимости личного присутствия в нотариальной конторе с учетом опыта Латвии, Эстонии, Германии и США, что позволит минимизировать временные и денежные издержки, так как в настоящее время в России при таком способе удостоверения сделки необходимо оплатить услуги обоих нотариусов. Вместе с тем дистанционный способ удостоверения сделок должен быть лишь дополнительной (опциональной) возможностью, а не обязанностью граждан. Наряду с этим рассматривается возможность внедрения в нотариальную деятельность технологии блокчейн. Автор выделяет как положительные, так и негативные моменты введения блокчейн-системы для российского нотариата. По результатам анализа преимуществ и недостатков сделан вывод о том, что блокчейн-технология может быть интегрирована в повседневную работу нотариусов при условии сохранения того же уровня предоставляемых гражданам юридических услуг и определения конкретного перечня сделок.

Ключевые слова: нотариат, цифровой нотариат, нотариус, дистанционное удостоверение сделки, блокчейн

Для цитирования: Кряжевских К. А. Цифровой нотариат в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 6. С. 67–73. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_67.

DIGITAL NOTARY IN RUSSIA AND OTHER JURISDICTIONS: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Kryazhevskikh Ksenia

Student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0003-1450-8200, e-mail: zvezda5361@mail.ru.

The purpose of the work is to analyze the trends in the development of the digital notary in Russia. This article examines the experience of Russia and foreign countries in the field of remote notarization of transactions. The author comes to the conclusion that it is fundamentally possible to introduce a remote method of certifying transactions without the need for personal presence in a notary office, taking into account the experience of Latvia, Estonia, Germany and the USA, which will minimize time and money costs, since currently in Russia with this method of certifying a transaction, it is necessary to pay for the services of both notaries. At the same time, the remote way of certifying transactions should be only an additional (optional) opportunity, and not an obligation of citizens. Along with this, the possibility of introducing blockchain technology into notary activities is being considered. The author highlights both positive and negative aspects of the introduction of the blockchain system into the activities of the Russian notary. Based on the results of the analysis of advantages and disadvantages, it was concluded that blockchain technology can be integrated into the daily work of notaries, provided that the same level of legal services provided to citizens is maintained and a specific list of transactions is determined.

Key words: notary, digital notary, notary office, remote transaction certification, blockchain

*For citation: Kryazhevskikh K. (2024) Digital notary in Russia and other jurisdictions: comparative legal analysis. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 6, pp. 67–73, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_67.*

Институт нотариата играет ключевую роль в регулировании гражданских правоотношений, обеспечивая защиту прав и законных интересов граждан. В частности, нотариус выступает в качестве гаранта квалифицированной юридической помощи, тем самым реализуя положения ст. 48 Конституции России, предоставляющей каждому право на ее получение. При этом, как и во всех остальных юридических профессиях, нотариат сталкивается с процессами цифрового развития, что полностью отвечает запросам общества в предоставлении доступных юридических услуг. По мнению В. В. Яркова, «современная модель развития российского нотариата – это развитие модели активного нотариата, которая ставит нотариуса в центр гражданского оборота и наделяет его полномочиями для оказания квалифицированной юридической помощи комплексного характера»¹.

Сегодня цифровой нотариат является неотъемлемой составляющей юридической практики. Он включает в себя все технологии, обеспечивающие юридическую поддержку сделок и соглашений в электронном формате. В свете постоянно растущего онлайн-бизнеса спрос на услуги цифрового нотариата неуклонно растет.

Российский цифровой нотариат стал активно развиваться с 2014 г., когда была создана система публичных реестров, а также введена Единая информационная система нотариата. Зарубежные страны более планомерно и продолжительно подходили к внедрению цифровых технологий в деятельность нотариата. С одной стороны, как верно отмечается исследователями, более ограниченное время цифровизации российского нотариата, в отличие от зарубежных стран, не делает его менее эффективным и рациональным². С другой стороны, стоит признать, что в целом процесс внедрения цифровых технологий в российскую нотариальную деятельность все еще достаточно медленный и уступает уровню, достигнутому в зарубежных странах.

Предоставление нотариальных услуг удаленно и дистанционно в России стало возможным с 29 декабря 2020 г.³ Сущность удаленного формата работы заключается в том, что отдельные нотариальные действия, перечень которых строго определен законом, могут предоставляться без личной явки к нотариусу, а именно путем направления заявления о совершении нотариального действия удаленно. Дистанционный формат предполагается при невозможности сторон обратиться к одному нотариусу. Для удостоверения сделки стороны лично обращаются к двум разным нотариусам для установления между ними видеосвязи. Нотариусы – таким же образом, как и при обычном удостоверении сделки, – проводят весь необходимый комплекс действий для проверки законности соглашения.

В условиях невозможности граждан обратиться за нотариальной услугой лично цифровизация и предоставление нотариальных услуг удаленно способствуют реализации принципа активного содействия нотариусами в осуществлении прав и интересов граждан и организаций. При этом в России сохраняются случаи строгой нотариальной компетенции, закрепленные в ст. 40 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате⁴. Переход в цифровой формат значительно расширит воз-

¹ Ярков В. В. От бюрократического к активному нотариату (актуальные проблемы нотариального права) // Нотариат, государственное и гражданское общество: современное состояние и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (15–16 февраля 2007 г., г. Москва). М.: ФРПК, 2007. С. 110.

² Кочкина О. В., Тябина Ю. А. Зарубежный опыт становления и функционирования электронного нотариата // Нотариус. 2020. № 5. С. 44. DOI: 10.18572/1813-1204-2020-5-42-44.

³ Приказ Минюста России от 30 сентября 2020 г. № 232 (ред. от 14 декабря 2022 г.) «Об утверждении Порядка направления заявления о совершении нотариального действия удаленно, совершения оплаты нотариального действия, в том числе с использованием электронных средств платежа, возврата заявителю суммы платежа за совершение нотариального действия удаленно, а также взаимодействия заявителя или его представителя, обратившихся за совершением нотариального действия удаленно, и нотариуса».

⁴ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. (ред. от 8 августа 2024 г.).

возможности нотариуса по совершению таких нотариальных действий, и многие граждане, лишённые возможности в короткие сроки лично прийти к нотариусу, могут получить нотариальную услугу в электронном формате. Это, бесспорно, позволяет нотариусам существенно сократить время выполнения нотариальных действий¹.

В этом контексте примечателен опыт Прибалтики. Дистанционное осуществление нотариальных удостоверений сделок в Латвии стало возможным с 1 июля 2018 г., в Эстонии – с 30 января 2019 г., в том числе для тех граждан, которые находятся за рубежом. Стоит отметить, что видеоконференция происходит через сеть Интернет по защищенным каналам связи, для чего пребывать в нотариальной конторе не требуется². Исключения составляют случаи, когда лицо находится за пределами своего государства: на этот случай законодательство Эстонии предусматривает необходимость обращения в посольство³.

В Германии с 1 августа 2022 г. нотариальные процедуры в области корпоративного права стали возможны полностью онлайн. Так, можно учредить компании в организационно-правовых формах «GmbH» и «Unternehmergeellschaft» без личного посещения нотариуса с помощью портала видеоконференций Федеральной нотариальной палаты Германии⁴. При этом участники процесса онлайн-заверения могут находиться за пределами Германии. Новый закон устанавливает строгие требования, которые гарантируют безопасность нотариальных процедур. Для удостоверения личности нотариус использует электронные удостоверения личности (eID), а вместо подписи на бумажном носителе – постоянно проверяемые квалифицированные электронные подписи⁵.

Дистанционное нотариальное удостоверение сделок предусмотрено и во многих штатах США. Например, законодательство штата Мичиган предусматривает, что любое нотариальное действие может быть совершено нотариусом с использованием двусторонней аудиовизуальной технологии в режиме реального времени при соблюдении определенных условий⁶. В частности, технология должна обеспечивать аудио- и видеозапись всего нотариального действия, которая будет сохранена в качестве нотариальной записи. При этом официальной датой и временем нотариального заверения являются дата и время, когда нотариус засвидетельствует подпись с помощью двусторонней аудиовизуальной технологии в режиме реального времени.

Отдельное внимание в зарубежных странах уделяется особенностям идентификации лица при совершении дистанционной сделки и подписании электронного документа. В этом контексте Франция рассматривается учеными в качестве страны с передовым электронным нотариатом. Пресс-секретарь Бюро Высшего совета нотариата Франции Б. Вьен в рамках своего выступления на II Центрально-Азиатской международной нотариальной конференции «Современные вызовы и развитие нотариата в условиях новой реальности» отметил, что Францию можно отнести к консервативным странам, даже несмотря на то, что с 2005 г. любой аутентичный нотариальный акт может быть составлен как в бумажном, так и в электронном виде⁷. Связано это с тем, что при совершении нотариальных действий ключевую роль играет именно

¹ Гулевич И. В., Власенко В. С. Процесс цифровизации в нотариальной практике: современные тенденции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 1. С. 234.

² Бегичев А. В. Электронный нотариат в странах Балтии: новации удостоверения сделок // Нотариус. 2022. № 2. С. 43. DOI: 10.18572/1813-1204-2022-2-42-44.

³ Закон от 13 февраля 2019 г. № 387 «О внесении изменений в закон о доказательствах и в другие законы» (Seadus 13 veebruar 2019 № 387 «Tõestamiseseaduse muutmise ja sellega seonduvalt teiste seaduste muutmise seadus»). URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/122022019002> (дата обращения: 08.09.2024).

⁴ Gesetzzur Ergänzung der Regelungen zur Umsetzung der Digitalisierungsrichtlinie. 22 Juni 2022 // Deutscher Bundestag: Offizielle Website. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/023/2002391.pdf> (дата обращения: 08.09.2024).

⁵ Koos S. The Digitization of Notarial Tasks – A Comparative Overview and Outlook of ‘Cyber Notary’ in Indonesia and Germany // The Indonesian Journal of Socio-Legal Studies. 2023. Vol. 2. № 2. P. 1. DOI: 10.54828/ijsls.2023v2n2.1.

⁶ Biemans J. W. A. Will Requirements for Last Wills Remain as They Are? The Physical Presence Requirement of Witnesses and Notaries in the Light of the COVID-19 Interim Measures and the EU Freedom of (Notarial) Services // Utrecht Law Review. 2021. Vol. 17. № 3. P. 51. DOI: 10.36633/ulr.650.

⁷ Лексакова Е. О. Дистанционные сделки в современном нотариате: зарубежный и отечественный опыт // Нотариус. 2022. № 8. С. 9. DOI: 10.18572/1813-1204-2022-8-8-13.

нотариус как лицо, ответственное за законность, безопасность и надежность сделки. Например, в ст. 1316 Гражданского кодекса Франции содержится положение о том, что документ в электронной форме будет доказательством только при условии, что лицо, которое предоставило его, может быть надлежащим образом идентифицировано¹.

Анализ опыта зарубежных стран позволяет заключить, что комплексное внедрение дистанционного удостоверения сделок без необходимости личного присутствия сторон в нотариальной конторе путем использования защищенных каналов связи возможно и в российском нотариате. Это позволило бы минимизировать временные и денежные затраты, поскольку на данный момент при дистанционном удостоверении сделки необходимо оплатить услуги обоих нотариусов. Представляется, что данное нововведение отвечало бы принципу клиентоориентированного нотариата, нацеленного на предоставление доступной правовой помощи гражданам. Как справедливо указывает К. А. Корсик, внедрение цифровых технологий в деятельность нотариусов не должно повлечь снижения уровня защиты участников гражданского оборота². В этом аспекте дистанционное нотариальное удостоверение с помощью видео-конференц-связи должно быть дополнительной (опциональной) возможностью для граждан, но никак не их обязанностью.

Актуальным вопросом цифровизации деятельности нотариата является также возможность введения блокчейн-технологий. В свете этой проблемы возникает необходимость изучить позитивный и негативный опыт зарубежных стран по применению блокчейн-технологии в нотариальной деятельности. Как известно, такая технология позволяет сохранять информацию, используя распределенную базу данных, которая становится доступной всем участникам, что исключает возможность изменения или подделки данных, операций и документов³. Одно из ключевых преимуществ этой технологии – возможность создания электронных документов и подтверждения правоустанавливающих действий на основе публичной базы данных, что можно считать существенным улучшением для нотариата.

Однако, несмотря на многие преимущества, внедрение технологии блокчейн стало трудной задачей для многих стран, которые продолжают проводить исследования для выявления особенностей этой системы. Так, в Бразилии исследователи приходят к выводу о возможности внедрения технологии блокчейн в нотариальную деятельность с оговоркой о необходимости идентификации лица при проведении нотариального удостоверения сделки⁴.

В Японии нотариусы выполняют работу вручную, в том случае, если будет заменена часть этой работы, количество времени на предоставление нотариальной услуги сократится. Японскими исследователями предлагается внедрить автоматическую систему нотариального заверения с фиксированной датой, которая не потребует участия государственного нотариуса⁵. Такая система была внедрена, продемонстрирована возможность осуществления данного метода с использованием карточки с индивидуальным номером (eID) и блокчейн *Ethereum*⁶.

В качестве альтернативы зарубежными странами также рассматривается возможность разработки приложения для мобильных устройств, что избавит от необходимости создания веб-сервера. Например, в Азербайджане разработано и успешно функционирует с 2020 г. приложение для телефона «Мобильный нотариат», которое доступно для бесплатной загрузки в AppStore и Google Play⁷.

¹ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона), принят 21 марта 1804 г.

² Корсик К. А. Некоторые аспекты правозащитной функции нотариата // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1 (138). С. 245. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-1-238-245.

³ Михайлов С. В., Пономарева Н. В., Прудникова Л. Б. Блокчейн в современном правоприменении // Философия права. 2019. № 1 (88). С. 61.

⁴ Menezes L., Araújo L. V., Nishijima M. Blockchain and smart contract architecture for notaries services under civil law: a Brazilian experience // International Journal of Information Security. 2023. Vol. 22. P. 872–873. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10207-023-00673-3>.

⁵ Haga S., Omote K. Blockchain-Based Autonomous Notarization System Using National eID Card // IEEE Access. 2022. Vol. 10. P. 87477–87489. DOI: 10.1109/ACCESS.2022.3199744.

⁶ Ibid.

⁷ Довериться можно и онлайн: Азербайджан внедряет новую услугу в период карантина // Sputnik Азербайджан. 2020. 8 апр. URL: <https://az.sputniknews.ru/20200408/mobilnyj-notariat-karantin-423602567.html> (дата обращения: 08.09.2024).

Одним из наиболее интересных примеров является применение технологии блокчейн в Эстонии¹. Дело в том, что именно эта страна первой запустила блокчейн-программу для надежного сохранения электронных документов. С помощью этой технологии нотариальные процедуры стали более быстрыми, прозрачными и безопасными. Кроме того, блокчейн позволяет исключить возможность подделки документов и устранить риски потери информации.

Вместе с тем такой вариант организации нотариального дела также порождает ряд проблем, связанных с высокой степенью риска. Не секрет, что блокчейн-технологии требуют дополнительных усилий и ресурсов по разработке и поддержанию информационных приложений. Уже на данный момент анализируются и изучаются различные способы предотвращения сбоев в нотариальных механизмах при использовании технологии блокчейн, например использование механизма перекрестной цепочки².

Повсеместная цифровизация, разумеется, не гарантирует абсолютную безопасность и сохранность персональных данных при совершении нотариальных действий и, как следствие, защиту права на неприкосновенность частной жизни участников гражданского оборота. В случае несанкционированного доступа к системам, используемым при совершении нотариальных процедур, все персональные данные граждан могут быть похищены и использованы в незаконных целях. С учетом этого следует отметить, что действие столь важного принципа нотариальной деятельности, как принцип обеспечения тайны нотариального производства, существенно подрывается под воздействием цифровой трансформации общества. Для обеспечения стабильного действия данного принципа необходимо организовать на высоком уровне систему обеспечения информационной безопасности³.

Наконец, очевидно, что блокчейн-технологии не способны заменить все функции, выполняемые нотариусами. При удостоверении сделки нотариусы проверяют дееспособность граждан и корректность их волеизъявления на заключение сделки. Кроме того, возникают вопросы и с идентификацией личности граждан при совершении нотариальных услуг полностью в электронном формате. В случае полномасштабного внедрения технологии блокчейн есть риск, что граждане могут быть лишены того уровня прав, который был бы гарантирован при удостоверении сделки нотариусом, что вступает в противоречие с принципом содействия нотариусами осуществлению прав и интересов граждан и организаций. К тому же многие участники гражданского оборота не готовы к полному переходу в цифровой формат для удостоверения своих сделок и потому, что это не соответствует принципу непосредственности при совершении нотариальных действий, поскольку нотариус будет лишен возможности лично присутствовать при совершении нотариальных действий.

Безусловно, технологии искусственного интеллекта и блокчейна еще долго (хотя, возможно, и вовсе никогда) не заменят нотариусов, поскольку они осуществляют, прежде всего, юрисдикционную деятельность, которая требует правового анализа в каждом конкретном случае. Между тем технология блокчейна может быть интегрирована в повседневную работу нотариусов как вспомогательный инструмент для оптимизации нотариальных услуг. Внедрение технологии блокчейн в российский нотариат может принести много пользы, но требует тщательной разработки.

Опыт России и зарубежных стран показывает, что внедрение цифровых технологий в нотариат значительно упрощает и ускоряет процессы нотариальной деятельности. Трудно спорить с тем, что цифровой нотариат имеет огромный потенциал для дальнейшего развития благодаря разработке новых технологий и росту онлайн-бизнеса. Цифровой нотариат – важный шаг в развитии современной юридической практики, он, несомненно, будет продолжать расширять свои возможности, подстраиваясь под потребности рынка.

¹ Sullivan C., Burger E. E-residency and blockchain // Computer law & security review. 2017. Vol. 33. № 4. P. 470.

² Xiong A., Liu G., Zhu Q., Jing A., Seng W. L. A notary group-based cross-chain mechanism // Digital Communications and Networks. 2022. Vol. 8. № 4. P. 1059. DOI: 10.1016/j.dcan.2022.04.012.

³ Корсик К. А., Парфенчикова А. А. Трансформация российского нотариата в новых экономических условиях // Государственная служба. 2020. Т. 22. № 1 (123). С. 94.

Список литературы

Беги́чев А. В. Электронный нотариат в странах Балтии: новации удостоверения сделок // *Нотариус*. 2022. № 2. С. 42–44. DOI: 10.18572/1813-1204-2022-2-42-44.

Гулеви́ч И. В., Власе́нко В. С. Процесс цифровизации в нотариальной практике: современные тенденции // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2022. Т. 8. № 1. С. 234–237.

Корси́к К. А. Некоторые аспекты правозащитной функции нотариата // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2021. № 1 (138). С. 238–245. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-1-238-245.

Корси́к К. А., Парфе́нчикова А. А. Трансформация российского нотариата в новых экономических условиях // *Государственная служба*. 2020. Т. 22. № 1 (123). С. 92–97.

Кочкина О. В., Тябина Ю. А. Зарубежный опыт становления и функционирования электронного нотариата // *Нотариус*. 2020. № 5. С. 42–44. DOI: 10.18572/1813-1204-2020-5-42-44.

Лекса́кова Е. О. Дистанционные сделки в современном нотариате: зарубежный и отечественный опыт // *Нотариус*. 2022. № 8. С. 8–13. DOI: 10.18572/1813-1204-2022-8-8-13.

Миха́йлов С. В., Понома́рева Н. В., Прудни́кова Л. Б. Блокчейн в современном правоприменении // *Философия права*. 2019. № 1 (88). С. 60–64.

Ярков В. В. От бюрократического к активному нотариату (актуальные проблемы нотариального права) // *Нотариат, государственное и гражданское общество: современное состояние и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (15–16 февраля 2007 г., г. Москва)*. М.: ФРПК, 2007. С. 109–116.

Biemans J. W. A. Will Requirements for Last Wills Remain as They Are? The Physical Presence Requirement of Witnesses and Notaries in the Light of the COVID-19 Interim Measures and the EU Freedom of (Notarial) Services // *Utrecht Law Review*. 2021. Vol. 17. P. 51–64. DOI: 10.36633/ulr.650.

Haga S., Omote K. Blockchain-Based Autonomous Notarization System Using National eID Card // *IEEE Access*. 2022. Vol. 10. P. 87477–87489. DOI: 10.1109/ACCESS.2022.3199744.

Koos S. The Digitization of Notarial Tasks – A Comparative Overview and Outlook of ‘Cyber Notary’ in Indonesia and Germany // *The Indonesian Journal of Socio-Legal Studies*. 2023. Vol. 2. № 2. P. 1–26. DOI: 10.54828/ijsls.2023v2n2.1.

Menezes L., Araújo L. V., Nishijima M. Blockchain and smart contract architecture for notaries services under civil law: a Brazilian experience // *International Journal of Information Security*. 2023. Vol. 22. P. 869–880. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10207-023-00673-3>.

Sullivan C., Burger E. E-residency and blockchain // *Computer law & security review*. 2017. Vol. 33. № 4. P. 470–481.

Xiong A., Liu G., Zhu Q., Jing A., Seng W. L. A notary group-based cross-chain mechanism // *Digital Communications and Networks*. 2022. Vol. 8. № 6. P. 1059–1067. DOI: 10.1016/j.dcan.2022.04.012.

References

Begichev A. V. (2022) Elektronnyi notariat v stranakh Baltii: novatsii udostovereniya sdelok [The electronic notarial system in the Baltic states: transaction certification novelties]. In *Notarius*, no. 2, pp. 42–44, DOI: 10.18572/1813-1204-2022-2-42-44.

Biemans J. W. A. (2021) Will Requirements for Last Wills Remain as They Are? The Physical Presence Requirement of Witnesses and Notaries in the Light of the COVID-19 Interim Measures and the EU Freedom of (Notarial) Services. In *Utrecht Law Review*, vol. 17, pp. 51–64, DOI: 10.36633/ulr.650.

Gulevich I. V., Vlasenko V. S. (2022) Protsess tsifrovizatsii v notarial'noi praktike: sovremennye tendentsii [The digitalization process in notarial practice: modern trends]. In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, vol. 8, no. 1, pp. 234–237.

Haga S., Omote K. (2022) Blockchain-Based Autonomous Notarization System Using National eID Card. In *IEEE Access*, vol. 10, pp. 87477–87489, DOI: 10.1109/ACCESS.2022.3199744.

Kochkina O. V., Tyabina Yu. A. (2020) Zarubezhnyi opyt stanovleniya i funktsionirovaniya elektron'nogo notariata [Foreign experience of establishment and functioning of the electronic notarial system]. In *Notarius*, no. 5, pp. 42–44, DOI: 10.18572/1813-1204-2020-5-42-44.

Koos S. (2023) The Digitization of Notarial Tasks-A Comparative Overview and Outlook of ‘Cyber Notary’ in Indonesia and Germany. In *The Indonesian Journal of Socio-Legal Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 1–26, DOI: 10.54828/ijsls.2023v2n2.1.

Korsik K. A. (2021) Nekotorye aspekty pravozashchitnoi funktsii notariata [Some aspects of the notary's human rights function]. In *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, no. 1 (138), pp. 238–245, DOI: 10.24412/2227-7315-2021-1-238-245.

Korsik K. A., Parfenchikova A. A. (2020) Transformatsiya rossiiskogo notariata v novykh ekonomicheskikh usloviyakh [The transformation of the Russian notary in the new economic realities]. In *Gosudarstvennaya sluzhba*, vol. 22, no. 1 (123), pp. 92–97.

Leksakova E. O. (2022) Distantionnye sdelki v sovremennom notariate: zarubezhnyi i otechestvennyi opyt [Distance transactions in the modern notarial system: foreign and Russian experience]. In *Notarius*, no. 8, pp. 8–13, DOI: 10.18572/1813-1204-2022-8-8-13.

Menezes L., Araújo L. V., Nishijima M. (2023) Blockchain and smart contract architecture for notaries services under civil law: a Brazilian experience. In *International Journal of Information Security*, vol. 22, pp. 869–880, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10207-023-00673-3>.

Mikhailov S. V., Ponomareva N. V., Prudnikova L. B. (2019) Blokchein v sovremennom pravoprimeneniі [Blockchain in modern right application]. In *Filosofiya prava*, no. 1 (88), pp. 60–64.

Sullivan C., Burger E. (2017) E-residency and blockchain. In *Computer law & security review*, vol. 33, no. 4, pp. 470–481.

Xiong A., Liu G., Zhu Q., Jing A., Seng W. L. (2022) A notary group-based cross-chain mechanism. In *Digital Communications and Networks*, vol. 8, no. 6, pp. 1059–1067, DOI: 10.1016/j.dcan.2022.04.012.

Yarkov V. V. (2017) Ot byurokraticheskogo k aktivnomu notariatu (aktual'nye problemy notarial'nogo prava) [From a bureaucratic to an active notary (current problems of notary law)]. In *Notariat, gosudarstvennoe i grazhdanskoe obshchestvo: sovremennoe sostoyanie i perspektivy: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (15–16 fevralya 2007 g., g. Moskva)*. Moskva, FRPK, pp. 109–116.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ СОСТАВЛЕНИЯ ЗАКОНОВ ПО СИСТЕМАТИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (первая четверть XIX в.)

Хрущев Сергей Викторович

Старший преподаватель кафедры истории государства и права
Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0000-0002-5514-5704, e-mail: 9122958808@mail.ru.

В статье рассматривается организация и результаты деятельности Комиссии составления законов в 1801–1825 гг. по упорядочению государственно-церковных узаконений в контексте систематизационных работ: показывается изучение Комиссией источников канонического и церковного права, формирование основных подходов к упорядочению узаконений и определению места духовных законов в системе российского законодательства, закрепление православия как государственной религии в проекте Коренных законов Российской империи. Особое внимание акцентируется на интеграции церковно-правовых положений в проекты кодифицированных актов: Гражданского и Уголовного уложений Российской империи, а также созданию дополняющих их документов.

Ключевые слова: история государства и права России, история церковного права, юридическая политика Российского государства, систематизация законодательства, каноническое право, церковное право, акты систематизация узаконений в сфере церковного права

Для цитирования: Хрущев С. В. Деятельность Комиссии составления законов по систематизации и интеграции положений церковного права в законодательную систему Российской империи (первая четверть XIX в.) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 6. С. 74–86. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_74.

ACTIVITIES OF THE LAW DRAFTING COMMISSION ON THE SYSTEMATIZATION AND INTEGRATION OF CHURCH LAW PROVISIONS INTO THE LEGISLATIVE SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE (first quarter of the XIX century)

Khrushchev Sergey

Senior lecturer, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0000-0002-5514-5704, e-mail: 9122958808@mail.ru.

The article examines the organization of work and the results of the activities of the Law Drafting Commission in 1801–1825 on streamlining state-church laws in the context of systematization work. It shows the study of the sources of canonical and church law by the Commission, the formation of the main approaches to streamlining laws and determining the place of spiritual laws in the system of Russian legislation, the consolidation of Orthodoxy as the state religion in the draft Fundamental Laws of the Russian Empire. Particular attention is focused on the integration of church-legal provisions into the draft codified acts: Civil and Criminal Codes of the Russian Empire, as well as the creation of documents supplementing them.

Key words: history of the state and law of Russia, history of church law, legal policy of the Russian state, systematization of legislation, canon law, church law, acts of systematization of church laws

For citation: Khrushchev S. (2024) Activities of the Law Drafting Commission on the systematization and integration of church law provisions into the legislative system of the Russian Empire (first quarter of the XIX century). In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu juridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 74–86, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_74.

Проблема упорядочения законов в юридической политике Российского государства с начала XIX в. выдвигается в число приоритетных во внутривнутриполитической деятельности императора Александра I и его окружения. Эта направленность внутривнутриполитического курса была наиболее рельефно обозначена в Манифесте об образовании Государственного совета 1 января 1810 г.: «Истинный разум всех сих усовершенней состоял в том, чтоб по мере просвещения и расширения общественных дел учреждать постепенно образ управления на твердых и непременимых основаниях закона. К сему склонялись многократные постановления о лучшем образе издания законов, об устройстве порядка судебного и исполнительного»¹. Одновременно с повышением внимания к закону и законности начинается новый этап развития государственных и правовых институтов, происходит реформирование центральных органов государства: Государственного совета, Сената; создание системы министерского управления во главе с Комитетом министров сочеталось с особым вниманием верховной власти к наведению порядка в законодательной базе их деятельности. При этом идет функциональное сосредоточение законодательно-систематизационных работ в рамках деятельности Комиссии составления законов как специального государственного кодификационного учреждения.

Деятельность Комиссии составления законов в 1801–1825 гг. была направлена на поиск путей упорядочения законодательного массива Российской империи и создание в различных формах актов систематизации узаконений. Наряду с другими направлениями ее деятельности одной из главных являлась работа по упорядочению узаконений и созданию проектов актов систематизации законодательства в сфере церковного права. Собственно, на данном аспекте и сосредоточено внимание.

В июне 1801 г. была возобновлена работа учрежденной при Павле I Комиссии для составления законов при Сенате². Указом Александра I Сенату от 5 июня 1801 г. учреждение получило название «Комиссия составления законов». Ей было поручено «рассмотреть все планы законоположений комиссии», затем «по соображении сих планов избрать один из них или составить из многих общее начертание и внести его вместе с сим планом» императору и ему же представлять «все части отработанные... одну за другою». Также предписывалось, «если... встретятся случаи, на которые в законах наших нет ясного постановления, или сие постановление найдено будет противным уже принятым законам, можно заимствовать примерные узаконения от других народов или нам смежных, или более известных в просвещении и славящихся лучшими своими законоположениями»³.

Деятельность Комиссии сохраняла преемственность с прежними кодификационными учреждениями XVIII столетия, опираясь на их позитивный и негативный опыт, она должна была в итоге решить задачи систематизации законодательства и составить «Всеобщее уложение для Российской империи». В число ее обязанностей, как и ранее, входило и упорядочение узаконений в сфере церковного права – положений «о существующих в государстве христианских верах и о иноверии, и о наблюдении относящихся к сему правил и обрядов, не касаясь догматов, составляющих христианские веры и иноверие»⁴. Тем самым подчеркивался светский характер систематизации, который не затрагивал каноническое право Русской православной церкви и иных разрешенных в России церковных учреждений.

¹ Образование Государственного совета. 1 января 1810 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. 1-е. Т. XXXI. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. № 21064.

² Любарская Т. Г. Сенат и его учреждения // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. СПб.: Наука, 1998. Т. 1. С. 124.

³ Именной указ, данный Сенату «Об управлении Комиссией составления законов графу Заводовскому. С приложением высочайшего рескрипта, данного на его имя». 5 июня 1801 г. // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XXVI. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. № 19904.

⁴ Майков П. М. Комиссии составления законов при императорах Павле I и Александре I // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 7. С. 266–267.

И хотя первые годы деятельности Комиссии не принесли ощутимых результатов, тем не менее определенные подвижки наметились. В 1803 г. на службу в комиссию поступил Г. А. Розенкамф – представитель остзейского дворянства, выпускник Лейпцигского университета, в прошлом окружной судья и ландрихтер Дерптского округа Эстляндской губернии. В 1802 г. он по поручению своего сотоварища по университету сенатора О. П. Козодавлева подготовил записку «Некоторые замечания на уголовные и гражданские законы в отношении к России», в которой подчеркнул необходимость теоретических построений для определения оснований права и его системы, а также дал общий обзор предпринятых в России мер по совершенствованию узаконений¹. Указанное сочинение определило направленность деятельности Комиссии.

Комиссия составления законов 21 октября 1803 г. была передана в ведение Министерства юстиции. 28 февраля 1804 г. императорский указ «О преобразовании Комиссии составления законов» в соответствии с предложениями министра юстиции П. В. Лопухина определил принципиально новые начала организации деятельности Комиссии. В ее составе были образованы соответствующие подразделения – три экспедиции во главе с референдариями с помощниками и вспомогательным персоналом, из первых составлялось присутствие Комиссии – совещание по организации работы и производству дел. С этого акта павловская комиссия прекратила существование, ее заменило одноименное учреждение с новыми целевыми установками, задачами и достаточно конкретной программой деятельности².

Указанным актом определялась структура «общей книги законов», которая комплексно охватывала все законодательство Российской империи и разделялась на шесть частей: 1) «законы органические, или коренные, до правления государственного относящиеся»; 2) «общие основания, или начала права»: «Сюда принадлежат определение качеств, свойственных законам; их общее разделение; образ издания их, обнаружения и уничтожения; приспособление законов к обстоятельствам, толкование, изъяснение» и др.; 3) «общие государственные законы относительно лиц, вещей, действий, обязательств, собственности, владения»; 4) «часть, разделенная на две другие, заключает: в одной законы уголовные; а в другой Устав благочиния», и все, «до полиции относящееся»; 5) «способы приведения законов в исполнение и применения оных; также образование судебной части, основание судопроизводства и разделение процессов на разные роды»; 6) «содержит в себе частные законы» и «разделяется на столько отделений, сколько есть Губерний, городов или обществ, для которых по уважению местных обстоятельств утверждены будут особые права», «сюда принадлежат также частные Уставы относительно финансов, коммерции, портов, мануфактур и проч.»³.

Комиссией составления законов на основании указа было подготовлено «Главное расположение Книги законов», определившее в том числе место законоположений, относящихся к сфере церковного права. Первая часть «содержит в себе государственные постановления и законы внутреннего устройства», в ее составе выделялись относящиеся к ней «предметы» основополагающих узаконений учредительного характера – «коренных законов», первое место там занимали правовые положения «О православной грекороссийской вере». В этой же части предполагалось поместить и законодательство «О Святейшем синоде». Вторая часть определяла через «Основания права» место духовных законов в системе российского законодательства. Третья часть предполагала выделить в составе сословного законодательства особую категорию – «Духовенство». Также в этой части намечалось поместить положения относительно правового регулирования брачно-семейных отношений, отнесенных преимущественно к компетенции Русской православной церкви. Четвертая часть предполагала издание Устава уголовного, который предусматривал бы как наиболее тяжкое преступление «против святой православной веры злодеяние, клонящееся к потрясению главных ее оснований и совершенному истреблению», а Полицейский устав должен был предусмотреть соответствующие меры охраны. Пятая часть предусматривала раздел о церковном суде и судопроизводстве – «Образование судебной

¹ Розенкамф Г. А. Некоторые замечания на уголовные и гражданские законы в отношении к России // Вестник Европы. 1803. Ч. 7. № 2. С. 141–156.

² Именной указ, данный Сенату «О преобразовании Комиссии составления законов». 28 февраля 1804 г. // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XXVIII. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. № 21187.

³ Там же.

части Святейшего синода и подчиненных ему мест». Шестая часть предусматривала «частные законы и учреждения», которые содержат «отступления от законов общих по уважению различия веры, нравов и других местных обстоятельств»¹. Тем самым проводилась общая идея, что церковно-правовые положения предполагалось интегрировать в российскую имперскую систему права, в соответствующие ее структурные единицы.

8 августа 1808 г. в деятельности Комиссии составления законов произошли коренные изменения: в ее состав был назначен М. М. Сперанский – государственный секретарь и ближайший помощник Александра I, который в конце декабря в ранге товарища министра юстиции возглавил Комиссию. Теперь стратегия работы Комиссии ориентировалась на достижения французской юриспруденции, за эталон был взят Кодекс Наполеона 1804 г., на тот момент считавшийся лучшим актом кодификации узаконений в сфере цивилистики. Соответственно систематизационные работы были направлены на кодификацию основных отраслей законодательства и основной целевой установкой стало создание Гражданского и Уголовного уложений Российской империи.

Указ Александра I «О новом образовании Комиссии составления законов» от 7 марта 1809 г. переформатировал структуру Комиссии составления законов под новые задачи. В качестве «главных предметов» деятельности определялись: «1) Уложение гражданское. 2) Уложение уголовное. 3) Уложение коммерческое. 4) Разные части к государственной экономии и вообще к публичному праву принадлежащие. 5) Свод законов провинциальных для губерний остзейских. 6) Свод законов таковых же для губерний малороссийских и польских присоединенных». Также планировалась кодификация узаконений о гражданском и уголовном судостроительстве и судопроизводстве: «К Уложению гражданскому принадлежит устройство судебных гражданских мест и устав судебных обрядов. ...К Уложению уголовному также принадлежит устройство уголовных судов и обрядов и устав полиции судной... К части публичного права принадлежит устав полиции учредительной». Управление Комиссией осуществляли: Правление Комиссии из министра юстиции и двух его товарищей с возложением обязанностей по планам и контролю за ходом работ, рассмотрению проектов и возникших затруднений при их составлении; Совет Комиссии из членов Правления, юрисконсультов и двух сенаторов для обсуждения проектов по мере их готовности; далее работы распределялись по шести отделениям в составе юрисконсультов во главе с начальниками по шести отделениям по указанным предметам деятельности Комиссии².

С реформированием Государственного совета и началом его деятельности по новому учреждению от 1 января 1810 г. комиссия стала подразделением Государственного совета и стала управляться ее директором – М. М. Сперанским. С 17 марта 1812 г. до 11 июля 1821 г. (период отставки, ссылки, пензенского губернаторства и сибирского генерал-губернаторства Сперанского) Комиссия управлялась министром юстиции. С возвращением в 1822 г. в Комиссию Сперанский вновь возглавил систематизационные работы до ликвидации этого учреждения 31 января 1826 г.

Деятельность Комиссии составления законов в 1801–1826 гг. в целом была достаточно плодотворной: это был период поиска направлений и оптимальных форм систематизации узаконений, в итоге которых был изучен большой массив узаконений, отработаны подходы к упорядочению узаконений, определены основания права, структура системы законов, созданы ряд законопроектов и проведена подготовка проектов первых актов кодификации отраслевого законодательства – Гражданского и Уголовного уложений. В рамках систематизационных работ в центре внимания находились и церковно-правовые положения, которые изучались в ходе работы Комиссии и встраивались в продукты ее деятельности – различные акты систематизации узаконений. В рамках данной статьи необходимо показать основные направления и результаты деятельности Комиссии в части систематизации церковного права.

¹ Главное расположение Книги законов // Труды комиссии составления законов. СПб.: Тип. Шнора, 1804. С. 44–64.

² Именной указ, данный министру юстиции «О новом образовании Комиссии составления законов». 7 марта 1809 г. // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XXXI. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. № 23525.

Изучение канонического и церковного права Русской православной церкви в деятельности Комиссии составления законов было обусловлено необходимостью согласования церковно-правовых регуляций со светским позитивным правом и необходимостью их интеграции в общегосударственное законодательство. Здесь центром внимания Комиссии стал основной источник права Русской православной церкви – Кормчая книга, исследование которой представил Г. А. Розенкампф¹. Одновременно Комиссией изучался и массив российских государственных узаконений относительно Русской православной церкви и церковных учреждений других исповеданий. «Цель сих исследований состояла в том, чтобы объяснить важнейшие до сего времени столь мало известные и критическому разбору не подвергнутые источники древнего российского канонического и гражданского права, которые включены в печатной Кормчей книге, но более и в древних списках разных составов оной от XIII до самого конца XV века. Я соединил... общие сведения о том предмете, составляющие, так сказать, вступление к прочим отделениям. Изложив в сей общей части все доказательства, к ней принадлежащие, и распределив оные, каждое в своем разряде, я старался убедить, что история канонического и история гражданского права в первых веках Российского государства не могут быть разделяемы и рассматриваемы порознь одна от другой. Обе они происходили из одного корня, т. е. из образования народа, которое с начала крещения... было основано отчасти на новом устройстве гражданских и духовных властей, и отчасти на новых правилах законодательства», – подчеркивает Г. А. Розенкампф, автор первого в российской юриспруденции полноценного исследования Кормчей книги как источника русского права². Тем самым была заложена традиция изучения Кормчей книги в российской юридической науке³.

Собранные при изучении канонического и церковного права Комиссией сведения широко использовались в ее весьма разноплановой деятельности: полученная информация применялась при определении основ российского права, классификации узаконений с выделением в них духовных законов, при установлении православной веры в качестве государственной религии в коренных законах, при формулировании положений брачно-семейного права в проектных работах по составлению Гражданского уложения 1809 г. и описании преступлений против религии в проекте Уголовного уложения 1813 г. и др. Тем самым в российской юриспруденции были заложены основы изучения церковного права для практических и научных целей.

Определение основных характеристик законодательства в сфере церковного права Комиссией составления законов было сделано в рамках общей классификации законов и позднее прописано в «Основаниях российского права» в 1818 г.⁴ В них выделяются «духовные законы» в контексте закрепления относящихся к ним общих положений о законе и законодательстве. На основе изучения и с приведением ссылок на действующее законодательство отмечалось, что «законы бывают различного рода, смотря по их предмету», «положительные законы суть особенные и точные установления законодателя, яко способы, коими соединяются и сохраняются в обществе и без которых бы общество разрушилось», «положительные законы имеют два главных предмета: 1) положение государству; 2) положение гражданину». Соответственно «законы, к первому разряду относящиеся, составляют право общее или государственное. Законы, ко второму принадлежащие, составляют право особенное или гражданское». К сфере общего (государственного) права относились узаконения, для которых предмет «есть установление и соблюдение обрядов общих, необходимо нужных для сохранения целости, доброго порядка и тишины государства»: «I. Законы, основание державы составляющие» – коренные (основные) законы Российской империи – и «II. Постановления, к управлению принадлежащие» (§ 3–9).

¹ Розенкампф Г. А. О Кормчей книге. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1827.

² Розенкампф Г. А. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. 2-е изд. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1839. С. V.

³ Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А. Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. М.; СПб.: Ин-т рос. истории РАН; Рос. гос. архив древних актов; Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 7–8, 12–16.

⁴ Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи. Издаваемые Комиссией составления законов. СПб.: Тип. Комиссии составления законов, управляемой Карлом Крайем, 1818. Далее цитируется данный источник.

На первое место во второй группе были поставлены «духовные законы» и дано их определение: «Сюда принадлежат: Все то, в чем гражданские законы в сохранении доброго порядка имеют сношение и связь с духовным, или в чем сии последние от светских заимствуют помощь и подкрепляются оными, исключая догматов, составляющих православную веру; также законы относящиеся к иностранным исповеданиям и их духовенству». Здесь четко обозначено вытекающее из толкования действующего законодательства положение о разграничении церковного права, относящегося к гражданским законам, и канонического права как догматов православия. Параграф 43 оговаривал «Случай применения Кормчей книги» и определял: «В делах духовных предписано руководствоваться правилами из Кормчей книги и другими общими узаконениями» со ссылками на Соборное уложение 1649 г., Духовный регламент 1722 г. и Инструкцию архиепископу Леониду 1722 г. Затем выделялись законы «о правосудии», «уголовные», «полицейские», «о финансах и уделах» и другое текущее законодательство, церковно-правовые положения должны были включаться в их состав. Тем самым законодательство в сфере церковного права относилось «духовные законы» к светскому праву – гражданским законам, и они были отделены от канонического права – «догматов православной веры», которые находились вне пределов законодательного регулирования Российского государства. Последнее относилось к исключительной компетенции Русской православной церкви в лице государственно-церковного органа – Святейшего правительствующего синода.

Закрепление в проекте Коренных законов Российской империи законоположений о православии как государственной религии было отнесено к основополагающим положениям российского государственного права, а сами Коренные законы должны стать первой частью «Всеобщего уложения для Российской империи». Его по поручению Комиссии составления законов от 26 марта 1804 г. подготовил Г. А. Розенкампф¹. Проект базировался на действующих законодательных актах: Соборном уложении 1649 г., Воинском уставе 1716 г., Морском уставе 1720 г., Духовном регламенте 1721 г., Учреждении об императорской фамилии 1797 г., манифестах о вступлении императоров на престол и др.

Коренные законы включали два раздела. Первый раздел – «О императорском величестве и православной грекороссийской вере» – определял основы государственного строя и включал следующие подразделы: 1) «О православной грекороссийской вере»; 2) «О государе императоре и Российском государстве»; 3) «О наследии престола»; 4) «О императорской фамилии»; 5) «О императорском дворе и частной собственности императорского величества»; 6) «О государственной собственности». Второй раздел – «О подданных императорского величества, их правах и обязанностях» – определял основы сословного правового статуса населения².

Подраздел «А» первого раздела проекта – «О православной грекороссийской вере» – в § 1–4 определял, что «православная грекороссийская вера есть господствующая во всей империи». Одновременно декларировался принцип веротерпимости: «При исповедании господствующей веры терпимы в Российском государстве и все другие веры», а также особо обращалось внимание и на то, что «покровительствуются иноверцы, предоставляется им свобода совести и не возбраняется, на основании существующих о сем узаконений, отправлять явно свое богослужение». В подразделе «В» – «О государе императоре, его правах и о Российском государстве» – в § 5–16 перечислялись основания верховной власти, в § 30 подчеркивалось, что «император исповедует господствующую грекороссийскую веру» и «учение оной содержит во всей чистоте».

В проекте Коренных законов Г. А. Розенкампфа впервые были системно выстроены законоположения учредительного характера, определяющие место православия и Русской православной церкви в организации государственной власти, а также

¹ Макаров А. Н. Проект Основных законов Российской империи 1804 г. (проект Розенкампфа) // Записки Русского научного института в Белграде. Белград: Рус. науч. ин-т, 1938. Вып. 15. С. 150–156; Кодан С. В. Создание Основных законов Российской империи в деятельности Комиссии составления законов (1800–1820-е гг.) // Юридические исследования. 2012. № 3. С. 149–175.

² Розенкампф Г. А. Коренные законы Российской империи / Всеобщее уложение для Российской империи // Записки Русского научного института в Белграде. Белград: Рус. науч. ин-т, 1938. Вып. 15. С. 157–164. Далее цитируется данный источник.

указаны требования к вероисповеданию царствующей особы как носителя государственной власти, главы церкви и блюстителя чистоты веры. При создании Основных государственных законов в рамках Свода законов Российской империи в 1826–1832 гг. проект использовался в качестве одного из главных исходных документов.

Церковно-правовые положения в проекте Гражданского уложения Российской империи 1809–1814 гг. регулировали и распределяли комплекс вопросов, относящихся к совместному ведению Российского государства и Русской православной церкви. Уложение как акт кодификации и результат законодательной деятельности заменял отдельные ранее изданные узаконения в сфере церковного права и одновременно согласовывал нормы светского законодательства с положениями канонического и церковного права из Кормчей книги, которая являлась основным источником брачно-семейного права.

Первая часть проекта Гражданского уложения была подготовлена в 1809 г. членами комиссии под руководством Г. А. Розенкампа и в том же году издана¹. Она состояла из 535 параграфов, объединенных в одиннадцать глав. Положения, относящиеся к церковному праву, содержались в следующих разделах проекта: глава четвертая «О свидетельствах гражданского состояния» определяла положения относительно сословного статуса подданных (§ 74–119); глава шестая «О браке» содержала законодательное регулирование заключения, расторжения брака и связанных с ними отношений (§ 134–303); главы седьмая «О доказательствах законного рождения» (§ 304–330), восьмая «О незаконнорожденных и сопричастности их детям законным» (§ 331–341) и девятая «Об усыновлении» (§ 342–354) обращались к правовому статусу детей; глава десятая «О власти родительской» (§ 355–395) устанавливала возникновение и прекращение прав и обязанностей родителей; глава одиннадцатая «Об опеке и попечительстве» (§ 396–535) регламентировала отношения в этой сфере. При этом каждый параграф имел вынесенное слева название, что существенно облегчало поиск соответствующих законоположений.

Первое обсуждение первой и второй части проекта Гражданского уложения прошло в 1810–1812 гг. в заседаниях Департамента законов и Общем собрании Государственного совета с незначительными возражениями и поправками. Под влиянием «Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Н. М. Карамзина (1811) с резкой критикой проекта Гражданского уложения в обществе и среди членов Государственного совета начинает формироваться мнение о том, что представленный проект является калькой с Гражданского кодекса Франции. В 1814–1815 гг. Общим собранием Государственного совета рассматривался доработанный вариант проекта, при его обсуждении члены Государственного совета И. С. Мордвинов, А. И. Салтыков и министр юстиции Д. П. Троицкий четко обозначили свою позицию о копировании и переносе в российскую правовую систему положений наполеоновского кодекса. При этом на Общем собрании совета 9 декабря 1814 г. Д. П. Троицкий выразил мнение, что Комиссия составления законов «обязана из существующих в России указов и постановлений извлечь законы», «сообразить их с принятыми основаниями права» и «привести оные во всей их ясности», а также подчеркнул, что «Комиссия не имеет права вводить в отечество законов новых, или чуждых, изданных для других стран и народов, образу правления и местному положению России несоответственных». И. С. Мордвинов отметил, что совет «не в состоянии положить безошибочного заключения о доброте рассматриваемого им проекта, если не будет прочитываемо, по крайней мере, оглавление старых законов, дабы знать, что из оных отбрасывается и что вновь вводится и таковым образом, сличая старое с новым, возможно было бы основательно судить о достоинстве каждой перемены»².

С началом войны с Францией и ссылкой М. М. Сперанского после обвинения в государственной измене в 1812 г. ситуация усугубилась: неприязнь к реформатору и его ориентации на французское законодательство отразилась и на обсуждении законопроекта. В итоге «не содержание, не юридические недостатки проекта, не доказанная неприменимость его к русскому быту помешали осуществиться в то время

¹ Проект Гражданского уложения Российской империи, составленный в Комиссии составления законов. СПб.: Сенатская тип., 1809. Ч. 1. Далее цитируется данный источник.

² Архив Государственного совета. СПб.: Тип. Второго отд-ния собственной е. и. в. канцелярии, 1874. Т. 4. Стб. 166–167.

предприятию Сперанского, а исключительно неблагоприятные политические обстоятельства и личная вражда, нередко тормозящая у нас законодательную деятельность под каким-нибудь благовидным предлогом», – подчеркивает Г. Ф. Шершеневич¹.

Следует обратить внимание на то, что, как отмечает В. А. Томсинов, «сходство структуры первой части проекта Гражданского уложения 1809 г. с порядком расположения материала в первой книге французского Гражданского кодекса является очевидным. ...Некоторые его нормы были внешне похожи на аналогичные нормы французского кодекса, однако в целом – и общей системой своей, и содержанием норм, а самое главное смыслом правовых институтов – произведение Сперанского весьма сильно отличалось от Кодекса Наполеона». Сама логика регулирования и развития гражданско-правовых отношений привела к тому, что «Сперанский вынужден был бы и при полном нежелании следовать образцу французского кодекса включить нормы о гражданских правах, их приобретении и лишении, о правах иностранцев и т. д. Приняв же за аксиому то, что физическое лицо выступает в общественных отношениях не только в качестве члена гражданского общества, но и как член семьи, он должен был бы со всей неизбежностью приводить нормы о заключении и расторжении брака, о правах и обязанностях супругов, о статусе законных и незаконнорожденных детей, об опеке и попечительстве и т. д.»².

После возвращения М. М. Сперанского к государственным делам Государственный совет вновь вернулся и практически заново начал обсуждение проекта Гражданского уложения, посвятив этому заседания в период с 21 ноября 1821 г. по 21 декабря 1822 г. Решение о необходимости изменений было принято в отношении 821 параграфа, и только 622 остались в прежней редакции. В течение 1823–1824 гг. проводились исправления и дополнения проекта, постепенно стало понятно, что проект Гражданского уложения требует нового изложения, что 8 декабря 1824 г. констатировал М. А. Балугьянский, ранее назначенный руководителем Комиссии составления законов. С этим согласился и Сперанский³.

Тем не менее составленный в 1809 г. проект Гражданского уложения сыграл немаловажную роль в развитии русского права. Не принимая его во внимание, трудно понять, каким образом учрежденному Николаем I в начале 1826 г. Второму отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии удалось всего за шесть лет создать Свод законов Российской империи. Проект Гражданского уложения 1809 г. стал важной вехой и в истории русской юриспруденции, и в развитии приемов научной разработки русского права», – констатирует В. А. Томсинов⁴. Одновременное изучение светского и церковного регулирования брачно-семейных отношений и этот опыт создания кодифицированного акта подготовили возможность его успешной систематизации и интеграции в систему российского права в ходе систематизационных работ второй половины 1820-х – начала 1830-х гг.

Церковно-правовые положения в проекте Уголовного уложения Российской империи 1813 г. выступили первой попыткой кодифицировать уголовное законодательство в части религиозных преступлений и включить их в общую систему преступных деяний. Комиссией составления законов в 1804 и 1809 гг. были подготовлены планы проекта Уголовного уложения при участии немецких правоведов А. Фейербаха и Л.-Г. Якоба⁵. К концу 1812 г. был завершён текст проекта Уголовного уложения, который был отпечатан и вместе с подготовленными документами передан на рассмотрение в Государственный совет⁶.

¹ Шершеневич Г. Ф. История кодификации гражданского права в России. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1898. С. 85.

² Томсинов В. А. Систематизация российского законодательства в первой четверти XIX века // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2008. № 3. С. 31, 34.

³ Ружицкая И. В. Кодификационные проекты императора Александра I как составная часть его политических реформ // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 137–138.

⁴ Томсинов В. А. Указ. соч. С. 31.

⁵ Безверхов А. Г., Коростелев В. С. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. Самара: Самарский ун-т, 2013. С. 8–10.

⁶ Проект Уголовного уложения Российской империи. Часть 1: Основания уголовного права; Часть 2: О наказаниях за государственные и общественные преступления; Часть 3: О наказаниях за частные преступления: СПб.: Сенатская тип., 1813. Далее цитируется данный источник.

В первой части проекта Уголовного уложения («Основания уголовного права») содержались положения общей части: определение преступления, классификация преступных деяний, их характеристики, обстоятельства, отягощающие, смягчающие и исключаящие вину, система наказаний, подсудность и другие вопросы общего характера (§ 1–111).

Вторая часть проекта («О наказаниях за государственные и общественные преступления») содержала главу «О наказаниях за преступления против святыне православные веры», которая устанавливала ответственность за: 1) «богохуление и отрицание веры» («умышленное богохуление», «богохуление по легкомыслию»); 2) «мятеж церковный» («мятеж при службе божий или крестного хода», «тяжкое оскорбление духовных особ при отправлении служения их», «оскорбление частных лиц в Церкви»); 3) «отступление и отвлечение от православной веры» («отвлечение от православной грекороссийской веры», «обращение нехристианина в христианскую веру... без дозволения губернского начальства», «принуждение христианина к закону нехристианскому»); 4) «преступления, происходящие от раскола или ереси» («рассеяние ереси или раскола») (§ 112–130).

Последующие восемь глав проекта Уголовного уложения определяли наказание «за оскорбление императорского величества», «за государственную измену», «за преступления, нарушающие внутреннюю общественную безопасность и тишину», «за вредные деяния, нарушающие благосостояние обществ и здоровье обывателей», «за нарушения особенных государственных прав и принадлежностей», «за подлог или лживые поступки», «за подлог и насилие при совершении брака»; девятая – «за преступления чиновников по их должностям» (§ 131–331).

Третья часть проекта («О наказаниях за частные преступления») в шести главах определяла наказания «за смертоубийство», «за раны и другие опасные телесные повреждения», «за обиды» и «за преступления против собственности» (§ 332–585).

Государственный совет в период с 11 января 1813 г. по 25 апреля 1814 г. обсудил проект Уголовного уложения в части общих его оснований как в первоначальном варианте, так и после доработки его статей Комиссией по рекомендации совета. Как и при рассмотрении проекта Гражданского уложения члены совета потребовали обеспечить проект ссылками на российские законы, что и было сделано Комиссией составления законов и представлено в 1821 г. в виде свода существующих уголовных законов¹. В августе 1824 г. – январе 1825 г. по инициативе М. М. Сперанского Департамент законов Государственного совета вновь обсудил доработанную общую часть проекта Уголовного уложения и намеревался рассмотреть главу о преступлениях против веры. Но дальнейшее обсуждение проекта не получило императорской поддержки². Тем не менее этот законопроект заложил основы систематизации уголовного права в части религиозных преступлений и был использован при подготовке свода законов уголовных в рамках свода законов Российской империи в 1832 и 1842 гг. и в 1839–1845 гг. при создании Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

Основания российского права были подготовлены Комиссией законов и изданы в 1818 г.³ Назначение издания состояло в том, чтобы «извлечь из существующих частных законов начала, на которых они основаны», и, «по исследовании и соображении оных, привести в совершенное единообразие с основаниями общего государственного законоположения». Они имели своей целью «отвратить неизвестность, покрывающую донныне наше законодательство, и облегчить затруднения присутственных мест в приискании и применении законов к обстоятельствам рассматриваемого дела», – отмечалось в предисловии к изданию. В процессе реализации этих установок Комиссия сформулировала путем консолидации исходные законоположения в 52 параграфах.

В данном документе содержалось «Определение общего Уложения Российской империи»: «Уложение Российской империи, основанное на истинных источниках

¹ Архив Государственного совета. Т. 4. Стб. 180–186.

² Иванов В. С. Проект уголовного уложения 1813 года // Наука и современность. 2011. № 10-2. С. 248–252. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-ugolovnogo-ulozheniya-1813-goda/viewer> (дата обращения: 13.01.2025).

³ Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи. Издаваемые Комиссией составления законов. Далее цитируется данный источник.

права, содержит в себе законы, имеющие силу для всех подданных от большего до меньшего чина. Истинными источниками отечественного права почитается Уложение царя Алексея Михайловича в 1649 году января 29 изданное и все после онога изданные узаконения. Законы, прежде Уложения существовавшие, должно почитать недействующими». Также давалось общее понимание государственной власти и государственного управления, определение законов и источников права, критерии деления узаконений по предмету правового регулирования общественных отношений, выделялись отдельные виды законов, порядок принятия законов, их обнародования, действия во времени и пространстве, а также их отмены (§ 1–52). При этом, как рассматривалось ранее, в особый вид были выделены духовные законы, дана их характеристика и соотношение с положениями канонического права. Характерной чертой этого документа было то, что каждый параграф в подстрочнике содержал указание на исходные законодательные источники с указанием их названия, даты принятия и структурной единицы. Тем самым были представлены общая характеристика и понимание закона, структура законодательства в Российской империи, что также способствовало развитию изучения права.

Систематический свод существующих законов Российской империи выступил еще одним результатом деятельности Комиссии составления законов по систематизации узаконений. Он издавался в 1816–1822 гг. отдельными томами с делением на части. Основанием для этого издания стала поставленная Государственным советом перед Комиссией задача: подтвердить положения проекта Гражданского уложения 1809 г. основополагающими положениями и извлечениями из ранее изданных российских законов. Этого же потребовал совет и в отношении проекта Уголовного уложения 1813 г. В своде излагались в консолидированном виде основания права и основные положения узаконений по отдельным предметам правового регулирования с указанием в подстрочнике каждого параграфа на источники, положенные в его основу. Эти документы явились первой попыткой создания свода действующих законов с привязкой к конкретному законопроекту.

Непосредственно к церковному праву относилась вторая часть «Систематического свода», изданная Комиссией составления законов в 1815 г. Эта часть содержала «право лиц» и консолидировала положения брачно-семейного характера для шестой главы Гражданского уложения в редакции 1814 г. к его положению «О браке»¹. Соответственно и свод содержал законоположения «О браке или супружестве» в 69 параграфах, распределенных по шести отделениям: «О законном браке», «О последствиях брака для супругов и детей», «О незаконных или недействительных браках», «О расторжении законного брака», «Ведомство и производство дел о расторжении брака» и «О браках правоверных с иноверными и раскольниками». Каждый параграф имел наименование и содержал ссылку на источник права. Так, § 1 «Определение брака» содержал следующее положение: «Брак есть тайна, совершаемая законным союзом лиц обоего пола, которые приобретают взаимное право на исключительное сожитие». В подстрочнике указывался источник: «Кормчая книга, часть XIII, глава 48, Закона градского грань IV, статья I. Глава 50. О тайне супружества». В необходимых случаях следовала также ссылка на российские законодательные акты светской власти.

В 1821 г. Комиссия составления законов издала первый том «Систематического свода существующих законов. Право уголовное. Свод и основания уголовных законов». В нем излагались положения проекта Уголовного уложения 1813 г., к каждому параграфу давались ссылки на предшествующие уголовные законы, позволяющие проследить историю уголовно-правового определения преступных деяний. В плане церковного права интерес представляют подстрочники к главе I первой части проекта («О наказании за преступления против святой православной веры»), которые показывают ход развития законодательного оформления религиозных преступлений начиная с Соборного уложения 1649 г. и до узаконений первых двух десятилетий XIX столетия. Данный свод отличался высоким уровнем обработки и консолидации правового материала и явился в дальнейшем образцом для составления свода законов уголовных в рамках свода законов Российской империи 1832 г.

¹ Систематический свод существующих законов Российской империи с основаниями права, из оных извлеченными. Издаваемый Комиссией составления законов. СПб.: Тип. Комиссии составления законов, 1815. Ч. 2: Право лиц. Далее цитируется данный источник.

Следует также заметить, что работа над систематическими сводами потребовала составления хронологических указателей к ним. Это привело к созданию «Полного хронологического реестра законодательных актов, со времени правительства Алексея Михайловича до 1825 года» с краткой аннотацией на каждый акт. Все это приводило в систему законодательный массив в целом, а также способствовало выделению узаконений в сфере церковного права. Эти документы в дальнейшем составили основу для систематизационных работ и подготовки Полного собрания и свода законов Российской империи.

Подводя итоги изучения деятельности Комиссии составления законов в 1801–1825 гг. по систематизации и интеграции положений церковного права в законодательную систему Российской империи, можно констатировать, что в указанный период были получены результаты, которые позволили значительно продвинуться в понимании, определении места и роли церковного права – «духовных законов» – в системе российского права. Большое значение в этом отношении имела деятельность Комиссии по подготовке проектов Гражданского и Уголовного уложений, создание которых и подготовка к ним дополнительных поясняющих материалов – «Оснований российского права» и «Систематического свода существующих законов Российской империи» – позволили получить опыт создания актов систематизации законодательства и представить состояние законодательного массива Российской империи, включая и общее видение состояния церковного права. Все это в итоге создало предпосылки для выхода на качественно новый этап систематизации законодательства во второй половине 1820-х – начале 1830-х гг. и привело к изданию Полного собрания и свода законов Российской империи, а также систематизации духовных узаконений Святейшим правительствующим синодом по ведомству Русской православной церкви.

Список литературы

Архив Государственного совета. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1874. Т. 4. Стб. 166–167, 180–186.

Безверхов А. Г., Коростелев В. С. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. Самара: Самарский ун-т, 2013. 191 с.

Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А. Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию М.; СПб.: Ин-т рос. истории РАН; Рос. гос. архив древних актов; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 494 с.

Главное расположение Книги законов // Труды комиссии составления законов. СПб.: Тип. Шнора, 1804. С. 44–64.

Иванов В. С. Проект уголовного уложения 1813 года // Наука и современность. 2011. № 10-2. С. 248–252. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-ugolovnogo-ulozheniya-1813-goda/viewer> (дата обращения: 13.01.2025).

Именной указ, данный министру юстиции «О новом образовании Комиссии составления законов». 7 марта 1809 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XXXI. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. № 23525.

Именной указ, данный Сенату «О преобразовании Комиссии составления законов». 28 февраля 1804 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XXVIII. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. № 21187.

Именной указ, данный Сенату «Об управлении Комиссией составления законов графу Заводовскому. С приложением высочайшего рескрипта, данного на его имя». 5 июня 1801 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XXVI. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. № 19904.

Кодан С. В. Создание Основных законов Российской империи в деятельности Комиссии составления законов (1800–1820-е гг.) // Юридические исследования. 2012. № 3. С. 149–175.

Любарская Т. Г. Сенат и его учреждения // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. СПб.: Наука, 1998. Т. 1. С. 82–125.

Майков П. М. Комиссии составления законов при императорах Павле I и Александре I // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 7. С. 256–291.

Макаров А. Н. Проект Основных законов Российской империи 1804 г. (проект Розенкампа) // Записки Русского научного института в Белграде. Белград: Рус. науч. ин-т, 1938. Вып. 15. С. 150–156.

Образование Государственного совета. 1 января 1810 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XXXI. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. № 21064.

Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи. Издаваемые Комиссией составления законов. СПб.: Тип. Комиссии составления законов, управляемой Карлом Крайем, 1818. 241 с.

Проект Гражданского уложения Российской империи, составленный в Комиссии составления законов. СПб.: Сенатская тип., 1809. Ч. 1. 174, IV с.

Проект Уголовного уложения Российской империи. Часть 1: Основания уголовного права; Часть 2: О наказаниях за государственные и общественные преступления; Часть 3: О наказаниях за частные преступления: СПб.: Сенатская тип., 1813. 185 с.

Розенкампф Г. А. Коренные законы Российской империи / Всеобщее уложение для Российской империи // Записки Русского научного института в Белграде. Белград: Рус. науч. ин-т, 1938. Вып. 15. С. 157–164.

Розенкампф Г. А. Некоторые замечания на уголовные и гражданские законы в отношении к России // Вестник Европы. 1803. Ч. 7. № 2. С. 141–156.

Розенкампф Г. А. О Кормчей книге. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1827. 13 с.

Розенкампф Г. А. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. 2-е изд. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1839. 752 с.

Ружицкая И. В. Кодификационные проекты императора Александра I как составная часть его политических реформ // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 130–139.

Систематический свод существующих законов Российской империи с основаниями права, из оных извлеченными. Издаваемый Комиссией составления законов. СПб.: Тип. Комиссии составления законов, 1815. Ч. 2: Право лиц. Т. 1. 436 с.

Томсинов В. А. Систематизация российского законодательства в первой четверти XIX века // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2008. № 3. С. 14–49.

Шершеневич Г. Ф. История кодификации гражданского права в России. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1898. 128 с.

References

Arkhip Gosudarstvennogo soveta (1874) [Archives of the State Council]. Saint-Petersburg, Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, vol. 4, columns 166–167, 180–186.

Belyakova E. V., Moshkova L. B., Oparina T. A. (2017) *Kormchaya kniga: ot rukopisnoi traditsii k pechatnomu izdaniyu* [The Kormchaya Book: from manuscript tradition to printed edition]. Moscow, Saint-Petersburg, Institut rossiiskoi istorii RAN, Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov, Tsentр humanitarnykh initsiativ, 494 p.

Bezverkhov A. G., Korostelev V. S. (2013) *Proekt Ugolovnogo ulozheniya Rossiiskoi imperii 1813 goda* [Draft Criminal Code of the Russian Empire of 1813]. Samara, Samarskii unstitut, 191 p.

Glavnoe raspolozhenie Knigi zakonov (1804) [Main location of the Book of Laws]. In Trudy komissii sostavleniya zakonov. Saint-Petersburg, Tipografiya Shnora, pp. 44–64.

Imennoi ukaz, dannyi ministru yustitsii «O novom obrazovanii Komissii sostavleniya zakonov». 7 marta 1809 g. (1830) [Personal decree given to the Minister of Justice «On the new formation of the Law Drafting Commission». March 7, 1809]. In *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe*. Saint-Petersburg, Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, vol. XXXI, no. 23525.

Imennoi ukaz, dannyi Senatu «O preobrazovanii Komissii sostavleniya zakonov». 28 fevralya 1804 g. (1830) [Personal decree given to the Senate «On the transformation of the Law Drafting Commission». February 28, 1804]. In *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe*. Saint-Petersburg, Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, vol. XXVIII, no. 21187.

Imennoi ukaz, dannyi Senatu «Ob upravlenii Komissiei sostavleniya zakonov grafu Zavodovskomu. S prilozheniem vysochaishego reskripta, dannogo na ego imya». 5 iyunya 1801 g. (1830) [Personal decree given to the Senate «On the management of the Law Drafting Commission of Count Zavodovsky. With the appendix of the imperial rescript given in his name». June 5, 1801]. In *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe*. Saint-Petersburg, Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, vol. XXVI, no. 19904.

Ivanov V. S. (2011) Proekt ugolovnogo ulozheniya 1813 goda [Draft Criminal Code of 1813]. In *Nauka i sovremennost'*, no. 10-2, pp. 248–252, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-ugolovnogo-ulozheniya-1813-goda/viewer> (accessed: 13.01.2025).

Kodan S. V. (2012) Sozdanie Osnovnykh zakonov Rossiiskoi imperii v deyatelnosti Komissii sostavleniya zakonov (1800–1820-e gg.) [Creation of the Fundamental Laws of the Russian Empire in the activities of the Law Drafting Commission (1800–1820^s)]. In *Yuridicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 149–175.

Lyubarskaya T. G. (1998) Senat i ego uchrezhdeniya [Senate and its institutions]. In *Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917 gg.* Saint-Petersburg, Nauka, vol. 1, pp. 82–125.

Maikov P. M. (1905) Komissii sostavleniya zakonov pri imperatorakh Pavle I i Aleksandre I [Law-drafting commissions under the emperors Paul I and Alexander I]. In *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, no. 7, pp. 256–291.

Makarov A. N. (1938) Proekt Osnovnykh zakonov Rossiiskoi imperii 1804 g. (proekt Rozenkampfa) [Project of the Fundamental Laws of the Russian Empire of 1804 (Rosenkampf project)]. In *Zapiski Russkogo nauchnogo instituta v Belgrade*. Belgrad, Russkii nauchnyi institut, is. 15, pp. 150–156.

Obrazovanie Gosudarstvennogo soveta. 1 yanvarya 1810 g. (1830) [Formation of the State Council. January 1, 1810]. In *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe*. Saint-Petersburg, Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, vol. XXXI, no. 21064.

Osnovaniya rossiiskogo prava, izvlechennye iz sushchestvuyushchikh zakonov Rossiiskoi imperii. Izdavaemye Komissiei sostavleniya zakonov (1818) [Fundamentals of Russian law, extracted from the existing laws of the Russian Empire. Published by the Law Drafting Commission]. Saint-Petersburg, Tipografiya Komissii sostavleniya zakonov, upravlyaemoi Karlom Kraiem, 241 p.

Proekt Grazhdanskogo ulozheniya Rossiiskoi imperii, sostavlennyi v Komissii sostavleniya zakonov (1809) [Draft Civil Code of the Russian Empire, compiled by the Law Drafting Commission]. Saint-Petersburg, Senatskaya tipografiya, part 1, 174, IV p.

Proekt Ugolovnogo ulozheniya Rossiiskoi imperii. Chast' 1: Osnovaniya ugolovnogo prava; Chast' 2: O nakazaniyakh za gosudarstvennye i obshchestvennye prestupleniya; Chast' 3: O nakazaniyakh za chastnye prestupleniya (1813) [Draft Criminal Code of the Russian Empire. Part 1: Foundations of Criminal Law; Part 2: On Punishments for State and Social Crimes; Part 3: On Punishments for Private Crimes]. Saint-Petersburg, Senatskaya tipografiya, 185 p.

Rozenkampf G. A. (1803) Nekotorye zamechaniya na ugolovnye i grazhdanskie zakony v otnoshenii k Rossii [Some remarks on criminal and civil laws in relation to Russia]. In *Vestnik Evropy*, part 7, no. 2, pp. 141–156.

Rozenkampf G. A. (1827) *O Kormchei knige* [On the Kormchaya Book]. Saint-Petersburg, Tipografiya Karla Kraiya, 13 p.

Rozenkampf G. A. (1839) *Obozrenie Kormchei knigi v istoricheskom vide* [Review of the Kormchaya Book in historical form], 2nd ed. Saint-Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 752 p.

Rozenkampf G. A. (1938) *Korennyye zakony Rossiiskoi imperii / Vseobshchee ulozhenie dlya Rossiiskoi imperii* [Fundamental Laws of the Russian Empire / General Code for the Russian Empire]. In *Zapiski Russkogo nauchnogo instituta v Belgrade*. Belgrad, Russkii nauchnyi institute, is. 15, pp. 157–164.

Ruzhitskaya I. V. (2012) Kodifikatsionnye proekty imperatora Aleksandra I kak sostavnaya chast' ego politicheskikh reform [Codification projects of Emperor Alexander I as an integral part of his political reforms]. In *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 11, pp. 130–139.

Shershenevich G. F. (1898) *Istoriya kodifikatsii grazhdanskogo prava v Rossii* [History of the codification of civil law in Russia]. Kazan, Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 128 p.

Sistematicheskii svod sushchestvuyushchikh zakonov Rossiiskoi imperii s osnovaniyami prava, iz onykh izvlechennymi. Izdavaemyi Komissiei sostavleniya zakonov. Ch. 2: Pravo lits (1815) [Systematic collection of existing laws of the Russian Empire with the grounds of law extracted from them. Published by the Law Drafting Commission. Part 2: Law of persons]. Saint-Petersburg, Tipografiya Komissii sostavleniya zakonov, vol. 1, 436 p.

Tomsinov V. A. (2008) Sistematzatsiya rossiiskogo zakonodatel'stva v pervoi chetverti XIX veka [Systematization of Russian legislation in the first quarter of the XIX century]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo*, no. 3, pp. 14–49.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *О. Ю. Петрова*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная верстка *О. Ю. Петровой*

Подписано к использованию 31.01.25.
Уч.-изд. л. 7,63. Объем 2,06 МВ

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит